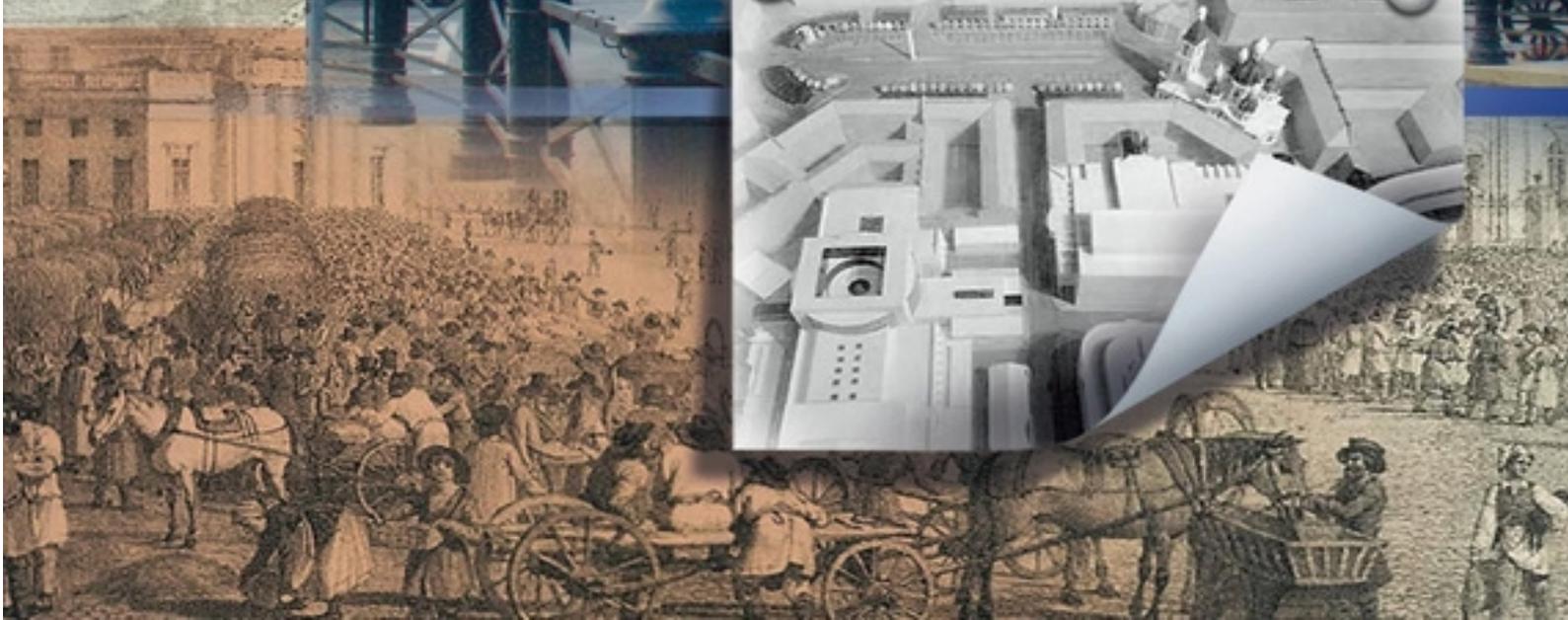

Зоя Юркова

СЕННАЯ ПЛОЩАДЬ

ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

Annotation

Книга посвящена Сенной площади, месту, которое, несмотря на внешний лоск, олицетворяет «изнанку» парадности города. Красивейшая церковь Успения здесь соседствовала с рынком, Вяземская лавра – с домами богатых владельцев... Ныне же фешенебельные торговые центры мирно уживаются рядом с продуктовыми рядами.

Как сформировался такой противоречивый, совмещающий противоположные полюса городской жизни район, какие события происходили здесь на протяжении почти трехсот лет истории, что за люди оставили в ней свой след – обо всем этом читатель узнает из книги Зои Юрковой.

Зоя Владимировна Юркова

Сенная площадь. Вчера, сегодня, завтра

Введение

Сенная площадь – одна из главных загадок Петербурга. Несмотря на свое расположение в стороне от главных достопримечательностей и архитектурных ансамблей города. Сенная всегда являлась центром притяжения горожан и объектом внимания коммерсантов как в XIX веке, так и в конце XX – начале XXI веков. Именно на ней расположен самый крупный и популярный в городе рынок, именно она представляла и представляет предмет многолетних споров и дележки современных коммерческих и финансовых структур, ее даже называют местом «повышенной конфликтности».

Площади посвящено несметное число заседаний Городской думы, газетных и журнальных

публикаций второй половины XIX столетия. О ней писали самые известные русские писатели. Из школьной программы всем памяты строки стихотворения Н. А. Некрасова: «Вчерашний день, часу в шестом зашел я на Сенную // Там били женщину кнутом, крестьянку молодую...». Здесь живут многие герои произведений Ф. М. Достоевского: Родион Раскольников, герой романа «Преступление и наказание», приходит каяться именно сюда, на Сенную площадь. В повествовании В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» площадь становится одним из главных действующих лиц. В доме Полторацких на Фонтанке бывал А. С. Пушкин. С церковью Успения Божией Матери связано имя А. А. Блока.

Не миновал Сенную площадь и В. И. Ленин: в 1895 году в течение пятидесяти дней – с 30 сентября по 20 ноября – он жил в доме № 44 по Садовой улице и написал там несколько статей и одну из своих многочисленных революционных листовок «К рабочим и работницам фабрики Торнтон».

Сенная площадь возникла в 1738–1739 годах. Однако относящиеся к площади проектные материалы XVIII–XIX веков практически не исследовались историками архитектуры, хотя они имеются почти на каждое царствование. Это генпланы П. М. Еропкина, Ал. В. Квасова, П. Сент-Илера, ряд чертежей времени правления Александра I, множество проектов реконструкции Сенной площади во второй половине XIX века – только на этот период их насчитывается более двадцати.

Из изданий XIX века, посвященных отдельным объектам Сенной площади, в первую очередь

необходимо назвать «Историко-статистическое описание Спасо-Сенновской церкви в Петербурге», составленное протоиереем Иоанном Образцовым (год издания 1885). Это подробное описание церкви, как до ее перестройки, так и после проведенной в 1867–1871 годах реконструкции. Издание содержит сведения о размерах прихода, о принадлежавших церкви Успения строениях, о священниках, старостах, жертвователях – сенновских купцах, о «здателе» церкви С. Я. Яковлеве, об архитекторах, о церковных святынях, условиях службы, прихожанах, церковной библиотеке и архиве, о благотворительности, местных праздниках. Статья о церкви в сборнике «Монастыри и лавры» существенно дополняет описание Образцова. Материалы Городской думы и газетные статьи дают представление о перипетиях вокруг строительства рынка в период 1862–1883 годов. Последнее дореволюционное издание – отчет Городской думы 1912 года, посвященный обзору рынков Европы и Петербурга в связи с предстоящей очередной реконструкцией Сенного рынка.

Современное знание истории Сенной площади складывается из отрывочных сведений и поверхностных впечатлений, почерпнутых главным образом из романа В. В. Крестовского. Часто упоминается Вяземская лавра. Сенную называют самым значимым местом Петербурга. Бытует мнение, что, несмотря на все попытки наведения на ней порядка, «злостный Genius loci Сенной постоянно вырывался наружу». Любимая тема авторов публикаций о ней – трактир и публичный дом под названием «Малинник», воровские истории и воровская «мистика».

Большинство высказываний о Сенной носит оттенок пренебрежения и насмешки. Этими недостатками грешит и статья во втором томе (книга шестая) энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга». Мистика, на наш взгляд, заключается в том, что стражи порядка постоянно расписываются в своей беспомощности – у них из-под носа, как раньше, так и сейчас, неизвестно куда исчезают преступники. Что же до «мрачного леса» с кривыми деревьями, то они росли здесь везде, ибо, как известно, на болоте строевой лес не растет. Оскорбительно для Сенной такое полное незнание истории и неуважение! Подобные интонации отсутствуют у В. В. Крестовского, его тон – трагичность и глубокое сострадание.

Такие оценки представляют Сенную вечным рассадником зла и формируют сегодняшнее отношение к ни в чем не повинной площади как средоточию «темных сил». Особенно усердствует в этом фильм «Сенная площадь – покровительница темных сил», показанный 9 марта 2011 года на канале телевидения ТВ-3. Зловещий голос за кадром нашептывает о «мрачном лесе» на месте Сенной площади, где веками (Петербургу-то всего 300 лет!) «мистически» исчезали из поля зрения полиции преступники, о темной энергии и змеях, место обитания которых в «мрачном лесу» за триста лет до того определено авторами фильма «абсолютно точно» – там, где стоит Гауптвахта. Поэтому неспроста, по их утверждению, в конце XX века туда был переведен серпентарий городского зоопарка.

Историки XIX века А. И. Томилин и М. И. Пыляев уделили Сенной площади особое внимание, подробно рассказав о торговле и торговцах Сенного рынка и о нем самом, о церкви Успения и ее строителе Савве Собакине, о связанных с ней некоторых событиях и легендах.

Исследование рыночных и соборных площадей городов Западной Европы и России провел А. В. Бунин. Значительный вклад в эту тему сделал австрийский архитектор Камилло Зитте, анализируя исторические аспекты формирования городских площадей и их оформления.

Феномен Сенной площади пытаются осмыслить и современные литераторы. Так, Н. Катерли сделала характеристические зарисовки ленинградских типов, проживающих самые обычные жизни в одной из коммунальных квартир Ленинграда в 1960-е годы. Время от времени они попадают на Сенную площадь, вернее в то время площадь Мира, где существует некий магический треугольник, а сама площадь оказывает на них таинственное воздействие, лишая сознания и памяти. Сенная площадь присутствует в творчестве писателя С. А. Носова. Он и поэт Г. Григорьев называют ее «Площадью Вселенной». Авторы ясно чувствуют необычность этого места и стараются ввести площадь в сюжет, сделать ее «героиней» своих повествований.

Сенной площади посвящен большой объем иконографии, начиная с аксонометрического плана Сент-Илера – Горихвостова– Соколова. Ее изображал художник Б. Патерсен на рубеже XVIII–XIX столетий. Церковь Успения Божией Матери присутствует на многочисленных городских пейзажах его серий. Сенная площадь встречается в циклах литографий, посвященных Петербургу и созданных в правление Александра I и Николая I.

Генеральным планом 1937–1939 годов Сенной площади отводилась роль соединительного звена между старым городом и новым социалистическим Ленинградом. В конкурсе 1956 года на застройку Московского проспекта (тогда проспекта им. И. В. Сталина) она рассматривалась как один из центральных градостроительных узлов города, выполняющих сразу несколько функций – торговую, транспортную, парадно-представительскую.

Особенность Сенной площади отмечали историки архитектуры В. И. Пилявский, Ю. М. Денисов, Л. А. Медерский, но при этом системного исторического анализа авторы не проводили и только констатировали, что здание церкви не исследовалось, архитектор первоначального проекта не установлен, история ее строительства не изучена.

Т. А. Славина и С. В. Семенцов подчеркивают, что Сенная площадь «занимает одно из ключевых мест в планировочной, функциональной, архитектурно-пространственной структуре центра Санкт-Петербурга», и на протяжении своего существования она, «вплоть до 1950-х гг., повышала свой общегородской статус и уровень градостроительно-архитектурной „центральности“». Они провели систематизацию исторических сведений и материалов о площади и выделили семь этапов ее формирования.

Сенная площадь – сложнейший организм, часть городской градостроительной структуры. Она, как и весь город в целом, отражает систему духовных ценностей – устремления, приоритеты и вкусы власти, степень и качество ее взаимодействия с обществом, соотношение общественных сил и является физиономией самого общества. Формирование облика Сенной происходило так же бурно, как и вся архитектурная лепка Петербурга. Вокруг нее возникали и исчезали улицы, появлялись и перестраивались здания, менялось ее обрамление. Неизменной оставалась лишь кипучая торговля, если не всегда на самой площади, то непременно где-то рядом. «Тектонические процессы» на Сенной площади не закончились до сих пор.

К настоящему времени наиболее полно история Сенного рынка и Успенской церкви исследована и описана автором данной книги и опубликована в сборниках «Памятники истории и культуры Петербурга», выпуски 6, 8, 9. Сенной площади как главной торговой зоне Петербурга посвящена одна из глав диссертации автора «Процесс формирования архитектурно-планировочной структуры Петербурга в первой трети XIX века (на примере творчества А. Модюи)», в которой проведен анализ процесса архитектурно-градостроительного проектирования александровского времени, а также предшествующих периодов

(защита состоялась 22 апреля 2009 года в Санкт-Петербургском архитектурно-строительном университете).

Книга освещает архитектурно-градостроительное формирование Сенной площади в историческом развитии Петербурга в целом, раскрывает значение площади для города и горожан, содержит предложения по ее использованию на основе исторического анализа. В книге предпринята попытка осмыслить тему воссоздания церкви Успения Божией Матери, снос которой в 1961 году до сих пор вызывает наиболее мощный общественный резонанс по сравнению со всеми остальными утраченными храмами Петербурга.

Первая часть книги посвящена возникновению и формированию Сенной площади, а также основным ее объектам – рынку, Успенской церкви и караульному дому, играющим важнейшую роль в пространственной организации площади.

Вторая часть рассказывает о событиях, происходивших на Сенной площади и рядом с ней, о личности строителя церкви Успения С. Я. Яковлева, об улицах и некоторых зданиях, расположенных рядом с площадью. В ней использованы обширные цитаты из романа В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» и очерков А. А. Бахтиярова «Брюхо Петербурга».

Третья часть отображает советский период жизни Сенной площади, начиная с 1917 года и практически до наших дней.

Основная задача книги – раскрыть смысл и значение Сенной площади для Санкт-Петербурга на основе анализа ее исторического развития, выявить, как на разных этапах время отражалось в ее архитектурном оформлении. Этим объясняется сжатость изложения материала, а тема Сенной площади далеко не исчерпывается этим изданием.

В истории Сенной площади мы выделяем три основных этапа развития: 1-й этап формирования площади как структурно-планировочной единицы городского пространства (1737–1760 годы); 2-й этап стабильности и совершенствования (1765–1961 годы); 3-й этап распада и стагнации (с 1961 года).

С этим можно не согласиться, поскольку внутри каждого из этапов возможны дополнительные деления. Их границы в значительной степени зависели от смены правителей, определявших градостроительную политику, а также от изменений экономических отношений. Так, например, эпохальным для площади явился 1862 год, когда сгорел Сенной рынок, хотя вопрос о его реконструкции возник более, чем за десять лет до пожара. Началом последнего этапа можно считать 1938 год, когда церковь Успения была выведена из-под государственной охраны как памятник истории и культуры, этот же этап можно начать с момента принятия декрета об изъятии церковных ценностей или же с 1917 года.

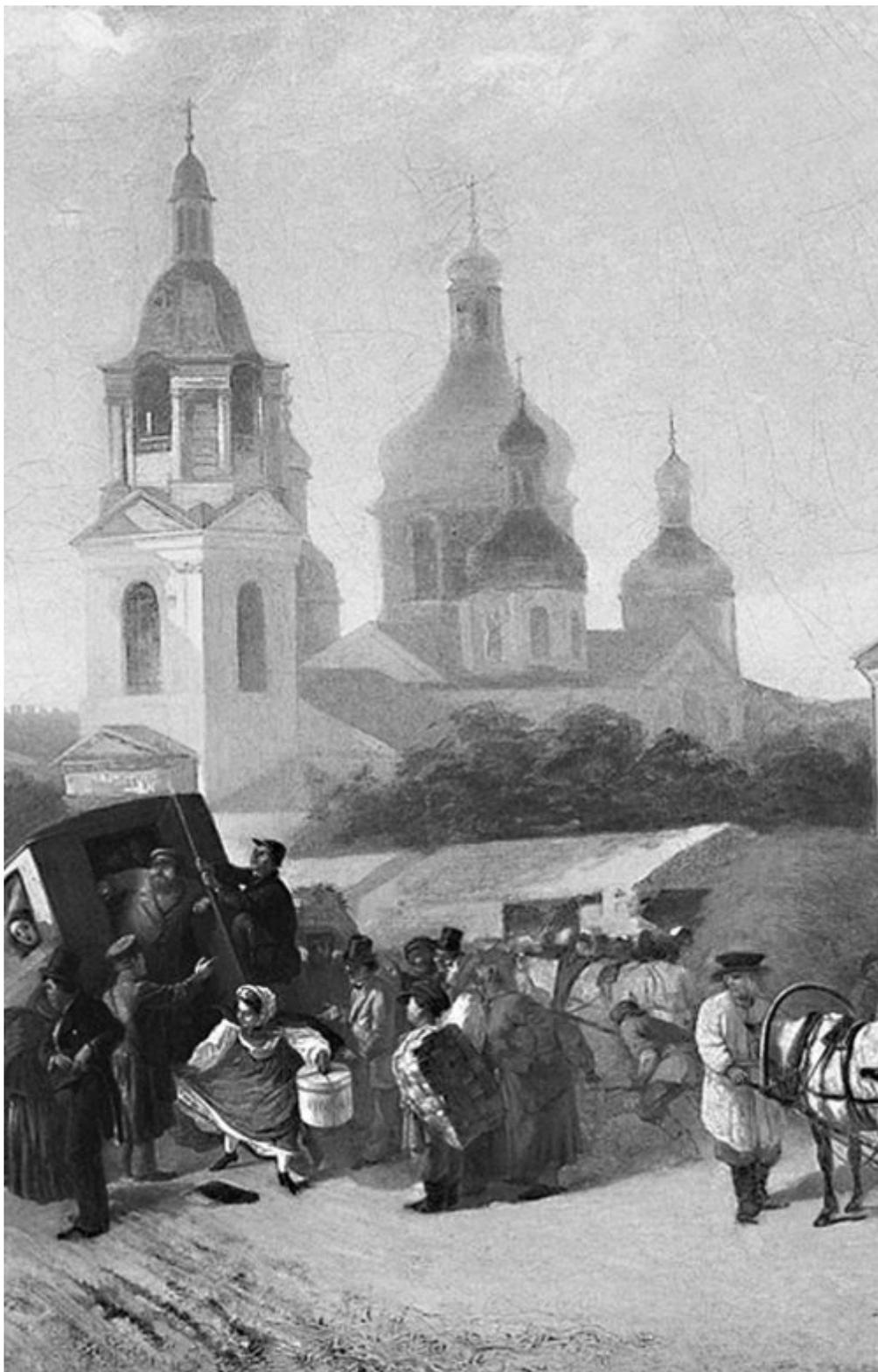
В книге использованы материалы, полученные во время стажировки во Франции, проходившей в конце 2010 года при поддержке Дома наук о человеке в Париже (La Maison des sciences de l'Homme a Paris). В Приложении помещена небольшая справка об архитекторе А. Ф. (А. А.) Модюи (доклад на конференции в Институте славянской культуры в Париже).

Выражаю глубокую признательность за помощь в сборе и обработке материалов Д. Д. Акимову-Петерцу, Н. И. Ампилогову, Ю. Ю. Бахаревой, о. Александру (А. В. Берташу), Д. А. Бойцову, А. В. Бурдяло, Д. А. Бутырину, С. И. Вареховой, И. Л. Воиновой, А. И. Всемирновой, Е. М. Глухой, С. Б. Горбатенко, В. Ф. Егоровскому, Н. Н. Елгахину, С. П. Заварихину, А. А. Зотовой, В. Г. Исаченко, Б. М. Кирикову, О. М. Кормильцевой, А. В. Корниловой, О. В. Корольковой, А. В. Кречмеру, А. К. Кузнецову, М. В. Кудрявцеву, о. Михаилу (М. Малюшину), Б. М. Матвееву, А. В. Михайлову, Т. М. Михеенковой, Т. И. Николаевой, И. М. Носовой, В. Е. Павлову, П. В. Платонову, А. В. Позднухову, В. В. Полетайкину, И. А. Путиловой, Е. М. Раппопорту, С. В. Семенцову, Т. А. Славиной, В. В. Смирнову, С. М. Угай, М. В. Фоминой, В. Г. Хильченко, М. С. Штиглиц, Е. О. Юркову, Н. И. Юрковой, сотрудникам петербургских архивов и библиотек.

Часть первая

Главная торговая площадь

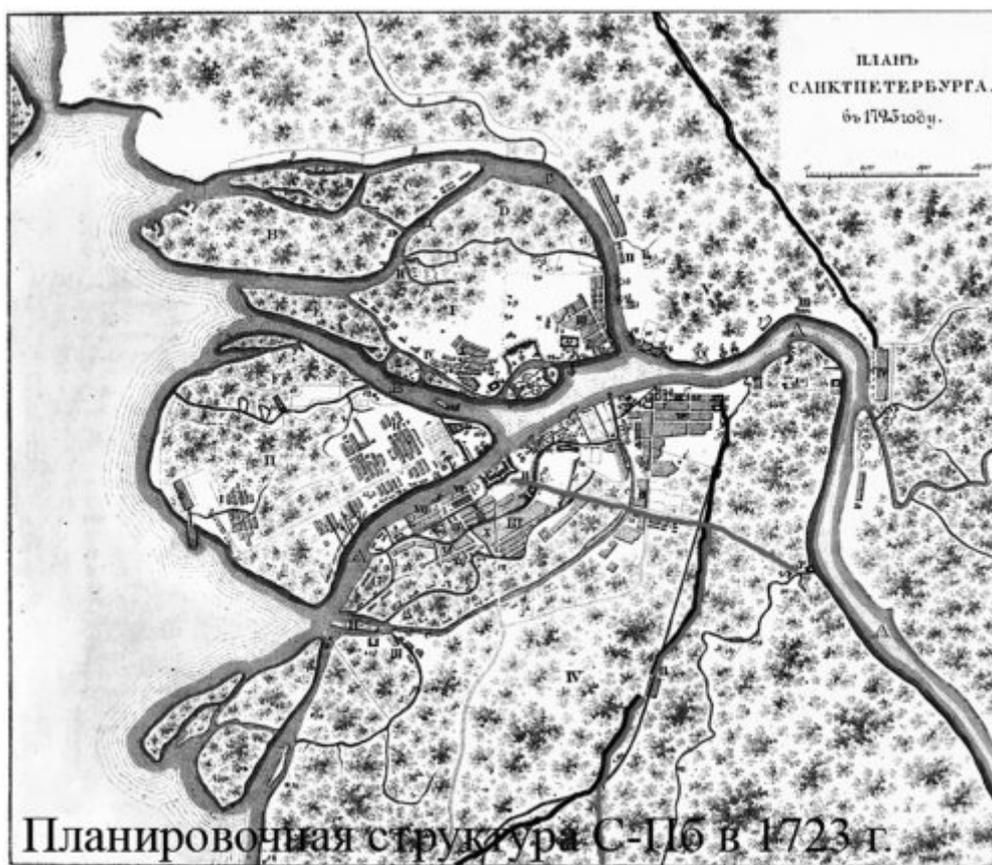

Петербург возник по царскому указу вопреки логике и существовал по принуждению. С одной стороны, недостаток места приложения труда; с другой – принудительное переселение, тяжкие природные условия, отсутствие внутригородских коммуникаций и связей с внешним миром, – все это делало жизнь в городе практически невозможной. Вскоре после кончины Петра I двор оставил новую столицу. Из города началось массовое бегство насильно согнанных сюда жителей. Санкт-Петербург был обречен на умирание, он начал хиреть, разрушаться – первый русский император не оставил наследников, не подготовил себе преемника.

Только в 1732 году курляндская принцесса Анна, избранная императрицей дочь царя Иоанна и племянница императора Петра, приняла решение о возвращении Петербургу столичных функций. Оно не было продиктовано любовью к «отеческим гробам», а определялось приверженностью к немецкому стилю жизни, немецкому окружению и влиянием Э.-И. Бирона, фаворита Анны Иоанновны и фактического правителя страны. Такая ориентация государственной политики не могла быть поддержана и осуществлена в Москве, и поэтому в покинутый Петербург полетели гонцы с указами о поправлении дворца, расчистке улиц, подготовке административных зданий для перевода государственного аппарата. Анна Иоанновна объявила себя преемницей Петра, въехала в его дворец и после опустошительных пожаров 1736 года распорядилась о реконструкции Петербурга.

Для урегулирования застройки была создана Комиссия о Санктпетербургском строении. Возглавил ее сам Бирон, назначивший главным архитектором П. М. Еропкина. Еропкин не стал вносить принципиальные изменения в городскую среду и сохранил ее основные характеристики, закрепив направление планировки «на спицу», то есть башню Адмиралтейства и, таким образом, осуществил лучевую планировку, запроектированную еще при Петре I городским архитектором И. Гербелем.

Петербургское трехлучие парадоксально. Во-первых, оно сосредоточено не на здании государственного центра. Во-вторых, главная его улица, Невский проспект, является боковым лучом, в то время как центральный, казалось бы – главный луч, Гороховая улица, по факту оказывается второстепенной улицей, не играющей важной роли в организации городской жизни. Другой боковой луч, Вознесенский проспект, выполняет свою «роль» только эпизодически – как дорога, ведущая к Мариинскому дворцу, где сегодня заседает Законодательное собрание Санкт-Петербурга.

Планировочная структура Санкт-Петербурга в 1723 г.

В-третьих, три широко раскинувшиеся луча петербургского трезубца только кажутся бесконечно уходящими вдаль перспективами. Они, в отличие от Версальского трехлучия, были тупиковыми и не обеспечивали связь с внешним миром, которая возникла только в середине XIX века в виде железных дорог. В концах двух из этих улиц были размещены военные подразделения. Гороховая улица и Вознесенский проспект вели в Измайловскую и Семеновскую полковые слободы, и войска при необходимости могли быстро оказаться под императорской рукой: собраться для проведения экзерциций, парадов или для другой надобности. Невская перспектива останавливалась руслом Невы и замыкалась Александро-Невским монастырем. Тем не менее, это было важнейшее решение, определившее композиционный строй городской планировки, а «трезубец», ориентированный на Адмиралтейский шпигель, визуально организовал город.

Планировочная структура Санкт-Петербурга в 1806 г.

Тогда же было принято еще одно, возможно, даже более важное решение, значение которого до сих пор остается недооцененным, – Комиссия П. М. Еропкина продлила через Фонтанку Саарскую перспективу, соединявшую новую столицу с Москвой – и, следовательно, со всей страной, до пересечения ее с Садовой улицей. Эта улица уходила в Коломну, откуда она направлялась к Петергофской дороге и далее в страны Европы. Среди прочих площадей Комиссия «назначила <...> площадь для продажи сена и дров» на пересечении этих въездных дорог.

Таким образом, две магистрали, ведущие в Петербург, пересеклись в одной точке. Вокруг нее на плане была вычерчена площадь, что и было закреплено высочайшей резолюцией Анны Иоанновны от 20 августа 1739 года «О регулировании на Адмиралтейской стороне между Мойкой и Фантанной речкой мест по рассмотренному видимой той плана онаго назначенной за Глухой речкой, против Сарской першпективы для привозу и продажи сена и дров и протчих припасов площади».

В Петербурге было множество так называемых «сенных площадок», где хранилось сено и которые служили своего рода оптово-торговыми складами. К ним предъявлялись особые требования: располагаться как можно дальше от жилья «для опасности от пожарных случаев», и места для них «назначали» наравне с улицами, площадями и объектами городского строительства. Но не всем им предназначено было стать Сенной площадью. Избранный для организации площадки поросший мелколесьем гигантский болотистый пустырь, расположенный между двух водных протоков, полностью отвечал предъявленным условиям.

С введением территориального деления Петербурга на части в 1811 году площадь числилась в 3-й Адмиралтейской части. После 1863 года, с введением нового административно-территориального деления города, она оказалась в 3-м участке Спасской части, получившей название, очевидно, по находящейся на Сенной площади церкви Спаса. По названию церкви именовался переулок напротив церкви. И все они располагались на Спасском острове.

Застраиваемая в утвержденных границах Сенная площадь простиралась от улицы, впоследствии получившей название Спасский переулок, до будущего Кокушкина переулка. Очевидно, что застройка вдоль речки Кривуши (позже – Екатерининский канал) еще не планировалась – слишком уж близко подходили к «красной линии» речные берега, еще не имевшие укрепления. С противоположной стороны застройка врезалась в площадь, очертив ее по границе будущего Таирова переулка и образовав так называемый «карман». Так граница площади получила изломы, а размеры ее были несколько больше, чем сегодня. Комиссия для строений предлагала застраивать кварталы вокруг площади по усадебному типу – строениями с небольшими участками, нарезанных по периметру, и не предполагала выраженных архитектурных акцентов. В восточной части площади изображены два стоящие параллельно друг другу навеса для торговли.

Сенная площадь сразу стала крупнейшей торговой площадью Петербурга.

«Бесплатная сенная площадка»

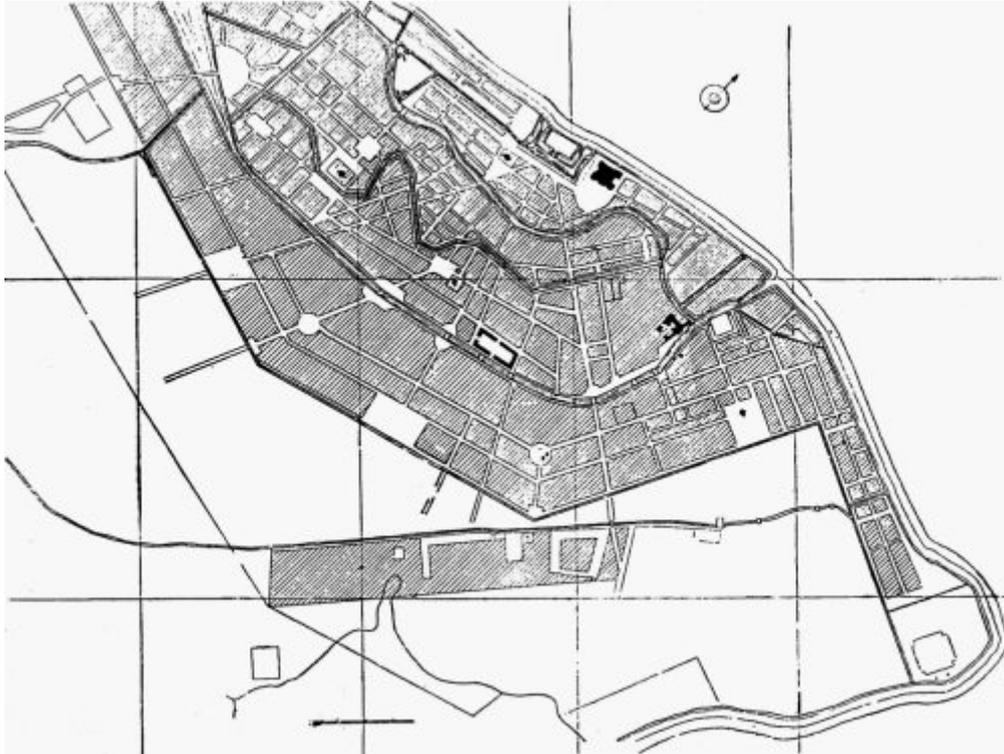
Сенная площадь и Сенной рынок во времена Екатерины II

Следующий период жизни Сенной площади начинается с царствования Екатерины II. Каждый правитель начинает свою деятельность с реформ, начала с них и Екатерина. Реформы нашли свое отражение в грандиозной и беспрецедентной по своим масштабам реконструкции русских городов.

Для Петербурга также был разработан новый генеральный план. Его создал в 1763–1767 годах талантливый архитектор Ал. В. Квасов, возглавлявший Комиссию городских строений. Он объявил конкурс на разработку генерального плана Петербурга. Однако ни одного проекта не было представлено, и архитектору пришлось самому заниматься проектированием и решать все вопросы городского устройства. Трудность его положения заключалась еще и в том, что он не бывал за границей и не мог познакомиться с принципами западноевропейского градостроительства. Очевидно, он учился по привозимым из Европы книгам и проектам. Тем не менее, Квасов абсолютно правильно понимал свою задачу, выделяя государственный центр, устраивая новые площади в «стратегических» местах и соединяя их улицами, обеспечивая тем самым коммуникационные потребности города. Но зачастую его решения выглядят несколько наивными. Это в первую очередь относится к предложению по урегулированию главной площади, где находилась императорская резиденция, – Дворцовой. Так, не зная, как изолировать дворец от производственной площадки, каковым являлось до реконструкции Адмиралтейство, он предложил окружить его оградой (следуя логике, это должен был быть глухой каменный забор). С помощью другой ограды формировалась и площадь перед дворцом. Поскольку подъезд к императорской резиденции должен осуществляться с центральной улицы, то въезд на площадь архитектор предложил сделать сбоку, куда подходил Невский проспект. Площади, как, например, у Калинкина моста и на пересечении Семеновского и Царскосельского проспектов и другие въездные площади, неестественно велики, к некоторым из них ведет неоправданно большое количество улиц-лучей. Словом, архитектору явно недоставало опыта градостроительного проектирования. Главная заслуга Ал. В. Квасова состоит в том, что он сумел сформулировать задачи и решить принципиальные позиции генерального плана столицы.

После утверждения генпланы Ал. В. Квасова стали действующими градостроительными документами, и именно их рациональные качества были положены в основу виртуозной реконструкции Петербурга в период александровского правления.

Регулированию подверглась и Сенная площадь. К этому времени на ней уже находилось доминирующее строение – церковь Успения Божией Матери. Она косо стояла в юго-восточном углу площади, врезаясь в нее и создавая острую асимметрию нарушением «красной линии».

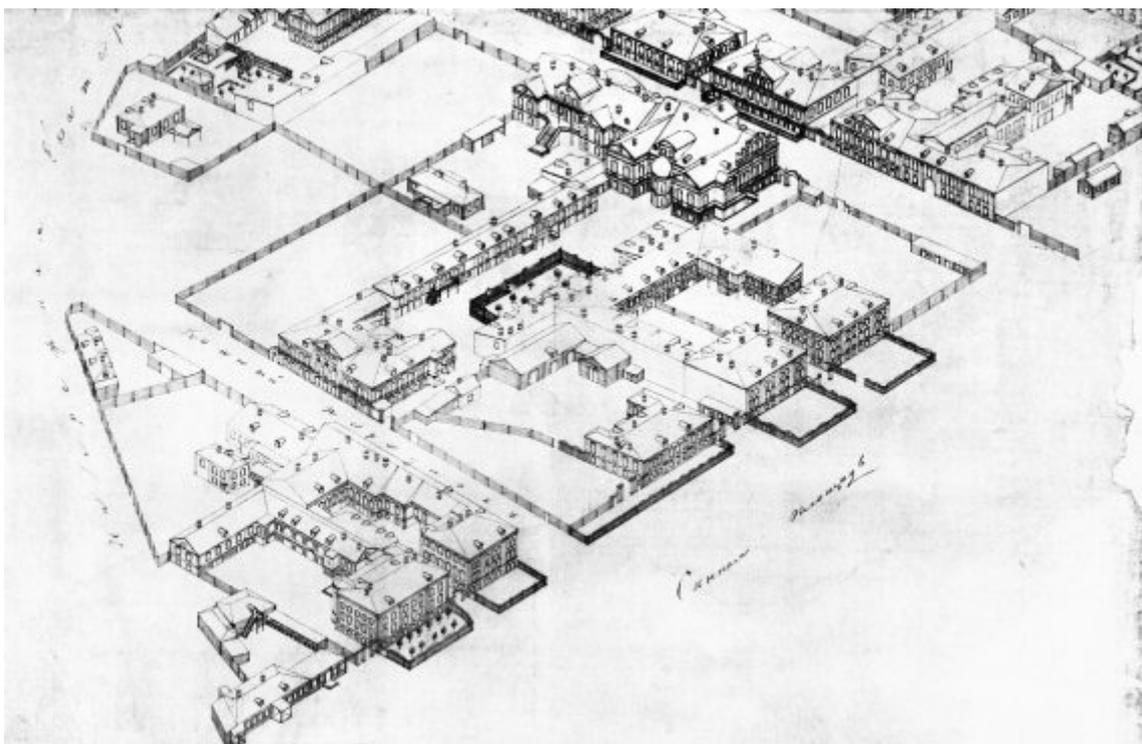
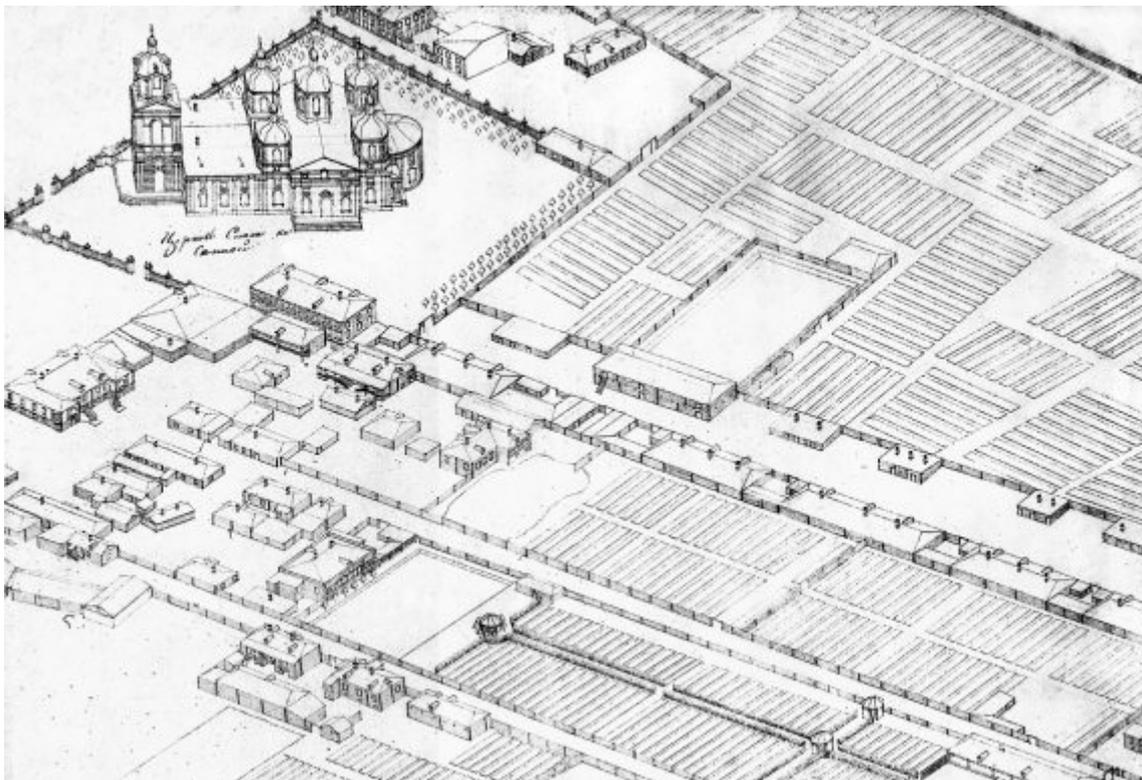
А. В. Квасов. Проект планировки Адмиралтейского острова. 1766 г.

Такое положение диктовалось, во-первых, церковными канонами – алтарь должен быть обращен на восток, во-вторых, желанием С. Я. Яковлева построить храм именно на площади. Для того чтобы создать «правильное» очертание площади, Квасов изобрел некую постройку в «кармане», возникшем напротив церкви, – на плане появился маленький квадратик (там где сейчас стоит бывшее здание Гауптвахты), симметрично завершающий восточную линию площади. Однако этого было недостаточно, потому что церковь стояла под углом в 45 градусов к оси Садовой улицы, да и ко всей застройке в целом. Поэтому саму церковь архитектор окружил оградой симметрично этому новому объему, «исправляя» тем самым косоое положение церкви и формируя прямоугольник площади. В ограду церкви со стороны Садовой улицы он встроил часовню. Логично предположить, что в симметрию ей, на другой стороне улицы, предполагалось нечто подобное. Именно эта идея – регулирование застройки с помощью дополнительного небольшого здания – была использована при реконструкции Сенной площади, проведенной в правление императора Александра I.

Б. Патерсен. Сенная площадь. Около 1800 г.

Представление о застройке района Сенной второй половины XVIII века можно составить по сохранившемуся фрагменту аксонометрического плана Сент-Илера и картинам художника Б. Патерсена. Под стенами окружавших площадь домов разбиты палисадники, обнесенные низкими деревянными заборчиками. В восточной стороне площади боком стоит громада церкви. По сравнению с усадебной планировкой из мелких одинаковых участков, которую предлагал П. М. Еропкин, планировочный модуль изменился – размеры участков увеличились, двух-трехэтажные строения с большой высотой этажа сконцентрировались вдоль «красных линий» кварталов. Возникли здания дворцового типа, такие как, например, дом С. Я. Яковлева на набережной Фонтанки. При сравнении плана Сент-Илера с изображением Б. Патерсена 1797–1800 годов обнаруживается, что предложенное Ал. В. Квасовым упорядочение «красной линии» площади с помощью дополнительной встройки в ее восточной части не было осуществлено, но ограда вокруг церкви и встроенная в нее часовня соответствуют его проекту.

Сент-Илер. Горихвостов. Соколов. План территории 3-й Адмиралтейской части. 1768–1772 гг.

При Екатерине II в Петербурге было проведено регулирование рек и каналов, укреплены их берега и построены гранитные набережные. Это дало возможность уплотнить застройку, придвинув ее ближе к берегам. Очевидно, после этого застраивается участок площади вдоль Екатерининского канала в западной стороне, образуя, пожалуй, самый маленький в городе переулочек – Кокушкин.

Роящийся на Сенной площади рынок стал частицей государственной политики императрицы. Она чутко прислушивалась к настроениям людей и умела представить чужие интересы как свои кровные. Ее приближенные «согласно утверждали, что она всегда прилагала величайшее попечение о дешевизне жизненных припасов, особливо в столицах. Ея Величеству известны были каждый день цены хлеба и прочих жизненных потребностей». Кроме того, Екатерине было известно о перекупщиках, которые концентрировали товар в своих руках и по сговору могли поднять цены, и чью деятельность она намеревалась пресечь. Поэтому она старалась «открыть свободу торговли возможно большему числу желающих», чтобы «истребить монополию, и не терпела стеснения народного ради набогатения частных корыстолюбцев, и такие перекупщики скоро бы угодили в Сибирь».

Как писали петербургские газеты, указом от 1 марта 1774 года императрица приказала отвести «бесплатную Сенную площадь пригородным сельским хозяевам для продажи привозимых или различных съестных продуктов городским обывателям». Торговые места распределялись самым демократичным способом – по жребию. Всячески пропагандировалась идея самого дешевого в городе «народного» рынка. Именно поэтому он находился в городской казне, что давало небольшой, но стабильный доход городу, облегчало контроль над ценами и характером торговли на рынке, и главное – вызывало уважение к государыне. Крестьяне торговали «жизненными продуктами» без платы за места, обеспечивая пропитание горожан по самым низким ценам в Санкт-Петербурге. Таковы были главные условия существования Сенного рынка, установленные самой императрицей, проявлявшей заботу о простом обывателе, составляющем основание государства. 1 марта 1774 года в народе считается «днем рождения» Сенной площади, хотя официальная дата имеет более позднее происхождение.

21 апреля 1785 года, в день рождения Екатерины II, было принято первое «Городовое положение». Оно в числе прочего декларировало право «уездных жителей свободно и безопасно» торговать произведенной ими продукцией и регламентировало рыночную торговлю: «В городе назначать еженедельные торговые дни и часы во дне; и для того назначать место куда, и время когда привозить, продавать и покупать удобно будет что кому потребно, и на том месте Городской Магистрат велит поднять распущенное знамя, и в те часы пока знамя поднято, запрещается продавать, или покупать или закупать оптом припасы; со спущением знамя запрещение таковое снимается».

Торг производился как с возов, так и в рядах, то есть под деревянным навесом возле церкви Успения. Он начинался ранним утром и к полудню прекращался. Непроданный товар разбирали перекупщики, возы разъезжались, и площадь становилась свободной для прогулок граждан. Те, кто не продал товар, могли оставить его до следующего дня прямо на торговом месте. Такая форма торговли существовала с глубокой древности, поскольку гарантировала «встречу» продавца и покупателя. В Европе она используется и в наше время. Лишь в крупных городах торговля со временем приобретала постоянный характер. Очевидно, что представления о Сенной площади, забитой возами с сеном и толпами людей, сложилось значительно позже, в частности, благодаря отечественной литературе более позднего времени, поскольку торговля на ней производилась не ежедневно и только до полудня. Изобразительный же ряд представлял не только архитектурное оформление, но и рыночную функцию площади.

Б. Патерсен. Сенная площадь. Фрагмент. 1799–1801 гг.

С древнейших времен в странах Востока, Греции и Риме «Agora или Forum <...> служили местом, куда люди сходились для разных сношений и дел, в настоящее время совершаемых на биржах, в конторах и ресторанах <...> удобнейшими для того местами были открытые площади в центре городов <...> куда к определенному времени сходились продавцы и покупатели». Поэтому для торговли назначались специальные «базарные» дни. Рыночные площади окружали роскошными общественными зданиями, украшали фонтанами.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона сообщает об этом следующее: «В небольших городах, где рынки или базары представляют собой площадь под открытым небом, базарный день назначался раз в неделю. Это было выгодно и для крестьян, знавших, что найдут покупателей на свои продукты, и для городских жителей, которым предоставляется более разнообразный выбор. В более крупных городах число базарных дней увеличивается до двух и более в неделю и, наконец, в очень больших городах базарный торг производится ежедневно <...>, причем, из-за санитарных и других

полицейских соображений, торговля на открытых площадях, с лотков или прямо с возов, где она существует, разрешалась только в определенные, чаще обыкновенно утренние часы. Снабжение продуктами столичных рынков со временем переходит к купцам, комиссионерам и разным посредникам, завязывающим обширные связи и закупающим товар в больших количествах, часто в отдаленных районах, где продукты дешевле».

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Даже до принятия Городового положения торговля на Сенной не могла производиться ежедневно, и площадь фактически была всегда свободной – ведь торговля даже в эти дни производилась только до полудня, то есть до 12 часов дня. На одной из картин Патерсена можно увидеть столб, на котором развевается «распущенное знамя». Сенную использовали для проведения праздничных гуляний, зимой на ней возводили катальные горы, хотя они не могли конкурировать с теми, что устраивались на ледяном панцире Невы. Городовое положение, принятое при Екатерине, узаконило сложившуюся форму торговли. Это гарантировало права, как продавцов, так и покупателей, предотвращая незаконные поборы или иные притеснения, и, кроме того, укрепило авторитет государственной власти.

Церковь Успения Божией Матери

Церковь Спаса на Сенной площади – одно из самых значительных архитектурных сооружений Санкт-Петербурга. Долгое время она была первой церковью в черте города, попадавшей в поле зрения путешественника, подъезжавшего к столице со стороны Москвы. Церковь была видна уже от Московской заставы, вначале появлялась ее островерхая колокольня.

Древнерусские звонницы и колокольни играли важную роль на бескрайних русских просторах. Они служили ориентирами и фактически обеспечивали безопасность поселений. Это были в современном понимании средства связи и передачи информации – с помощью церковного колокола подавали сигналы о пожарах, приближении неприятеля, вспышках опасных заболеваний, праздниках. Поэтому деревни строились на расстоянии «колокольного звона» друг от друга. В обязанность звонарей входило бить в колокола во время грозы, что приводило к их частой гибели. Эта традиция связана, вероятно, с какими-то языческими верованиями. Праздничные звоны были своего рода концертными программами тех времен.

Торговля на Сенной площади приносила стабильный хороший доход, поэтому в 1743 году сенновские купцы Гроздов, Краснощеклов, Соломяков, Кокушкин, Рогов, Попов, Важин, проживавшие вблизи площади, обратились в кабинет «Ея Величества» императрицы Анны Иоанновны за разрешением поставить на ней храм. Но получили они желаемое разрешение только восемь лет спустя, после того как был составлен и утвержден штат петербургских священников. Специальным именованным указом императрицы Елизаветы Петровны от 8 декабря 1751 года им было дозволено на выбранном месте построить церковь.

На «Плане Столичного Города Санктпетербурга с изображением знатнейших онаго проспектов изданный трудами Императорской Академии Наук и Художеств в Санктпетербурге 1753 г.» изображено церковное здание в стиле петровского барокко удлиненной формы, в один свет, с фасадом на семь осей, абсидой, покрытой полукони-ческой кровлей и двухъярусной главкой. Фасады окрашены в два цвета – темный фон, на котором белым выделены широкие обрамления окон.

Для церкви было определено место приблизительно там, где сейчас находится дом № 40 по Садовой улице, в «красных линиях» Сенной площади и Садовой улицы. Алтарь был ориентирован на северо-восток, видимо, для того чтобы не нарушать фронт застройки. Рядом с рисунком надпись – «Сретения Господня» и название площади – «Конная». Как записал И. Я. Образцов, «сбор денег и материалов на постройку церкви не обещал скорого ее построения», поэтому на Выборгской стороне купили предназначенную к разборке деревянную церковь.

Здесь надо отвлечься и выяснить, почему церковь именовалась Успение, или Спас на Сенной.

Сенная, или Сенновская, площадь получила свое имя по основному продаваемому товару – сену, хотя иногда бывала и «дровяной», и «конной». Торговля лошадьми возле устья переулка, получившего по этой причине название «Конный» (позднее Демидов переулок, теперь переулок Гривцова. – *Прим. авт.*), дала и площади название «Конная». Его можно встретить как в литературе, так и в документах (план 1753 г.). Наименование «Дровяная» имеет соответствующее происхождение, поскольку на площади происходила также и продажа дров. Как известно, ни одно из этих названий не прижилось.

По имени площади стали называть и церковь Успения Божией Матери, выстроенную на ней в 1753–1765 годах, – Сенновская, Спасосенновская церковь. Настоятель церкви протоиерей И. Я. Образцов писал: «Церковь Успения Божией Матери, что на Сенной, вообще известная под названием Спасосенновской церкви. <...> Словами: „что на Сенной“, которые постоянно прибавляются к названию церкви, определяется уже и местоположение ее. <...> название „Сенная“ осталось за площадью навсегда, <...> Последнее замечание о Сенной площади может быть вполне отнесено и к церкви на площади

находящейся. Уже более 100 лет тут стоит церковь Успения Божией Матери, но нигде, и ни от кого в столице не услышишь такого названия церкви. „Спас на Сенной“, „у Спаса на Сенной“, „к Спасу на Сенной“: вот как обыкновенно выражаются о нашей церкви; даже когда пишут что-либо, кроме официальных бумаг, обыкновенно называют ее Спасосенновскою церквием».

В последние десятилетия в употребление вошло наименование этой церкви как «Успения Пресвятой Богородицы». Это название в просмотренных и изученных документах и источниках не встречается, за исключением плана Санкт-Петербурга Шуберта 1828 года. Дважды оно обнаружено в литературе: в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона и на плане Петербурга, опубликованном в одном из справочников «Весь Петербург». Уместно напомнить, что по плану «столичного города» за 1753 год предполагалось строительство церкви у Сенной площади во имя Сретения Господня. Каменная ее преемница должна была принять и ее имя. И. Я. Образцов рассказал, что церкви даже была пожертвована серебряная дарохранильница с надписью «в церковь Сретения Господня». Но так как главный престол был освящен во имя Успения, то строитель церкви С. Я. Яковлев «устроил свой ковчег, тоже серебряный, густо через огонь вызолоченный». На его задней стенке было написано: «сия дарохранильница церкви Успения Пресвятыя Богородицы, что у Спаса на Сенной, сделана тщанием коллежского асессора Саввы Яковлева сентября 20-го дня 1770 г. весу 1 п., 21 ф. и 6 золоти». Из этой надписи можно сделать следующий вывод: в 1770 году, возможно, еще действовала временная деревянная церковь во имя Спаса, а также и то, что «здатель» церкви по-своему истолковал ее наименование. Официальное же имя церкви было Успения Божией Матери.

Именем «Спас» церковь наделила народная память и одновременное существование двух церквей рядом (об этом говорит и надпись на яковлевском ковчеге) – по первой деревянной церкви, поставленной сенновскими купцами и освященной 18 июля 1753 года во имя Всемиловитого Спаса Происхождения Честных древ и Животворящего Креста Христова, или в просторечии Спас, что празднуется Православной церковью 1 августа, в день памяти мученика Маккавея. Поэтому иногда можно было услышать название «Спас Маккавей».

Петербургские газеты по этому поводу писали в 1864 году: «Церковь на площади зовется в народе Спас-на-Сенной, между тем престольный праздник там – Успения Богородицы. Прежде, лет 100 назад, была деревянная церковь во имя Спаса Нерукотворного». Народ привык к этому имени и называет ее так до сих пор.

Встречаются названия: Успенская церковь, Успения, Спас-на-Сенной, Спасосенновская, Спасо-Сенновская или просто Сенновская.

В 1952 г. площадь «по просьбам трудящихся» была переименована в площадь Мира, но горожане упорно продолжали называть ее «Сенная». И только безнадежный провинциал выдавал себя, говоря о Сенной – «площадь Мира». Историческое имя вернулось к ней в 1996 году.

Обратим внимание на то, что даже настоятель церкви протоиерей И. Я. Образцов в тексте дал название «Спасосенновская», а на обложку вынесено наименование «Спасо-Сенновская». Очевидно, трудно придерживаться какого-либо одного написания, поэтому в настоящей книге будут использованы практически все встречающиеся имена церкви. В цитатах – в соответствии с авторским текстом.

В последние годы XX века Московский патриархат принял постановление о приведении наименований церквей к единообразной канонической форме. В соответствии с этим постановлением церковь на Сенной стала именоваться «Успения Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной)».

Освящение храма, как уже сказано, произошло 18 июля 1753 года.

Через два дня, 20 июля 1753 года, рядом с только что поставленной деревянной церковью на Сенной

площади был заложен новый каменный храм, алтарем точно на восток и под углом в 45 градусов к Садовой улице.

М. И. Пыляев считает, что позволение на постройку последовало, «когда в этой местности появился богатейший домовладелец, коллежский асессор Савва Яковлев», в те времена еще Собакин, который мог быть гарантом строительства церкви и ее содержания. Он и произвел закладку новой церкви, а службы пока осуществлялись во временной деревянной церкви.

Храм освятили во имя Успения Божией Матери. Он был пятипрестольный, высота до креста главного купола 23 сажени 2 аршина, высота колокольни до креста 24 сажени 12 вершков. «Внутреннее расположение отличалось стройным соотношением всех частей, удобовместимостью (до 5000 человек)». Первоначально церковь имела три престола. Она по образцу русских православных храмов делилась на теплую (часть помещения от западного входа, так называемая «трапеза») с двумя приделами: Трехсвятительским и во имя преподобного Саввы, где служили только зимой, и холодную, «настоящую», для служения летом, с главным престолом во имя Успения Божией Матери. Колокольня от второго яруса была выстроена в дереве. Бытует мнение, что Яковлев сэкономил на кирпиче и именно поэтому получил медаль «За скупость». Однако, как писал И. Я. Образцов, при обследовании колокольни перед реконструкцией церкви для предполагаемой замены деревянных ярусов каменными выяснилось – толщина стен нижнего четверика колокольни не давала «основания сомневаться, чтобы каменной кладки она не выдержала», и «строитель церкви, ведший работу с 1753 г. медленно, вдруг поспешил закончить, по крайней мере, наружную постройку ее ко дню коронавания императрицы Екатерины II». Следы спешки при строительстве обнаружались и в других частях здания при архитектурно-археологическом обследовании церкви перед ее сносом в 1961 году.

Сенная площадь с акварели конца XVIII

Церковь окружали «красивая ограда» со встроенной в нее часовней и «прекрасный сад, носивший название „Настоятельский“».

Сенная площадь в ракурсе александровских преобразований

В царствование императора Александра I, как известно, были проведены широкомасштабные реконструктивные мероприятия в столице Российской империи. Они преобразили Петербург и сделали его одним из красивейших городов Европы.

Исследователи александровских реконструкцией Петербурга всегда рассматривали только преобразование центральных площадей и зону, примыкающую к Невскому проспекту, и редко выходили за их пределы, а ввести Сенную площадь в ряд шедевров градостроительства и архитектуры периода классицизма и вовсе никому не приходило в голову. Между тем в процесс проектирования была вовлечена практически вся территория Петербурга, и в том числе Сенная площадь. Она первой получила новое парадное оформление.

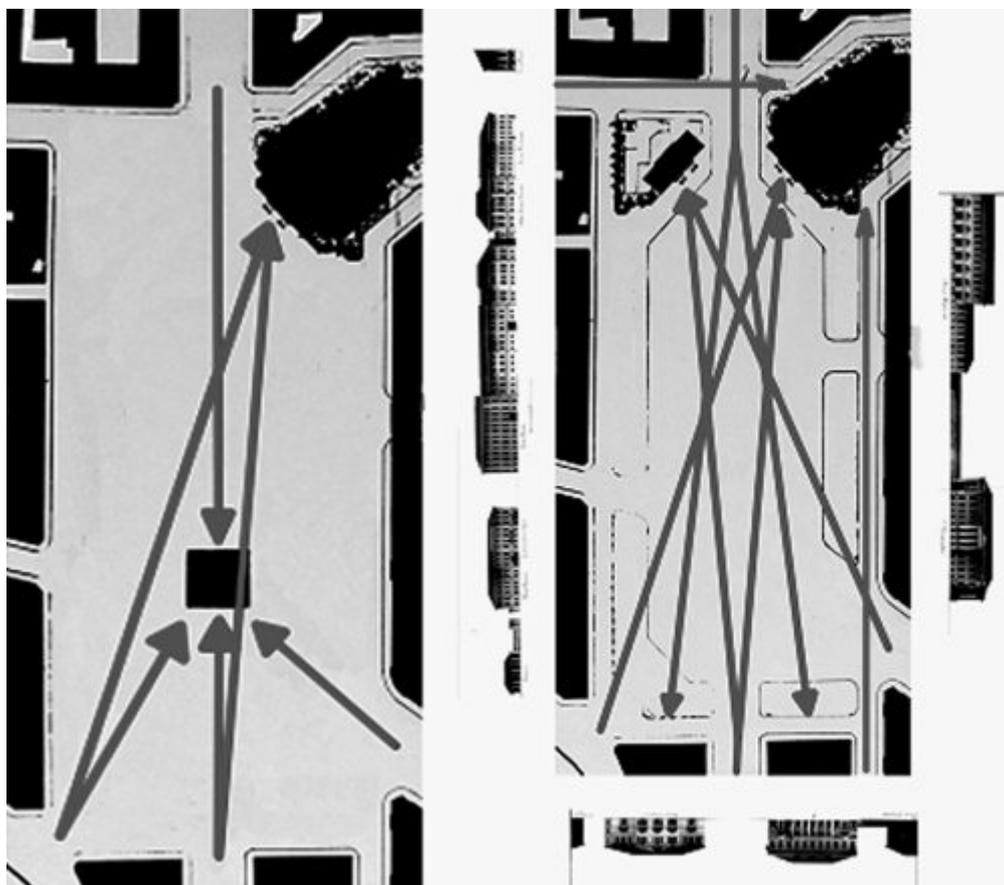
Александр I, возвратившись в Петербург после победного завершения войны и освобождения Европы от наполеоновского владычества, в 1816 году начал радикальную реконструкцию Санкт-Петербурга. Для этого имелись вполне объективные причины. На бережных Невы сконцентрировались «знаковые» здания столицы, задававшие масштаб последующего строительства: Петропавловский собор, Адмиралтейство, Зимний дворец, Биржа, Кунсткамера, дворец Меншикова, Академия художеств, Горный институт. Через Фонтанку перекинуты семь однотипных четырехбашенных мостов, ставших одним из средств композиционного объединения застройки. Вдоль Петергофской дороги, которая, по свидетельству современников, своей красотой превосходила Елисейские поля, складывался морской фасад столицы – он должен был соединиться с панорамой невской набережной. Государственный центр локализовался на набережной Невы, в Зимнем дворце. При этом доминантой левобережной части оставалось Адмиралтейство. К нему вели три радиальные магистрали, а императорская резиденция по-прежнему оставалась фактически изолированной как от главной улицы столицы – Невского проспекта, так и от въездных дорог – Московского тракта и Петергофской дороги, которые вели не в парадную часть города, а пересекались на хаотично застроенной Сенной площади: именно она представляла собой не что иное, как въезд в Петербург, именно через нее пролегла дорога в Москву. На одной из своих картин, посвященных Сенной, художник Патерсен изобразил запряженную восьмеркой лошадей карету с двуглавым орлом на дверце, выезжающую на площадь с Обуховского проспекта.

В 1818 году Гауптвахту, долгие годы располагавшуюся где-то в середине площади, перенесли на место против церкви, что фактически соответствовало проекту Ал. В. Квасова. Однако это вовсе не формальная застройка маленького участка в соответствии с генпланом, на котором можно видеть прямоугольную застройку. Квасовская идея была переосмыслена и переработана. В результате возникло простое и в то же время виртуозное решение, позволившее организовать огромное пространство площади. Кордегардия была перенесена на новое место напротив церкви и поставлена под таким же углом к площади, что и храм, а ее главный фасад повторил фасад нижней части колокольни. Смелость принятого решения заключается в том, что крупное здание было уравновешено дополнительным маленьким объемом – это шло вразрез с традиционной симметрией классицизма.

1820 годом датирован проект В. И. Беретти для реконструкции застройки в классицистическом стиле всего периметра площади. В нем выделены значимые точки площади – соединение Садовой улицы с западной оконечностью площади и соединение Обуховского проспекта с площадью с помощью более высоких зданий с крупными портиками. Западная сторона также украсилась двумя почти равновесными

зданиями классического вида с обрамлявшими проезд в Садовую улицу. В этот период Сенная, первой получившая новое архитектурное оформление, стала одной из лучших площадей Петербурга.

Архитектурное оформление обладает ансамблевыми качествами, хотя у этого утверждения имеются противники. Конечно, застройка периметра Сенной даже в проекте Беретти, решившего ее в классицистическом стиле, не имеет такого мощного звучания, как на других парадных площадях. Но надо помнить, что Дворцовая, Михайловская, Театральная, Чернышова площади застраивались «казенными» зданиями на государственные деньги.

План Сенной площади: 1 – до реконструкции, 2 – после реконструкции 1818 г. Схемы визуального восприятия

При реконструкции застройки Сенной площади дело приходилось иметь с частными застройщиками, у которых были совершенно разные финансовые возможности. Но при этом архитекторы сделали в этой ситуации главное – выделили композиционные точки площади. В западной части Сенной, где в нее входила Садовая, а с нею все, кто двигался по направлению к центру, построены здания хоть и не одинаковые, но равные по своей зрительной массе. Один из них сохранился до наших дней – дом Денижкина, или как его еще называют – дом Терешина (д. 17 по Сенной площади). Это окрашенное светло-желтой охрой здание с так называемыми «термальными» (как в римских Термах) полуциркульными окнами во втором этаже, треугольным фронтоном. Угол поворота с Сенной на Садовую срезан, но при этом имеет легкое скругление. На Садовую улицу обращен треугольный фронтоном. Весь рисунок фасадов и плана очень мягкий, завораживающий.

Проект дома токаря Хамера и дома купца Денижкина.

Архитектор В. И. Беретти. 1820 г.

С другой стороны Садовой стояло также трехэтажное здание с шестиколонным портиком, которое, к сожалению, совершенно изменило декор фасадов. Там, где Обуховский проспект вливался в Сенную, стоит двухэтажный дом на высоком цокольном этаже, принадлежавший купцу Катомину. На аксонометрическом плане Сент-Илера это двухэтажный дом на высоком цокольном этаже. Видно, что окна обрамлены наличниками с «ушками», то есть по «правилам» барокко, как и у всех соседних домов. На поворот с Обуховского проспекта на Сенную площадь дом «выходил» углом. В картине Б. Патерсена видно, что дом перестроен. Он сохранил прежнюю этажность, а угол получил скругление и балкон. Боковые крылья вдоль Сенной и по Обуховскому проспекту украшены четырехколонными портиками на всю высоту здания, увенчанными фронтонами. В первой четверти XIX века он вновь был перестроен в классицистических формах по проекту В. И. Беретти. Скругленный угол украшал шестиколонный ризалит с фронтоном, боковые фасады также выделялись плоскими портиками с четырьмя колоннами. С 1823 года дом сменил нескольких владельцев. За это время в цокольном этаже дома стали пробивать дополнительные входы, потом частично перестраивать. В 1898 году дом полностью перестраивается. Прочая застройка периметра носила более скромный характер и также была разноэтажной.

Проект дома Полторацкого. Архитектор В. И. Беретти. 1820 г.

В восточной стороне огромная церковь и маленькое караульное здание.

Вид Сенной площади. Литография К. П. Беггрова с акварели А. П. Брюллова 1822 года

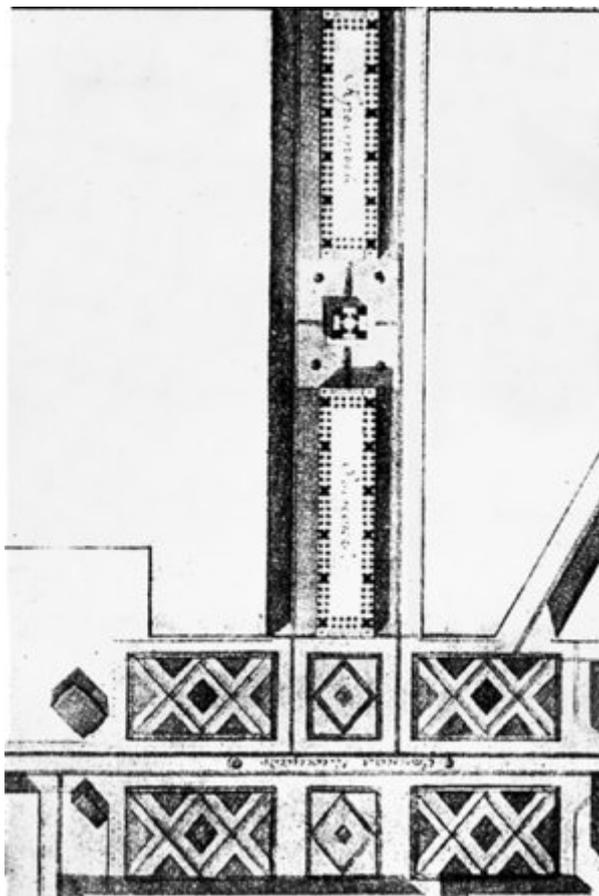
Гауптвахта выстроена по проекту архитектора Луиджи Руска, но строителем здания был В. И. Беретти. Он внес некоторые изменения в проект и стал автором «симметричных» переделок как Гауптвахты, так и церкви. Однако ни один из этих архитекторов не занимался вопросами планировки территорий в Петербурге, поэтому их нельзя считать авторами градостроительной организации Сенной.

В журнале «Архитектура Ленинграда» за 1939 год М. С. Земцов, автор статьи, посвященной предстоящей реконструкции Обуховской и Сенной площадей в соответствии с новым генеральным планом, описывает проект архитектора А. Модюи: «В 1826 г. архитектор Модюи составил проект устройства крытого рынка <...>. На площади по оси улицы 3-го Июля (Садовой. – Прим. авт.) ставились два фонтана <...> рыночные корпуса предлагалось заглубить вовнутрь квартала, по оси нынешней Горсткой улицы. Этот проект не был осуществлен». Добавим, что фонтаны должны были обеспечивать питьевой водой жителей района Сенной площади. Послевоенные исследователи о проекте А. Модюи не упоминают. Не обнаружен он и в настоящее время, что заставляет предположить факт утраты документа.

1823 годом датируется подписанный членом Комитета для строений и гидравлических работ с 1823 года инженером В. П. Гурьевым план Сенной площади, согласно которому рынок должен был располагаться на месте купца Яковлева (будущая Горсткая, а ныне улица Ефимова), Гауптвахта размещена напротив церкви. На основании этой подписи Н. Я. Лейбошиц и В. И. Пилявский сделали соответствующую атрибуцию. По данным «Биографического словаря», Василий Петрович Гурьев – русский изобретатель в области транспорта и дорожного строительства, состоявший на службе в Комитете городских строений Санкт-Петербурга с 1823 года, он предложил проект использования деревянных торцов для мощения улиц, впервые это предложение обсуждалось в 1825 году. По этому проекту были замощены главнейшие улицы и площади Петербурга. Торцовые мостовые выгодно отличались от существовавших в то время булыжных мостовых, езда по которым представляла настоящее испытание, а деревянные торцы обеспечивали плавное и бесшумное движение транспорта. Они были очень дешевы,

ибо «леса в Карелии столько, что руку некуда просунуть».

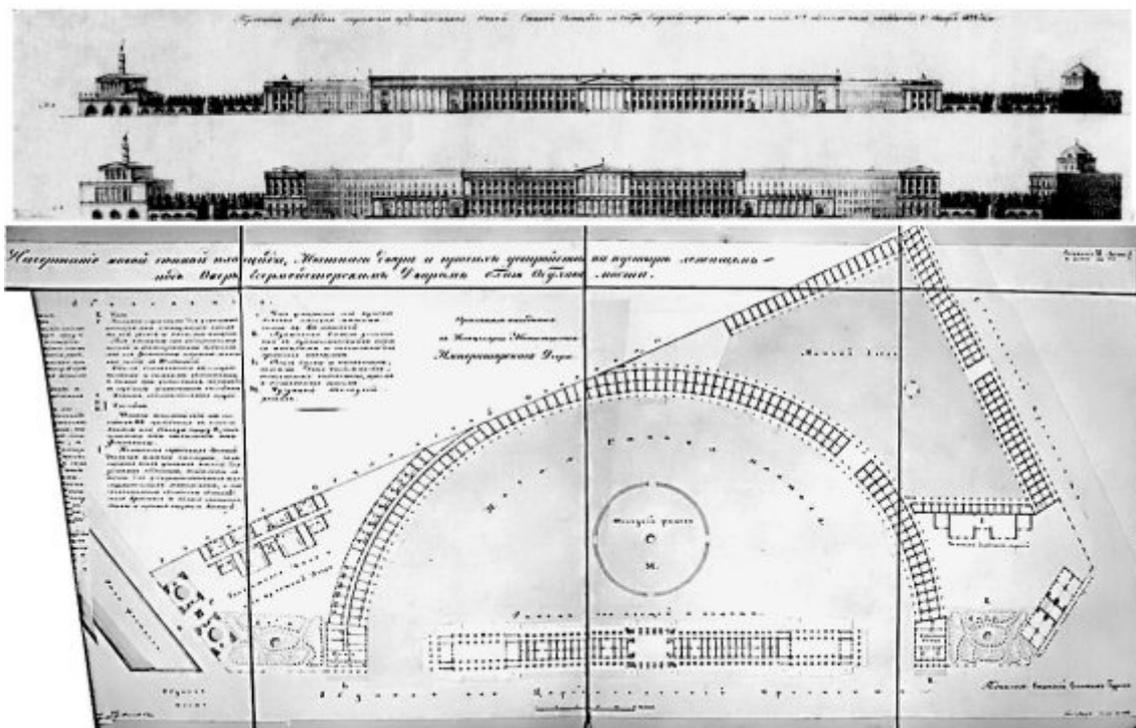
В 1836 году Гурьев опубликовал труд «Об учреждении торцовых дорог и сухопутных пароходов в России посредством компании», где увлеченно пропагандировал внедрение машин в народное хозяйство, особенно на транспорте, и поднимал вопрос о дорожном строительстве в России. Он предлагал развить сеть колеиных торцовых и железных дорог между крупными городами России и даже сделал технико-экономический расчет. Главное значение он придавал торцовым дорогам с курсирующими по ним «сухопутными пароходами», то есть паровыми тягачами с прицепами. При этом Гурьев сам создавал рисунки мощения улиц и площадей, которые также приведены в его книге.

А. А. Модюи. Проект Сенного рынка на месте участка купца С. Я. Яковлева 1816–1818 гг. с изображением рисунка торцового мощения площади по проекту В. П. Гурьева. 1823 г.

План Сенной площади имеет две особенности, заставляющие усомниться как в том, что Гурьев разрабатывал проект самого рынка и его переноса на место Яковлева, так и в том, что он предложил перенести Гауптвахту к церкви. Во-первых, вся территория площади и рынка покрыта орнаментальными композициями. Демонстрация рисунчатого мощения Сенной площади – очевидная главная задача гурьевского чертежа. Такая идея оформления площади могла возникнуть именно в связи с предложением освободить площадь от торговли и перенести Гауптвахту на новое место. Во-вторых, на чертеже неправильно построены тени. Такую ошибку не мог допустить архитектор. Видимо, инженер-дорожник Гурьев сам выполнял чертеж. Таким образом, мы можем сделать вывод, что если появился проект мощения Сенной площади, значит, был утвержден проект ее полной реконструкции – строительства рынка на новом месте, перемещения Гауптвахты на новое место и разбивки сквера с фонтанами. По всей видимости, выбирался вариант наиболее дешевого оформления площади – сквер с фонтанами или

рисунчатое торцовое мощение.

А. А. Модюи. Проект новой Сенной площади на Царскомсельском проспекте 1823 г. с вариантом после наводнения 1824 г.

Если принять во внимание свидетельство М. С. Земцова, которому удалось ознакомиться с проектом А. Модюи, то можно предположить, что его разработкой французский архитектор занимался гораздо раньше. А учитывая, что здание Гауптвахты выстроено против церкви в 1818 году, то время начала работы над проектом можно отодвинуть на 1816–1818 годы, когда А. Модюи приступил к разработке планировок главных градостроительных узлов Петербурга.

Однако для реализации проекта нужно было выкупать в казну частное владение – участок купца Икорникова, одного из потомков С. Я. Яковлева. Другими словами, требовались дополнительные бюджетные расходы, что и стало, скорее всего, препятствием для осуществления проекта.

Вероятно, именно поэтому в поле зрения архитектора попал незанятый пустырь Охотничьего егермейстерского двора, прилегающий к Царскомсельскому проспекту. Это территория от современного Загородного (бывшего Семеновского) проспекта до Фонтанки. Когда-то на этом месте находилась усадьба казенного при Анне Иоанновне кабинет-министра А. П. Волынского.

Проект предлагал строительство гигантского даже по сегодняшним меркам административно-бытового торгового комплекса – его длина по фронту около 450 м. Монументальное строение в строгом классицистическом стиле представлено в двух вариантах – двухэтажное здание, а после наводнения 1824 г. его высота была увеличена автором до четырех этажей. Полуциркулярное в плане здание торговых рядов концами полукруга выходит на Царскомсельский проспект в виде двух башен. Между ними размещен корпус для торговли овощами и зеленью, внутри отведено место для «чугунного толкучего рынка». Верхний правый угол предназначен для мытного двора, вдоль Семеновского проспекта расположен торговый корпус. На площадь, которую образует срезанный угол плана у Семеновского проспекта, выходит увенчанное башней здание, в нем должен был обосноваться Комитет городских строений – современный

Комитет по градостроительству и архитектуре. В глубине участка размещен квартирный корпус комитета. Со стороны Фонтанки отведен участок для «солдатских бань или прачешного двора для гвардейских полков». Здесь же помещены два очистительных бассейна и пожарная каланча. Территория внутри комплекса называется «Новая Сенная площадь». По количеству торговых площадей он значительно превосходит вместимость и возможности Сенной площади, а по своему местоположению вполне ей адекватен, поскольку должен был стоять на одной из въездных магистралей. По архитектурным качествам строение не уступает образцам архитектуры александровского периода. По планировочным – представляет функционально продуманную планировку, по своим формам восходящую к римскому рынку императора Траяна, и, кроме того, напоминает план находящегося поблизости Юсуповского дворца и его территории. В градостроительном отношении – располагается на въездной трассе, что гарантирует его «посещаемость» и востребованность и служит ее оформлением, подчеркивая значимость государственной дороги.

Планировка торговой зоны Петербурга по проектам А.-Ф. Модюи на 1825 г. Графическая реконструкция З. В. Юрковой и Е. О. Юркова

Уникальный для своего времени комплекс соединял в себе торгово-административные, социально-бытовые, пожарные и множество иных функций, в нем использовались технические новинки. Автор продумывал все до мелочей. Таково, например, замечание о том, что солдаты простужали спины при

стирке белья в Фонтанке, по берегу которой размещались полковые казармы. Чтобы сохранить здоровье солдат, архитектор предложил построить современную прачечную, оборудованную сушилкой: «Солдаты моют свое белье в банях, полоскают полураздетые в каналах, нагибаясь во весь свой рост, оне получают тяжкую спинную боль и простуду, а сушение платья в казармах подвергает здоровье их всех влияниям сырости, которая пронизывает даже каменные стены. С учреждением предполагаемого устройства пародействующей машины, неудобства исчезнут и гренадеры со временем без труда будут получать чистое сухое белье и здоровье».

По санитарным соображениям, дабы избежать распространения болезней в армии, он рекомендовал выделить специальные дни для посещения бань солдатами отдельно от горожан. «Бани сии в саду и главнейшее назначение их для соседних Гвардейских полков безо всякого платежа, как и прачешные. <...> Солдаты должны пользоваться баней по средам и пятницам. В прочие дни бани должны быть открыты для городского населения и приносить немалый доход. Сейчас солдаты моются с черным людом по 200–300 человек в бане. При высокой температуре и влажности возможна передача им болезней. При раздельном мытье такое практически исключено, чем обеспечивается здоровье солдат».

Здесь же автор рассматривает варианты очистки сточных вод.

Рекомендации по устройству аукционной камеры предусматривали такт по отношению к тем, чье имущество шло «с молотка», изолируя их от посторонних любопытных глаз. «Хорошее устройство аукционной камеры может доставить больше средства и защиту во время крайности тех, коих имение продается с публичного торга, и доходу принести для города более. Известно, что теперь без проведения здесь способов и со всеми недостатками аукционная камера дает 20 т. рублей ежегодно».

Такое же знание повседневных проблем бытия большого города и его жителей, внимание к их наилучшему разрешению присутствует и в пояснениях А. Модюи к его проектам планировки Васильевского острова и Петербургской стороны. Это сходство может служить косвенным подтверждением его авторства проекта Новой Сенной площади.

На пересечении Царскосельского проспекта с Фонтанкой должна была разместиться пожарная часть. «Пожарная каланча освещается газом и служит для усмотрения пожаров, с флагом и часами. Под каланчею устроить водохранилище чистой и отфильтрованной воды, поднимаемой паровою машиною из Фонтанки силою в 70 человек. Вода сия изливается на площади высоким и сильным фонтаном, а зимою сохраняется при фонтане в глубоких гранитных бассейнах». Какое могло быть эффектное зрелище!

Если бы проект был осуществлен, здания нового рынка, Комитета для строений и пожарной части определенно послужили бы украшением Петербурга в целом и в частности – дороги, соединяющей Петербург и Москву.

В. И. Пилявский и А. В. Бунин отмечают высокий профессиональный уровень проекта рынка на Царскосельском проспекте. Исследователи приписали его В. П. Гурьеву.

Однако инженер-дорожник при своей увлеченности идеей дорожного строительства в стране вряд ли занимался разработкой архитектурных проектов. Кроме того, он не имел архитектурного образования, а также каких-либо навыков к этой работе – рисунки мощения были единственным опытом в данной области, причем не всегда удачным, что также отмечено исследователями.

Проект состоит из двух чертежей. На одном из них изображен план с «объяснениями» и подписями исполнителей копии и проверяющих. На другом изображены фасады с заголовком и датировкой – 1823 год. Комплект является копией, выполненной в 1838 году для так называемого Атласа Мейера, где были собраны копии сохранившихся проектов по Петербургу. На чертеже имеется следующая надпись: «Подписал: статский советник Гурьев». Она никак не может быть авторской, так как автор подписался бы

иначе. Вероятнее всего, Гурьев сверил чертеж с подлинником и подтвердил его соответствие оригиналу. После этого чертеж подписал сам Мейер.

Поскольку проблемами урегулирования Сенной площади занимался А. Модюи, логично предположить, что и проект Сенного рынка на Царскосельском проспекте принадлежит ему. Кроме того, у него уже был опыт проектирования рынка – он является автором проекта крытого рынка на месте Яковлевых, а также утвержденного императором проекта реконструкции рынка в Апраксином дворе, по которому в 1818 году начато строительство шести корпусов. Сохранившийся его план отличается высокими архитектурно-планировочными качествами и является новацией для России, поскольку русские рынки устраивались по типу древнего гостиного двора – окруженная строением с лавками территория, где торговля производилась, как правило, с возов.

Таким образом, наиболее вероятно, что преобразование Сенной площади в александровский период проведено по проекту архитектора А. Модюи в 1816–1818 годах.

Реконструкция Сенной площади была осуществлена лишь частично. Виденный М. С. Земцовым чертеж с датировкой «1826 г.» и переносом рынка на место купца С. Я. Яковлева мог быть возобновлен А. Модюи уже при Николае I в надежде завершить начатые преобразования Сенной, то есть осуществить перенос рынка с площади на другое место (участок купца Икорникова) и разбить на ней сквер с фонтанами.

К идее устройства рынка на «месте Яковлевых» неоднократно возвращались в течение всего XIX века как архитекторы, так и власти. Торговля на площади была ликвидирована в 1936–1939 годах, а в послевоенный период проведена реконструкция части зданий, окружающих площадь.

Проект А. А. Модюи по устройству «Новой Сенной площади» на Царскосельском проспекте все-таки частично был реализован. Это треугольная площадь на пересечении Загородного и Московского проспектов, а также четырехэтажное здание с башней, предназначенное для Комитета для строений гидравлических работ, и где сейчас размещается Технологический институт (в настоящее время университет).

Модюи подсчитал как расходы на строительство, так и их возврат: «Сумма на построение исчислена 3 млн рублей на заем по 8 процентов с погашением требуется 240 т. рублей из остаточных доходов Думы, коих всякий год до 600 000 рублей. Сей заемный оборот тем более исполнителен, что здание через два года может быть совершено, а принося 300 000 рублей доходу, погасить весь заем само собою».

Однако «по смете Городской думы 1824 года полагалось в приход с остатками 5,152,312 руб. 70 коп., но как расходы и в том числе на некоторые необходимые ежегодно повторяющиеся исчисления еще более, то есть 5,683,186 руб. 84, $\frac{1}{2}$ коп., то весьма сомнительно, что бы Городская дума могла уделить по свойству управления своего значительную сумму на новое предприятие».

Жаль, что в свое время Городская дума не вникла в проект и не нашла возможности выделить средства на его осуществление в полном объеме – комплекс мог бы стать украшением города.

Караульный дом

Караульный дом, или Гауптвахта, на Сенной площади – единственная сохранившаяся постройка такого рода в Петербурге. Эти казенные здания появились в середине XVIII века для поддержания порядка в столице. Одна из картин, посвященная Сенной, изображает кордегардию, или караульный дом, стоящей ближе к центру площади. Здесь находилась так называемая «важня», то есть весовая, где происходило взвешивание привозимых на рынок товаров. Ю. М. Денисов считал, что первоначальное ее место на Сенной, где-то в середине площади, было выбрано случайно. Надо сказать, что караульня тех времен являлась не украшением площади, а утилитарным сооружением, которое занимало вполне естественное положение в центре – это обеспечивало круговой обзор и равный доступ ко всем частям площади.

Сенная площадь. Вид на Гауптвахту. Современное фото

Караульня переместилась на новое место, напротив церкви Спаса на Сенной, в 1816–1818 годах. В этот период был разработан ряд проектов преобразования площади. Основные идеи реконструкции – строительство кордегардии в симметрию с церковным входом, перенос рынка на новое место, разбивка сквера на площади – принадлежат архитектору А. Модюи. Автором проекта Гауптвахты был архитектор Луиджи Руска, однако строил ее В. И. Беретти. Ему же пришлось переделывать крыльца, а также совершать в течение ряда лет все последующие «симметричные» переделки и проектировать застройку периметра Сенной площади.

В 1819 году к зданию караульни была пристроена каменная важня, или весовая, для взвешивания привозимых на рынок товаров.

В 1820 году возникла проблема между Военным ведомством и митрополией, связанная с крыльцами зданий Гауптвахты и церкви Успения Божией Матери. В письме военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга графа М. А. Милорадовича говорится, что «в Санкт-Петербурге на Сенной площади в

симметрии церкви Спаса построен Караульный дом по Высочайше апробованному плану. Вход к этому дому был назначен круглый, такой, как и в церкви». Впоследствии оказалось, что это не давало возможности «разместить караул перед ним на предполагаемом для него фронте» в соответствии с новыми правилами развода. Изменение проекта было утверждено императором 24 сентября 1820 года, и вход в Гауптвахту переделали уже по завершении ее строительства. Разумеется, требовалась симметричная перестройка церковного входа и ограды, чтобы «фронт располагался сообразно Высочайше утвержденным чертежам».

27 октября 1820 года М.А. Милорадович обратился с просьбой о реконструкции входа в церковь к министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну и получил разрешение. Переписка же с митрополитом затянулась до 1825 года, но завершилась в конце концов положительно, и крыльцо, или паперть, перестроили.

На Сенной площади проводились телесные наказания воров и мошенников, так называемые «торговые казни», означавшие применение кнута к обманщикам в местах скопления народа. Осуществлялись они неподалеку от Гауптвахты.

В 1882 году вокруг здания возвели каменную ограду, в 1884 к нему пристроили общественную уборную, а еще через два года постройку капитально отремонтировали.

Во время строительства рынка на Сенной площади в 1880-х годах Городская дума поставила вопрос об устройстве в нем санитарной или аналитической станции для контроля качества продуктов, привозимых на рынок. Однако строительство и содержание таких станций относилось к ведению государства или, как сказали бы сейчас, федеральных органов власти, поэтому город не мог выделять средства на их устройство. Но «с передачей городу больниц и вообще дела охранения народного здравия на открытие упомянутой станции правительством едва ли можно рассчитывать. Поэтому в данном случае единственным исходом представляется устройство городской станции». Поэтому в 1887 году Дума внесла в свой бюджет соответствующие расходы. Место для станции по-прежнему выделялось на самом рынке, но позже было принято решение использовать для нее здание бывшей Гауптвахты, утратившей к этому времени свое значение караульного дома.

В 1889 году санитарная комиссия представила проект приспособления кордегардии под аналитическую станцию. Он не затрагивал фасадов здания и практически не изменял его планировку. Тем не менее, техническая комиссия сочла, что проект дорог, и потребовала ликвидировать портик на колоннах и террасу, а на ее месте устроить плитный тротуар. На заседании Городской думы 3 октября 1890 года техническая комиссия (без каких-либо экспертиз!) получила указание на то, что при устройстве аналитической станции в здании бывшей Гауптвахты на Сенной площади «не следует уничтожать портика как принадлежности здания, имеющего историческое значение».

Станция была открыта 17 ноября 1891 года. «Нижний этаж занят под лабораторию, верхний – квартиру старшего лаборанта. Лаборатория состоит из прихожей, довольно обширной рабочей залы для весовых и микроскопических исследований и небольшой так называемой сероводородной комнаты». При этом внешний вид здания остался без изменений.

В 1898 году под квартиры для работников аналитической станции перестроили помещения важни.

В 1890-х годах на пятиугольном участке в углу Сенной площади у Спасского переулка кроме здания бывшей кордегардии, а теперь аналитической станции, находились «одноэтажный каменный ретирачник (туалет. – Прим. авт.), бетонный, крытый землей ледник, деревянный сарай для дров для отопления ретирачника».

В 1910 году В. Курбатов писал: «Городской Думе принадлежит неплохая постройка – бывшая

Гауптвахта на Сенной площади. Здание не первоклассное, но приятное по стилю. В то время как церковь, стоящая по другую сторону улицы, убрала тамбур, портивший фасад, лаборатория обезобразила свой фасад колоссальной и совершенно ненужной вывеской, закрывшей фасад с метопами триглифами» (декоративные архитектурные детали греческого происхождения, характерные для стиля классицизм, располагаются под карнизом здания. Триглиф – прямоугольная накладная каменная пластина, разделенная тремя вертикальными прорезями. Метопы – пространство между триглифами, заполненное скульптурными изображениями. – *Прим. авт.*). Ситуация узнаваемая – время проходит, а люди не меняются.

После революции здание некоторое время пустовало, потом в нем был устроен магазин. В 1960-е годы там находился городской автовокзал. После строительства нового автовокзала на набережной Обводного канала в здании поселился серпентарий городского зоопарка. В настоящее время в бывшей Гауптвахте размещается Городской информационный центр.

Составитель исторической справки о кордегардии архитектор В. А. Лейбзон отмечал, что время постройки Гауптвахты приходится на период, когда «Карло Росси лишь начинает свою деятельность», иными словами, исследователь не обнаружил влияния великого зодчего на автора этой постройки. Он считал, что обращение архитектора к новому тогда стилю ампир произошло не под влиянием Росси, а вдохновлено, может быть, образом Адмиралтейства. Лейбзон анализирует объемно-пространственную композицию здания караульни, в основе которой лежат квадратный план со стороной 9,2 м и кубический центральный объем с выступающим вперед портиком на четырех сдвинутых попарно колоннах. С центральным объемом контрастирует предельная простота боковых крыльев здания. Сама Гауптвахта практически была отражением входа в церковь. Различие состояло в том, что над порталом церкви барельефы изображают ангельские головки с цветочной гирляндой, а портал караульни украшают военные арматуры, и В. Курбатов находит общее между фризом Гауптвахты, в метопах которого помещены барельефные изображения вензеля Александра I и ликторских связок, с фризами Адмиралтейства и храма Дружбы в Павловске.

В. А. Лейбзон обращал внимание на то, что портик кордегардии повторял портик церкви в пропорциях и деталях, однако при этом полагал, что «Сенная площадь с расположенными на ней неравнозначными зданиями церкви и кордегардии не удовлетворяла своим внешним видом. Стремление к ансамблевому решению, характерное для ампира, выразилось здесь в наименее сложном приеме». Автор исторической записки не посчитал удачной существующую архитектурную объемно-пространственную композицию, но полагает, что «следует учесть попытку XIX века создать ансамбль из здания церкви и кордегардии введением одинаковых элементов в оба здания и объединением их одним цветом», хотя говорит о сохранении при реконструкции площади только здания кордегардии.

Ю. М. Денисов и Д. А. Бутырин придерживались другого мнения, отмечая уникальность архитектурной композиции и ансамблевые качества всей Сенной площади. Мы вполне разделяем их точку зрения. Возможно, что справка была «заказной» для обоснования снятия церкви с охраны и последующего ее сноса при строительстве на площади одной из станций метрополитена, предпроектная подготовка которого началась как раз в 1930-х годах. Справка не имеет даты, но на ней стоит довоенный архивный номер.

Цветовая гамма Сенной площади

Говоря об ансамбле Сенной площади, нельзя не упомянуть о колорите площади и ее основной архитектурной композиции. Цветовая гамма Петербурга достаточно разнообразна. Это желтые, зеленые, синие, красные, серовато-коричневые цвета. Все они различаются оттенками и интенсивностью – яркие, почти лубочные цвета петровского времени, нежная розово-бирюзовая елизаветинская гамма, анемично разбеленная александровская. Суховатый классицизм николаевского времени красился желтой охрой – именно тогда Петербург получил эпитет «казенный». Эклектике свойственна монохромия. Ей на смену пришли землистые цвета модерна.

Э. М. Луцко, исследовавшая колористическую гамму петербургской застройки на протяжении истории города, отметила своеобразие русской традиции окраски классической архитектуры, когда белым цветом выделялась его ордерная структура и цветом поле стен. Это создало неповторимую игру цвета в городском пространстве, столь необходимую в сумрачном северном крае. Мраморное античное наследие хоть и раскрашивалось своими создателями в яркие цвета, но до наших времен дошло монохромным. Монохромен и парижский ампир, и его фоновая архитектура. В 1817–1818 годах Александр I установил окраску фасадов производить светлыми тонами – палевым, бледно-желтым, светло-серым, бледно-розовым и некоторыми другими, также разбелёнными. Для крыш требовалось использовать коричневый и зеленый цвета.

Б. М. Матвеев, анализируя расколеровку Адмиралтейства, делает ссылку на И.-В. Гете, создавшего теорию цвета. Великий немецкий поэт все цвета, распределив их в круге, разделил на положительные и отрицательные. К положительным он отнес теплые цвета, к отрицательным – холодные. Оранжевые, красные, желтые он охарактеризовал как жизнеутверждающие, вызывающие деятельное состояние, бодрое настроение.

Практически вся иконография Сенной площади представляет желто-белую гамму фасадов, начиная от самых ранних изображений Б. Патерсена. И. Я. Образцов в своем описании отмечал, что ее фасады красились в один цвет с Гауптвахтой, на брюлловской картине ясно видна светло-желтая охра с белыми деталями на фасадах обоих зданий. При этом кровля Гауптвахты была коричневого цвета. Кровля церковных приделов на изображениях иногда также имеет цвет, близкий к коричневому. Купола окрашены в зеленый цвет.

Однако один из источников сообщает, что церковь была окрашена в темно-зеленый цвет, но не уточняет время появления такого колера. Это могло случиться в конце XIX – начале XX веков, когда караульный дом уже не использовался по своему прямому назначению и в нем размещалась санитарная станция. Для этого времени характерно радикальное изменение колорита таких знаковых зданий, как, например, Зимний дворец и Гостиный двор.

Церковь Успения Божией Матери. Фрагмент. 1961 г.

Другой случай для изменения цвета фасадов церкви мог возникнуть в советское время. В целях «нейтрализации» культового здания его могли перекрасить. При этом трудно представить себе Гауптвахту в зеленых тонах. Наверное, ее все-таки оставили желто-белой. По черно-белым фотографиям, сделанным во время подготовки церкви к сносу зимой 1961 года архитекторами Ю. М. Денисовым и В. В. Смирновым, нельзя судить о цвете, однако можно оценить качество окраски и ее свойства: виден толстый красочный слой, растрескавшийся и шелушащийся, словно пересохшая кожа. Но при этом совершенно точно можно сказать, что это достаточно темный цвет, единый по всем поверхностям, включая декоративные детали, колонны, карнизы. Читается также и то, что это не ремонтная окраска – слой очень толстый и грубый, положенный прямо на предыдущий известковый без размывки и грунтовки. Вероятно, это была масляная краска, ибо сильное шелушение и осыпание наблюдается по всем поверхностям, а масло, как известно, не сцепляется с известью. В местах осыпания краски проступает светлая основа и даже расколеровка – белые детали и чуть более темный основной колер стен.

Очевидно, что церковь была окрашена в темно-зеленый цвет при советской власти. По словам В. А.

Лейбзона, церковь и Гауптвахта красились в один цвет, то есть церковь до войны не была выкрашена. Не исключено, что ее перекрасили в начале войны для маскировки, как и многие городские доминанты. Но в этом случае непонятно, почему остались неокрашенными блестящие золотые детали – на фотоснимках видны золоченые ребра куполов и малые главки, которыми завершались купола. Однако если оценивать состояние фасада и красочного слоя, то складывается впечатление, что краска старая, следовательно, окрасить церковь могли после снятия ее с государственной охраны в 1938 году в связи с началом изыскательских работ для планировавшегося строительства метрополитена.

О строителях церкви Успения в первом столетии ее существования

Вопрос о том, кто из архитекторов построил церковь Успения Божией Матери на Сенной площади, остается открытым до сих пор и является предметом поисков и споров.

Об этом высказано несколько предположений. Еще в XIX столетии возникло убеждение, что это произведение нескольких авторов. Она могла быть построена Андреем Квасовым, учеником М. Г. Земцова. Купола Успенской церкви своей формой напоминают купола Софийского собора и Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, где долгое время трудился архитектор, а брат его Алексей примерно в это время, в 1762–1767 годах, работал над генеральным планом Петербурга, и в том числе над планировкой района Сенной площади. Определенное сходство можно обнаружить и с Николаевской церковью города Глухова, построенной в 1698 году. Предполагается возможность авторства кого-либо из архитекторов круга С. И. Чевакинского. Выдвигалась версия о Ф.-Б. Растрелли, вероятно, на том основании, что якобы он выстроил купцу Яковлеву дом между Обуховским проспектом и Фонтанкой. Однако более суровая архитектура церкви имеет мало общего с жизнерадостным стилем зодчего, и сомнения по этому поводу высказывались еще в XIX веке. В. Курбатов полагал, что «фасады и купола церкви Спаса на Сенной сильно отклонены от типичных растреллиевских форм. Колокольня от них еще дальше», хотя, по его мнению, «основной план и изящество постановки среднего купола наводят на мысль, что участие Растрелли в сооружении церкви возможно, но закончена она иным мастером».

Рассмотрим еще одну версию. Завершение колокольни, аналогичное Сенновской церкви, мы встречаем в утраченном ныне Троицком соборе Сергиевой пустыни в Стрельне. Его колокольня имела ту же форму покрытия в виде колокольчика, парные, отстоящие от восьмерика колонны, арочные проемы звонов, что и колокольня Успенской церкви. Это делало сооружение ажурным и легким.

П. Трезини. Троице-Сергиева пустынь. Троицкий собор.

Литография 1840-х гг.

Архитектурный прием не используется больше ни в одном петербургском храме и вряд ли мог быть повторен дважды в столице, но вполне возможен повтор в отдаленном монастыре. Удлиненные фонарики, главы луковичной формы с «юбочками» повторяются в обеих церквях. Правда, декор фасадов Троицкой церкви предельно изощрен, а фасады Успенской церкви слишком строги для барокко. Автор комплекса – итальянец Пьетро Антонио Трезини. Начало его проектной работы над собором в пустыни относится к 1748 году. Только 12 марта 1756 года чертежи были утверждены Елизаветой Петровной, и в мае того же года заложили соборную церковь. Осенью 1758 года собор уже подвели под крышу, два года ушло на отделку интерьеров, и летом 1763 года практически все работы по возведению зданий Новосергиевской пустыни – собора, трех каменных флигелей, каменной ограды с решетками и четырех каменных башен – были завершены. Все это дает право утверждать, что Пьетро Трезини может считаться одним из создателей церкви Спаса на Сенной.

Архитектор приехал в Россию из Италии в 1726 году и покинул ее предположительно в 1751 году, возможно, он приезжал в Россию и позже. Поэтому создание проекта Сенновской церкви, вероятнее всего, надо искать в период с 1748 по 1751 год. Возведение ее могло осуществиться и позднее. Решительные действия Саввы Яковлева по закладке церкви сразу же после освящения поставленного сенновскими купцами деревянного храма указывают на то, что он имел на руках утвержденный проект новой церкви и не собирался ссориться с сенновскими купцами, а действовал совместно с ними. Деревянный храм Во имя Спаса должен был «зарабатывать» средства на постройку своего каменного преемника.

Церковь не избежала ряда перестроек, однако здание, имеющее столь важное градостроительное значение, нельзя рассматривать в отрыве от его местоположения и окружения. Границы площади были определены еще П. М. Еропкиным в 1737–1739 годах. Восточная граница проходила по стороне переулка, получившего с появлением церкви название Спасский. На плане 1751 года деревянная церковь расположена напротив этого переулка, вдоль Садовой улицы, а новая под углом 45 ° значительно выдвинулась на площадь, тем самым нарушая «красную линию», регламентирующую застройку. На фиксационном плане Ал. В. Квасова видно, что здание поставлено в юго-восточном углу площади, его окружает неправильной формы участок.

Как уже упоминалось, самое раннее изображение церкви Успения сделано в аксонометрическом плане 1768 года. Инициатор его создания – французский картограф П. Сент-Илер, предложивший Екатерине II услуги по его выполнению, работал совместно с русскими мастерами А. Гори-хвостовым и И. Соколовым. Они изобразили Успенскую церковь с пятью одинаковыми куполами. Такой прием не встречается в церковном зодчестве Санкт-Петербурга. Вся последующая иконография храма показывает традиционное соотношение габаритов куполов – крупный центральный и четыре малых. Почему главный купол изображен одинаковым со всеми остальными вначале, и когда он был перестроен, неизвестно. Не исключено, что при вычерчивании плана кто-то из исполнителей просто допустил ошибку, оставшуюся незамеченной.

До нас дошли два чертежа, иллюстрирующие попытку Ал. В. Квасова урегулировать «красную линию» площади и застройки в целом. Частично мы рассмотрели план площади в главе «Бесплатная сенная площадка». В первом варианте архитектор ограничился выделением участка прямоугольной формы и таким образом продолжил «красную линию» Садовой улицы. Во втором варианте он изобразил в «кармане» площади напротив церкви встройку, которая в плане симметрична ограде и вместе с ней составляет новую «красную линию» восточной стороны площади. На чертеже Сент-Илера колокольня изображена на высоком прямоугольном в плане стилобате с папертью. Углы стилобата скошены, а по периметру он окружен ступенями. Участок церкви на чертеже приобрел правильную прямоугольную форму и обнесен оградой со встроенной в нее маленькой часовней вдоль Садовой улицы. Положение

часовни весьма необычно и нарочито.

Она буквально прилеплена к срезанному углу стилобата, фасадом параллельно Садовой улице, словно для исправления «косого» положения церкви. Сегодня остается неизвестным, какой именно хотел увидеть Квасов встройку напротив церкви, но он явно стремился к симметрии и равновесию. Не предполагалось ли в ней нечто, симметричное по архитектуре часовне в церковной ограде? Поскольку в основу александровских реконструкций были положены утвержденные планировки Ал. В. Квасова, то можно смело сказать, что он предвосхитил знаменитую архитектурную композицию Сенной площади, созданную в 1818 году. Именно его чертежи навели архитектора А. Модюи на мысль уравновесить здание церкви маленьким архитектурным объемом. Так утверждать позволяет тот факт, что при создании Комитета для строений и гидравлических работ А. Модюи принимал активное участие в составлении текста Указа о его создании. В первом пункте указа говорится о необходимости передачи в Комитет всех подтвержденных, то есть утвержденных подписью императора, планов города и его частей за предыдущие периоды для их изучения и анализа развития застройки города. Этот факт требует особого внимания, так как, несмотря на то, что Петербург насчитывал всего столетие со дня основания, уже на этом раннем этапе его жизни стали изучаться и учитываться тенденции его формирования. Не здесь ли кроется один из секретов петербургской гармонии?

Сведения о каких-либо перестройках церкви Успения до составления аксонометрического плана Сент-Илера не обнаружено. Строительство церкви окончено в 1765 году, а аксонометрический план составлялся с 1767 по 1772 год. Вероятно, после этого еще долгое время проводилась внутренняя отделка, требовались средства на эксплуатацию, содержание причта, обеспечение служб и ритуалов. Сомнительно, чтобы в этот краткий отрезок своего существования церковь перестраивалась. Таким образом, изображение на чертеже Сент-Илера соответствует первоначальной постройке, осуществленной к 1765 году купцом С. Я. Яковлевым, тогда еще носившим фамилию Собакин.

Протоиерей И. Я. Образцов в 1885 году писал о часовне, что она была «каменная небольшая, всего на двух сажнях, без иконостаса». С самого начала ее существования там находилась «местночтимая» икона Божией Матери, писанная в 1751 году с чудотворного образа Тихвинского монастыря. Часовня находилась с северо-западной стороны здания, это соответствует чертежу Сент-Илера. Наш анализ позволяет атрибутировать ее Ал. В. Квасову. Со временем, судя по иконографии, часовня перемещается в другое место ограды, потом вовсе исчезает и в начале XX столетия встраивается в тело церкви.

Если взглянуть на план Сент-Илера и сравнить его с изображением Б. Патерсена 1797 года, можно обнаружить, что градостроительная ситуация на площади принципиально не изменилась, но в отношении церкви произошли заметные перемены. С южной стороны основного объема храма появился портик. Наверняка с северной стороны возник такой же. К колокольне пристроены входной портик с треугольным фронтоном и два притвора, сыгравшие в дальнейшем решающую роль в оформлении площади – именно эта часть фасада была повторена в здании караульни, выстроенной напротив двадцать один год спустя. Колонны портика сдвинуты попарно, что подчеркнуло парность колонн верхнего яруса колокольни и примирило барочные формы церкви с новыми классическими элементами пристроек. Повторение их впоследствии в портике Гауптвахты придало композиции необыкновенную цельность и гармонию.

Авторство портика Сенновской церкви вызывает множество споров. Ю. М. Денисов, сравнив портики Спаса на Сенной и Троицкого собора Александро-Невской лавры, отметил попарное сближение их колонн и предположил, что портик западного входа церкви мог быть выстроен архитектором И. Е. Старовым. Кроме того, Старов строил для князя Г. А. Потемкина, под началом которого служил сын С. Я. Яковлева, бывший в то время попечителем Успенской церкви. Сдвигка колонн портиков неоднократно использовалась архитекторами XVIII века. Она встречается в портиках Невских ворот Петропавловской

крепости и Ботного домика. Другие исследователи считают автором портика церкви Успения Л. Руска, очевидно, это связано с проектированием архитектором здания Гауптвахты. Учитывая то, что портик церкви появился много раньше Гауптвахты, а также то, что автор его по какой-то причине не воспользовался предложением Ал. В. Квасова по урегулированию «красной линии» площади или даже не был с ним знаком, рискнем предположить, что выбор нового места для строительства караульни был осуществлен другим архитектором.

На акварелях И. Иванова конца XVIII века и неизвестного автора 1814 года видно полукруглое крыльцо с врезками, возможно, появившееся вместе с портиком и притворами. Рисунок художника Вернье отразил ситуацию на Сенной площади начала 1820-х годов – мы видим вновь построенную караульню против церкви.

В 1820–1825 годах произошла перестройка крыльца церкви, имевшего барочную форму – полукруглую, с врезками. Оно было заменено на прямоугольное. Произошло это в связи с изменениями правил развода караула, для чего переделано полуциркульное, сделанное в симметрию с церковным, крыльцо караульного дома.

Сегодня полуциркульная барочная форма крыльца культового здания – большая редкость. Это были интересные архитектурные элементы обоих сооружений на Сенной площади. Они придавал постройкам, несомненно, большую живописность, нежели «прямой» вариант.

Поставленный на Сенной площади у самого устья Садовой улицы огромный храм был уравновешен маленьким зданием полицейской караулки. Такое смелое и в то же время простое, естественное и единственно возможное объемно-пространственное решение бывает под силу лишь высоким профессионалам.

В 1822 году архитектор А. И. Мельников спроектировал и пристроил к церкви южный придел. В это время церковь перешагнула пятидесятилетний рубеж и, естественно, ей требовался ремонт. Считается, что в 1820–1830-х годах Мельников также придал колокольне барочные черты и тем самым искажил ее первоначальный вид. Не странно ли, что, перестраивая колокольню, архитектор оставил ее деревянной? На аксонометрическом чертеже Сент-Илера просматриваются те же самые формы и детали, как практически на всех последующих изображениях, – три яруса, завершение в виде колокольчика с глубокими врезками по краям, люкарнами и поддерживающими края кровли парными, отстоящими от основного восьмерика колоннами, арочные проемы звонов. Это, кстати, подтверждал и Ю. М. Денисов. Очевидно, что первоначальная архитектура колокольни и ее деревянные конструкции не изменялась до 1867 года, а был проведен только ее ремонт в 1816–1817 годах, вызванный, по-видимому, общей реконструкцией площади. Тогда же имела место крупная реконструкция внутреннего пространства Успенской церкви, когда были соединены теплая и холодная части и устроены новые печи. Позднее, в 1820–1830-х годах, вероятно, проводились другие ремонтные работы.

В 1833–1835 годах для сохранения тепла и ликвидации сырости под руководством А. И. Мельникова произведены переделки, которые против ожидания вызвали значительные ухудшения в интерьерах. Он изнутри наглухо зашил войлоком купола и оштукатурил их, железные рамы окон заменил дубовыми, обновил позолоту. В парусах главной церкви были заново написаны изображения евангелистов. «Внутренность ее представлялась весьма красивою», но результат переделок оказался совершенно противоположным – при закупоренных куполах воздухообмен в церкви совершенно прекратился, в ней стало душно, еще более сыро, ухудшилась акустика – «петь было очень тяжело, <...> позолота стала чернеть». Сведений об исправлениях ситуации обнаружить не удалось, но надо полагать, они были сделаны – слишком уж явными были негативные последствия.

Северный Михайловский придел церкви был выстроен тогда же на средства коммерции советника М.

И. Новикова по проекту архитектора П. Ф. Воцкого и освящен в 1835 году.

В церкви Успения трудилось множество архитекторов, постоянно достраивая и переделывая ее. Такое обилие мастеров, казалось бы, могло внести серьезные диссонансы в ее облик, но этого не произошло – Спас на Сенной всегда удивлял своей гармоничностью и цельностью. По свидетельству историка А. И. Томилина, «трудно определить, к какому роду архитектуры она принадлежит: зодчий, кажется, не держался ни одного из них, но в целом художнически выразил идею кокоша, прикрывающего крылами своих птенцов». В словарях не удалось найти толкование этого термина, скорее всего, имелась в виду наседка, но невозможно лучше сказать о предназначении церкви в обществе!

Назревшая необходимость

В последующее царствование императора Николая I Сенная площадь не изменяла своего облика. В меру своего понимания и финансовых возможностей казны он постарался максимально завершить реконструкцию Петербурга по утвержденным Александром I проектам. Напомним, что архитектор А. Модюи намечал пробивку улицы от Сенной площади к Фонтанке и строительство на ней рынка. На Сенной должен был появиться сквер с фонтанами, предназначенными для снабжения питьевой водой жителей района. Осуществлено только строительство Гауптвахты на новом месте напротив церкви и перестройка некоторых зданий периметра площади.

Идея ликвидации торговли на Сенной вновь возникла в 1844–1852 годах во времена «министерства покойного графа Льва Алексеевича Перовского», деда Софьи Перовской, участницы террористической организации «Народная воля». Он возглавлял Министерство внутренних дел, и именно к его ведомству относились рынки.

Намерения по переносу рынка в другое место не имели успеха у горожан, поскольку «народ так привык к Сенной, что не пошел бы ни на какой другой более удобный рынок, и поэтому все осталось как было, а Сенная площадь еще долго будет любимым местом сходбищ русского народа».

Границы города расширялись, отдаляя крестьянские хозяйства от рынка, природные условия не способствовали процветанию сельского производства, а потребность в продовольствии увеличивалась вместе с ростом города. Это привело к тому, что крестьянин предпочитал продавать произведенный товар через посредников. Поэтому торговля на площади полностью перешла в руки перекупщиков и стала выходить из рамок екатерининского регламента. Товарно-денежные и общественные отношения во второй половине XIX века устанавливались уже не волей императора, а диктовались нарождающимся капитализмом. Происходило перераспределение финансов и, соответственно, источников доходов, поступающих в городской бюджет, или, как его тогда называли, в казну. Вследствие этого с 1851 году Городская дума стала отдавать торговые места в аренду с аукциона. Первые торги были проведены в апреле того же года. В результате восемьдесят торговцев получили в аренду площадь за 2400 рублей. Однако эта мера Городской думы имела и негативный резонанс – возникла спекуляция местами, что сказалось и на санитарном состоянии рынка и площади.

В. В. Крестовский, описывая оборотную сторону жизни императорской столицы, представил Сенную площадь середины XIX века как средоточие социальных пороков Петербурга: скопление притонов, всех форм разврата и преступности, отчаянной нищеты и мошенничества, антисанитарии и пронсящих через нее к коломенскому театру карет.

«С левой стороны площади (если направляться от Невского к Покрову) дремали какими-то безобразными массами навесы мясных, зеленых, посудных рядов, укутанные на ночь грязными рогожами, с правой – тянулась неопределенная, сливавшаяся в одну гряду, масса розвальней с рыбой и сеном, над которой, подобно частоколу, торчали поднятые вверх оглобли <...> вдоль Садовой улицы, пересекающей Сенную на две равные половины, подобно быстрому потоку реки, <...> кипела неугомонная деятельность: укутанные пешеходы, шлепали взад-вперед, извозчицы сани глубоко ухали в ухабы, громыхали пронсящиеся кареты, направлялись к большому театру. По краям площади, в громадных многоэтажных <...> домах мелькали огоньки в окнах и фонари над входными дверями, означая собою целые ряды харчевен, трактиров, съестных, перекусочных подвалов, винных погребов, кабаков с портерными и тех особенных приютов, где лепится, прячется, болеет и умирает отверженных разврат, из которого почти нет возврата в более чистую сферу и где знают только два исхода: тюрьму и кладбище».

А. М. Волков. «Обжорный ряд в Петербурге». 1860-е гг.

Картина художника А. М. Волкова «Обжорный ряд в Петербурге» служит дополнительной иллюстрацией к роману В. В. Крестовского. Это изображение разительно отличается от всех предыдущих, носивших отвлеченный характер фиксации, например у Б. Патерсена. Очевидно, что восприятие города изменилось: как в повествованиях многих авторов, так и в изображениях художников стали преобладать мотивы обличения, критики, сарказма.

Крестьянская реформа и формирование новых социально-экономических отношений разорили многие старинные дворянские роды и привели в движение огромные массы населения. Одни двинулись в города и, в первую очередь, в столицу, кто с целью заработка, кто для реализации собственных амбиций. И те и другие, случалось, пополняли ряды маргиналов. Однако благополучная, с их точки зрения, столица не могла принять всех и каждого, и пушкинский Петербург, «полночных стран краса и диво», в глазах обиженных провинциалов становился холодным, надменным, казенным. Талантливые выходцы из провинции во многом сформировали в искусстве негативное восприятие не только Петербурга, но и жизни России в целом.

Вся обстановка Сенной площади требовала перемен – торговля к этому времени уже приобрела постоянный характер и не могла производиться в существующих формах – с возов. Это требовало создания условий, соответствующих изменившимся как санитарным нормам, так и полицейским правилам. В 1860 году несколько частных лиц обратились в Городскую думу с предложением выстроить на Сенной площади свой крытый рынок. Пожар 1862 года послужил последним аргументом в пользу перемен.

Схватка вокруг Сенного рынка

Два мировоззрения

Городские власти вновь вернулись к вопросу организации торговли на Сенной площади уже при императоре Александре II.

Смена правления – это время надежд. Оно всегда сопровождается общественным возбуждением. Различные партии и течения в стране надеются решить свои проблемы всевозможными демонстрациями. Время правления Александра II ознаменовалось невиданным размахом терроризма, жертвой которого пал он сам. Император провел целый ряд государственных реформ, важнейшей из которых было освобождение крестьян от крепостной зависимости. В числе не менее важных историки называют судебную, образовательную, военную – срок службы был снижен с 25 лет до 15, отменены телесные наказания.

С реформаторской деятельностью Александра II связывают грандиозные пожары 1862 года в Северной столице.

Пожар на Сенном рынке послужил толчком к началу уже назревших преобразований. Однако, несмотря на насущную, казалось бы, необходимость обновления рынка и площади и прилегающих территорий, процесс растянулся на два с лишним десятилетия.

После пожара торговая деятельность площади на время замерла, а в Городской думе был поставлен вопрос о строительстве на ней центрального городского рынка с постоянной формой торговли. Для координации проектирования и строительства была создана Особая комиссия.

При решении вопроса о реконструкции Сенного рынка столкнулись два мировоззрения – интересы населения столицы и интересы капитала. От склонения чаши весов в ту или другую сторону зависело правообладание рынком и соответственно судьба площади и даже города в целом. Разумеется, соперничество шло и между компаниями, желавшими строить на площади.

Ситуация выразилась в противостоянии Городской думы, отстаивавшей традиционные позиции, и губернатора Санкт-Петербурга, генерал-адъютанта графа Н. В. Левашова, вставшего поначалу на сторону капиталистов.

Дума, являясь выборным органом, состоящим из представителей различных сословий, была по определению хранительницей народных традиций и привычек и обладала огромной естественной инерцией. Поэтому она с неизменным упорством сопротивлялась любым переменам. Дума «помнила», что торговля на площади существовала чуть не с основания города, что здесь всегда был общественный, то есть содержащийся городом, рынок, где продукты были дешевле, чем у любого частного, что он всегда был выгоден продавцу и покупателю, то есть народу, о чем и пеклась в свое время императрица Екатерина II. Кроме того, доход от рынка пополнял городской бюджет.

Губернатор города Н. В. Левашов предстает со страниц документов как человек волевой, жесткий, хитрый и проницательный. В прошлом боевой офицер, потом губернатор Орла, он решительно оппонировал Думе, с большой настойчивостью добиваясь строительства достойного столицы здания рынка в районе Сенной площади. Разрешить проблему, по его мнению, можно было только передачей рынка в частное владение, то есть осуществить строительство на привлеченные средства частных лиц. Интуитивно он также понимал, что город только выиграет, если торговля с Сенной площади будет перенесена в другое место, находящееся рядом, например на участок наследников купца Яковлева, будущую Горсткинскую улицу.

Как мы уже знаем, эта идея не нова и с 1816 года уже дважды возникала в умах городских властей и архитекторов.

Надо отметить, что в течение длительного времени Городской думе удавалось сохранять верность исторической традиции, «общественному приговору» и настоять на строительстве за бюджетные средства городского рынка на Сенной площади, не уступив его в частные руки и не позволив перенести его на другую территорию, невзирая на самые заманчивые предложения и участие в них довольно значительных лиц. Связанная бюджетом и опасавшаяся инвестиционного долгостроя, Дума твердо стояла на своем и не дрогнула ни под давлением генерал-губернатора, ни отдельных влиятельных лиц, ни даже самого императора. Самый доходный рынок должен был оставаться самым дешевым и быть кормильцем всех слоев населения Петербурга, а также служить пополнению городской казны. Это могло произойти только при условии, что рынок будет принадлежать городу.

Информация о строительстве рынка распространилась по Петербургу, а возникшая конфронтация вызвала поток предложений как от русских предпринимателей, так и от иностранных компаний и частных лиц. Сохранившиеся документы позволяют составить некоторое представление как о предлагавшихся проектах, так и о предпринимателях. Кроме того, они характеризуют тех, кто управлял городом, и систему взаимоотношений города (то есть его населения) и власти.

Подготовка к строительству рынка длилась более двадцати лет. В течение этого отрезка времени возникали периоды затишья, сменявшиеся вспышками бурных страстей.

Рассмотрение вопроса о преобразовании Сенной площади шло в Городской думе по нескольким направлениям: с сохранением торговли на площади, то есть без средовых преобразований, и с перенесением торговли на другую территорию – на яковлевский участок (современная улица Ефимова). Кроме этого еще было предложение перенести Сенной рынок к Александровскому плацу, располагавшемуся у сегодняшнего Театра юного зрителя.

Первые проекты

В 1864 году созданная при Городской думе Особая комиссия рассмотрела первые проекты. Пока остается неизвестным, какие требования к проекту будущего рынка выдвинула на начальном этапе Дума, а также не удалось найти какой-либо из проектов этого периода. Одним из первых известных претендентов на строительство рынка был варшавский помещик Кониар. Годом раньше он обратился к архитектору академику Ц. А. Кавосу и инженеру-бельгийцу Фильелю Брогги. Они запроектировали «очень обширное железное строение на фундаменте с каменными кладовыми и погребями». Кроме этих фактов известно, что Дума не приняла проект из-за его дороговизны.

Комиссия отметила работы «архитекторов Лихачева, Чернявского и особенно Жоффрио». По отзыву Думы, постройка по проекту последнего из них могла украсить город. Здание, видимо, имело оригинальную планировку – ни один архитектор не «выжал» такого количества торговых мест, как это удалось А. И. Жоффрио, – 554 лавки и 578 ледников и подвалов. По сообщениям в печати, это было роскошное каменное сооружение с «зеркальными стеклами», в центре его помещались «четыре мраморные чаши для живой рыбы» с проточной водой, подающейся фонтанами, а вокруг здания были фонтаны для обеспечения «потребности обитателей рынка и водопоя лошадей» в виде двенадцати гранитных чаш. Проект оказался слишком дорог, как и проект Кавоса, а прочие не удовлетворили комиссию по другим причинам, и она отклонила все предложения «как несоответствующие выгодам города и его обывателей».

Тогда же представил на рассмотрение свой проект архитектор К. И. Реймерс. В комментариях автор выказал знакомство с новым парижским рынком в виде «огромного шатра со стеклянными просветами», возведенного на месте исторического «рынка невинных» («marche des innocents»), проанализировал пригодность его архитектуры к нашим климатическим условиям и «местным обстоятельствам». Архитектор предложил «расположить под железную крышею, утвержденною на 720 чугунных колоннах, шестью отдельными навесами вдоль площади; посредине будет один высокий крестообразный навес в связи с шестью продольными, между которыми остаются открытые промежутки для свободного стока с крыши воды. Все пространство под крышами (исключая среднего навеса, где поместится 200 возов и рыбный промысел в 48 отдельных нумерах с фонтаном по средине) назначается для 264 больших или же 528 малых нумеров, открытых лавок и ларей. Покупатель, подъехавши или подошед к внешнему тротуару рынка, может обойти все 528 нумеров по внутренним тротуарам и под защитою крыш». Существенным новшеством и отличием от всех остальных проектов был подъем уровня площади «против окружающих улиц на $11/4$ аршина» для устройства погребов и подвалов. По мнению автора, это создало бы дополнительным удобства для торгующих. Экономический расчет, сделанный К. И. Реймерсом, показал, что при существующей ситуации город получает 50 000 рублей ежегодно, а после строительства рынка – 110 400 рублей.

Описания позволяют сделать вывод, что первые здания рынков, предложенные архитекторами, должны были занять практически всю площадь.

Поиски решения

Тема Сенного рынка обсуждалась в прессе. В 1866 году предлагалось «учредить на Сенной площади сквер для очищения воздуха с расположением вокруг него базарного торгового двора по определенным временам года», потом просто «очистить Сенную площадь от всякого торгового двора, развести на ней сквер с водоемом и фонтаном свежей неводской воды».

К. И. Реймерс развил эту идею и высказался за перенос рынка с Сенной к «Измайловскому полку, во второй квартал между 9 и 10 ротами» и даже дал эскиз в одной из петербургских газет. Этот рынок должен был представлять окруженный каменной оградой навес на железных столбах, стоящий между двумя рядами домов одной улицы. По его мнению, такая мера решила бы проблемы обеспечения продуктами не только Коломенской, но и Нарвской части. Место было выбрано, вероятно, неслучайно. В 1782 году Указом о строении рынков в Петербурге были отведены следующие места: «...одно на Александровской площади на выгонной земле, другое попорозже за Измайловским полком <...> для лоскутных, шерстяных, щепяных, кроватных и других тому подобных лавок, коим безопасность от огня и благолепие города возбраняют быть внутри онаго».

После обсуждений проектов Городская дума предложила продолжить поиски оптимального решения, поскольку строить рынок предстояло на бюджетные средства, а их всегда не хватает. Поэтому в 1867 году она поручила служащим Городской управы архитекторам М. А. Макарову и И. А. Мерцу создать самый скромный вариант каменного здания, отпустив на его воплощение 150 тысяч рублей, которые из будущих доходов в течение шести лет предстояло вернуть в казну. Судя по стоимости, здание не было перегружено удобствами и техническими новинками.

В то же время Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел был атакован торговцами, ежедневно теряющими доход, и на площади была разрешена торговля во временных деревянных лавках. Их запроектировал в виде деревянных навесов возле Успенской церкви архитектор комитета К. К. Рахау. Места для торговли с возов он наметил вдоль продольного проезда через площадь.

Неточная смета и ряд замечаний к проекту не позволили Думе утвердить его. Арендаторы, не желая нести убытки, готовы были построить рынок на свои средства – по их подсчетам, одна лавка стоила 160 рублей, а все вместе – 16 тысяч. Не будем гадать, как могла выглядеть площадь после такого строительства. Скорее всего, торговцы из экономии не обременяли себя архитектурным проектом и поиском подрядчика, строить собирались, как говорят сейчас, «хозспособом».

Портрет Сенного рынка

Проведенный Думой конкурс позволил составить картину будущего рынка, и 4 марта 1868 года, после изучения зарубежного опыта, а также анализа отечественных предложений, «дума приговорила признать полезным составить проект крытого рынка для Сенной площади и в устройстве его соблюсти величайшую простоту в соответствии с торговлей самыми обыкновенными товарами для ежедневной потребности» со следующими условиями:

– «устройство в приличных местах удобной продажи маркитантских товаров и горячей пищи для рабочих людей с защитой от дождя»;

– сохранение незастроенной середины для конножелезной дороги;

– поэтапное строительство и последующее расширение рынка;

– оперативная уборка мусора;

– увеличение освещенности;

– «приведение в порядок отхожих мест по примеру других европейских городов».

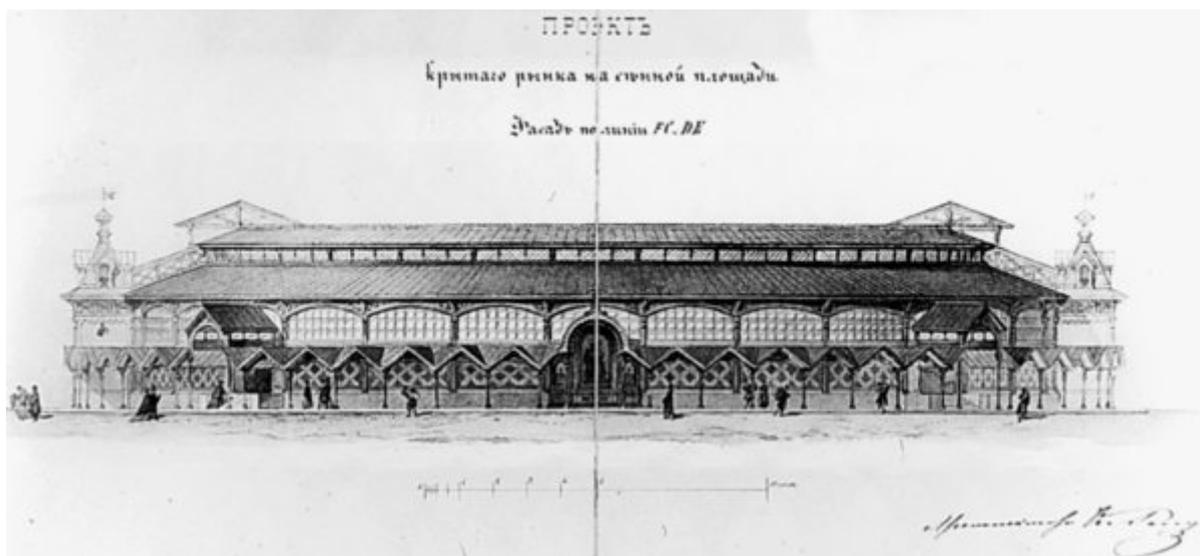
Здание должно быть «простым и удобным, на железных столбах, без подвалов, хорошо освещено и разделено на проходы».

Особо подчеркивалась недопустимость полной застройки Сенной площади зданиями с глухими стенами – «для того, чтобы оживить местность и избежать однообразия стосаженного пространства, замкнутого стеною», Дума потребовала устроить наружную торговлю.

Губернаторские действия

Почти одновременно с этим, в 1868 году, Н. В. Левашов заказал К. К. Рахау еще один вариант Сенного рынка. Он понимал, что полумеры не решат проблемы благоустройства площади, что рынок должен быть сооружением красивым, долговечным и технически хорошо оснащенным. А поскольку казенных денег на него отпускалось слишком мало, то строить, по мнению губернатора, следовало на частные средства.

К. К. Рахау предложил крытое сооружение, используя входивший в моду русский национальный стиль. Здание напоминало нарядный ярмарочный балаган и занимало почти всю площадь. Стены складывались из красного и желтого кирпича и удачно сочетались с большими окнами.

К. К. Рахау. Проект Сенного рынка. Вид от Садовой ул. 1871 г.

Рынок имел хорошо продуманную и обоснованную планировку. Изучив схему движения транспорта, автор счел, что связь Обуховского проспекта с Конным переулком незначительна, и принял решение о центральной композиции плана, то есть с постройкой, занимающей почти всю площадь. Транзит по Садовой улице сохранялся, огибая здание рынка с двух сторон. Такой прием – устройство скверов, фонтанов или иных сооружений на площадях по линии главных улиц – широко использовался в западноевропейских городах с целью распределения людских потоков и использования свободных территорий. Архитектор предусмотрел устройство подвалов, это увеличивало стоимость строительства. Это, с его точки зрения, являлось несомненным удобством для продавца, а также для осуществления санитарного и полицейского контроля и, следовательно, обеспечивало главное – интересы покупателя.

Судьба этого проекта Рахау печальна. Когда в 1871 году к нему по какой-то причине решили вернуться, выяснилось, что он потерялся при пересылке из Технического строительного комитета в Хозяйственный департамент. Проект был обнаружен только в 1893 году, тринадцать лет спустя после смерти архитектора.

Стоимость проекта составляла 700 тысяч рублей, что не укладывалось в рамки городского бюджета. Но губернатор предлагал отдать рынок и его строительство в частные руки, мотивируя свое предложение тем, что частные рынки уже давно существуют в Петербурге.

Между тем стихийная торговля на площади процветала в самом неприглядном виде, так как «лавки

строят кому как попало, сток с крыш увеличивает грязь». Строительство должно осуществляться за счет городских средств, без привлечения частных капиталов.

Противостояние

Н. В. Левашов не хотел сдавать свои позиции и упорно искал инвесторов, всячески стараясь поддержать их, что видно из его регулярных докладов и обращений за советом к А. Е. Тимашеву. Поэтому, как только стало известно о решении Думы, в комиссию вновь посыпались предложения частных компаний и частных лиц. Замелькали различные отечественные и зарубежные фирмы, одни и те же лица оказывались задействованными то в одной, то в другой компании, а посулы потрясали своим размахом.

Некие «английские капиталисты Дегау, Букье и Тиссье» брались за строительство рынка с намерением получить от города процент с дохода в течение сорока лет и вернуть затраченные на постройку капиталы и по прошествии указанного срока передать здание рынка городу.

«Здешний» купец 1-й гильдии Гизико предлагал построить крытый рынок за два года по проекту К. К. Рахау. 1 августа 1868 года на имя «Mon Excellence le Comte Levachov» – его сиятельства графа Левашова – поступило письмо на французском языке. В нем иностранная «Компания работ общественной пользы в Петербурге», где снова встречаются имена некоторых «английских капиталистов» с французскими фамилиями, просила у «Русского правительства или же у города Санкт-Петербурга» концессии на строительство рынка, обещая на свой счет произвести:

– «строительство центрального рынка на Сенной площади из железа, чугуна, камня, стекла по проекту, выполненному по поручению Генерал-адъютанта Графа Левашова;

– сооружение (постоянного) моста через Неву вместо плавучего Троицкого по образцу Николаевского;

– строительство боен на Гутуевском острове по проекту, имеющемуся в Городской думе, из железа, чугуна и камня, на сваях;

– строительство национального театра на 5000 зрителей на месте, занимаемом сквером при Инженерном замке, против Караванной улицы и по набережной реки Фонтанки по проекту, составленному по распоряжению Его Сиятельства Графа Левашова, из железа, чугуна и камня».

Всего на сумму 5 325 000 рублей! Цифра астрономическая, а говорит она о том, какой огромный доход приносил Сенной рынок.

Строительство должно было осуществиться в течение трех лет со дня «воспоследования Высочайшего Указа об утверждении концессий». От города требовалось ежегодно выплачивать инвестору 5 процентов дохода и 1 процент на погашение «капитала, затраченного на постройку оно», в течение 37 лет после окончания строительства. По прошествии назначенного срока рынок должен был отойти городу. Ну, а пока «вероятно Правительство не затруднится дать незначительную субсидию для такого рода учреждения, которое имеет весьма нравственное влияние на народ», – неожиданно в итоге заявила компания, имея в виду строительство театра.

Городская дума на страже интересов города

4 августа 1868 года Особая комиссия рассмотрела проект К. К. Рахау (то есть губернатора) и М. А. Макарова и И. А. Мерца (то есть Городской думы), но, по словам Левашова (в письме к «Господину Министру внутренних дел»), «не могла придти к определенному мнению относительно выгоды какого-либо из двух проектов», найдя взаимно массу недостатков. Поэтому губернатор, «признавая неудобным продолжать свои убеждения противу предвзятого мнения Думы и тем лишь отдалять время осуществления назначенного выше предприятия», направляет в министерство оба проекта, а также, между прочим, и «подлинные предложения иностранцев Дегуа, Букье и Тисье».

Ни одна из компаний не давала гарантий исправного технического состояния рынка на момент передачи его городу по истечении срока владения им.

На заседании Городской думы еще раз были рассмотрены проекты Макарова-Мерца и Рахау, а также предложения инвесторов.

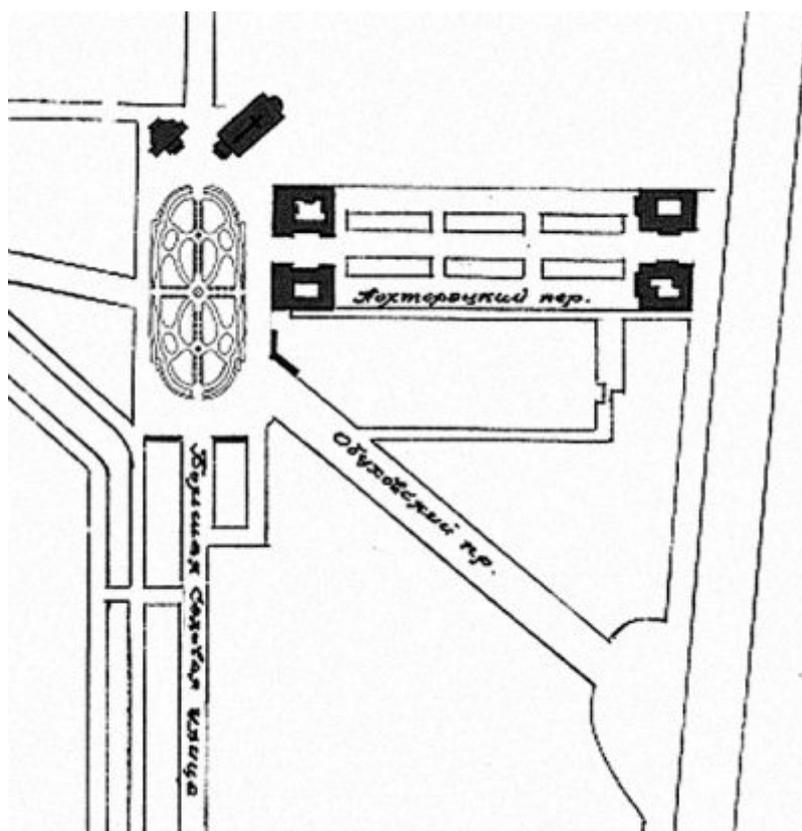
Взвесив все «за» и «против», Городская дума провела скрупулезный сравнительный анализ поступивших предложений инвесторов «Paul de Joix, Tissier, Bouquier, Gizik» (так поименован «здешний купец Гизико»), Дума пришла к выводу, что «все эти лица задались одной общей мыслью – спросить как можно больше», что «каждый из них имеет в виду прежде всего свои личные интересы», и не сочла возможным принять предложения частных застройщиков, понимая, что традиционно низкие цены на рынке можно сохранить, только если он будет оставаться «в казне» и, кроме того, пополнять городской бюджет. Поэтому Дума поручила Макарову и Мерцу откорректировать свой проект и представить его на высочайшее утверждение, которое и состоялось 10 июля 1870 года.

Одновременно управляющему Министерства внутренних дел князю А. Б. Лобанову-Ростовскому, вдогонку быстро уходящему времени, поступило прошение от инженера Сергея Мордухай-Бонтовского, желающего «предпринять постройку рынка в Санктпетербурге на Сенной площади по проекту уже Высочайше утвержденному». Заявление было передано в Думу с просьбой «не отказывая, поступить на основании закона».

Новое – хорошо забытое старое

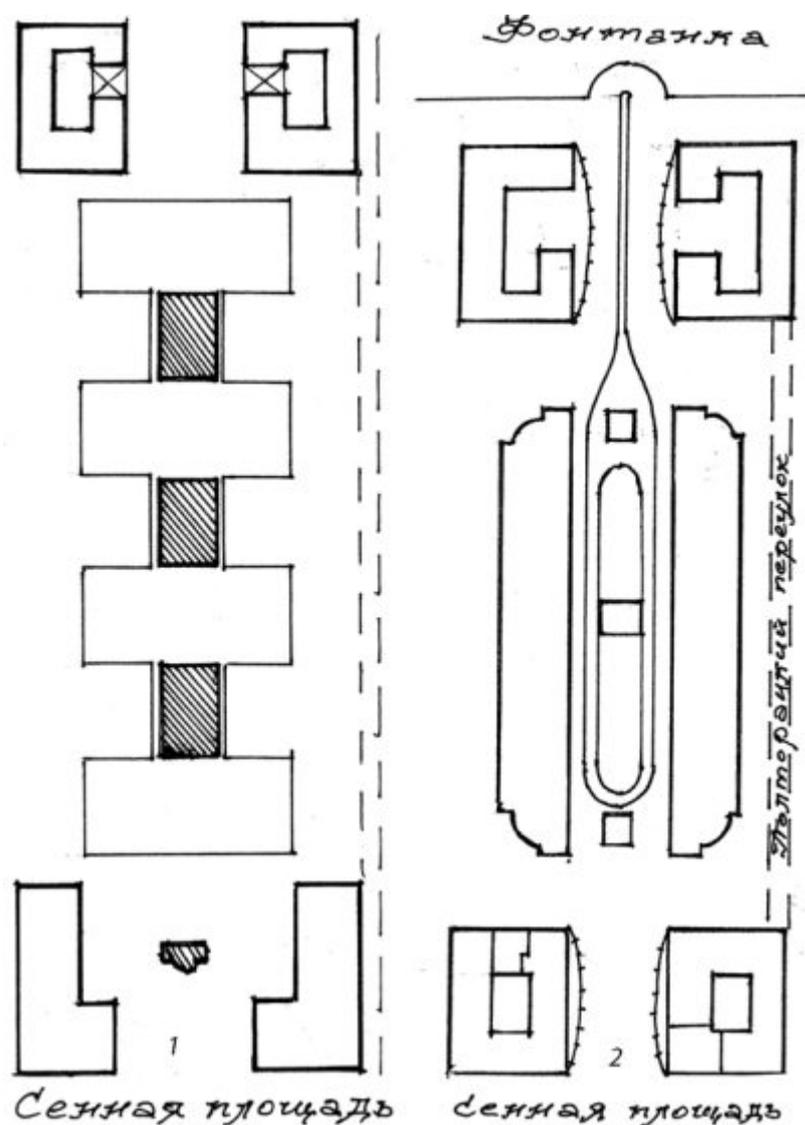
В 1869–1871 годах возникла группа проектов, разработанных по уже известной нам концепции архитектора александровского времени А. Модюи, предложившего создание рынка-улицы, соединяющей Сенную площадь с Фонтанкой, на месте Яковлева.

Это проект профессора К. К. Кольмана, архитектора Техническо-строительного комитета. Его постройка представлена тремя каменными отдельно стоящими «промежуточными» зданиями, перекрытыми общим навесом. Площадь рынка 1500 кв. саженей, стоимость определяется не более 90 тысяч рублей серебром. Кольман оформлял рынок зданиями-пропилеями со стороны Сенной и со стороны Фонтанки.

Б. Пранг. Проект Сенного рынка на месте потомков Яковлева и сквером. 1871 г. Графическая реконструкция З. В. Юрковой и Е. О. Юркова

Еще один вариант рынка разработал К. К. Рахау в 1869 году. По обоим концам новой улицы он предлагал выстроить по паре симметричных зданий, между которыми был вход в рынок. Два длинных торговых навеса располагались в середине участка, между ними помещались места для сбора мусора и туалеты. Вокруг них был проложен рельсовый путь, ведущий к пристани на Фонтанке.

Проекты рынка на месте потомков Яковлева (ныне ул. Ефимова). 1 – К. К. Рахау; 2 – А. К. Кольман. 1869 г.

Предложения отличаются градостроительным подходом – проезд с площади к Фонтанке, архитектурное оформление въездов с обеих сторон связывало Сенную площадь с набережной Фонтанки. Интересны они и по внутренней планировке. Сегодня, к сожалению, невозможно установить, были ли знакомы архитекторы с проектами прошлых лет, или кто-то самостоятельно пришел к этой идее, или это исходило от заказчика. В следующем сюжете архитектор Г. Б. Пранг разрабатывал ту же схему рынка.

В то время как вопрос о строительстве рынка был решен и расходы на него внесены в бюджет следующего 1871 года, в дело вмешалась группа лиц, вступивших в соглашение с наследниками вдовы Яковлева.

В феврале 1871 года губернатор Санкт-Петербурга по строительному отделению сообщил министру внутренних дел, что прошение от «опекунов над имением умершей вдовы генерал-лейтенанта Яковлева полковника Тунцельмана, князя Евгения Витгенштейна, архитектора Пранга, барона Притвица и дворянина Егора Карловича Задлера» было о постройке «каменных жилых домов с торговыми помещениями по нижним этажам, каменными ледниками, металлическими навесами и общественными ретирадными

местами» во дворе наследников Яковлевой.

Прошение было поддержано в Городской думе. Только санитарная комиссия с недоверием отнеслась к просителям и отказала им на том основании, что на Сенной площади и без того будет строиться рынок. Губернатор, удивленный отказом, написал, жалуясь министру внутренних дел, что «всякий имеет право открывать торговлю, если это не противоречит закону», и далее сообщал, что чертежи готовы для представления государю. После недолгих совещаний из Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии поступила резолюция статс-секретаря князя С. И. Урусова – «нельзя стеснять частных владельцев согласно нашим законам о собственности, если их инициатива приносит пользу», и 12 мая 1871 года проект был согласован (не путать с высочайшим утверждением императора!).

Практически сразу, в октябре, от тех же лиц поступает новое прошение – о строительстве крытого рынка на участке наследников Яковлева, а также о преобразовании и очистке Сенной площади, разбивке на ней сквера с фонтаном и строительстве пешеходного моста через Фонтанку «против своего рынка», который они просили разрешения назвать «Центральный рынок для съестных припасов в Санктпетербурге». Кроме того, инвесторы на свои средства предлагали устроить скверы на Адмиралтейской и Сенатской площадях. В качестве гарантий они выставляли залог в 100 000 рублей в процентных бумагах. Взамен просители хотели получить «мостовую» с площадей, а по истечении пятидесяти лет намеревались передать здания рынка с землей городу. Впоследствии с исполнением финансовых обязательств и планов благоустройства городских площадей компанией стали случаться заминки.

Автором проекта стал архитектор Г. Б. Пранг: «...четыре каменных пятиэтажных здания на нежилых подвалах и с антресолями. <...> Глухая ограда вдоль всего Полторацкого переулочка <...> четыре надворных флигеля и четыре заглубленных ледника, шесть железных, частью стекольных на железных столбах навесов, два отепленных отхожих места общественных, три каменных помойных ямы, проложение по двору подземных труб и устройство при них <...> колодезей». Фасады зданий, обрамлявших въезд на территорию рынка, архитектор решал в барочных формах. Кроме того, предлагалось строительство моста через Фонтанку (построен в 1910 году и назван так же, как и проложенная в 1879 году улица – Горсткин) и купален. Все это было доведено до сведения министра. Но он распорядился начинать строительство по уже утвержденному 10 июля 1870 года проекту Макарова и Мерца. Последнее слово оставалось за Городской думой.

Возможность освободить площадь от торговли и создать там столь необходимый большому городу сквер вдруг вызвала интерес и завладела умами. Надо полагать, что она обсуждалась не только во «властных структурах», а в первую очередь сенновскими торговцами, и, конечно, об этом на разные лады судачил весь город – ведь затрагивались кровные интересы всех слоев общества. Ф. М. Достоевский психологически точно понял, что может прийти в голову человеку в минуты наивысшего напряжения: Раскольников, двигаясь от Юсуповского сада через Сенную площадь к старухе-процентщице, с топором под пальто, отвлекал себя мыслями о том, что занимало всех – об устройстве фонтанов на городских площадях.

Губернатор стал активно поддерживать соискателей. Из его переписки с Министерством внутренних дел видно, что он готовил свое руководство, то есть министра А. Е. Тимашева, к этому известию. Проект Макарова и Мерца и «все его основания были одобрены Общей Думой». После утверждения его Техническо-строительным комитетом проект предполагалось препроводить на «Высочайшее утверждение». Однако, обращаясь к Санкт-Петербургскому обер-полицмейстеру Ф. Ф. Трепову, губернатор Левашов сообщает, что «генерал-адъютант Тимашев, препровождая мне рассмотренный и одобренный в Техническо-строительном комитете проект Сенного рынка, составленный Городской Думой, просит

сообщить мнение по означенному проекту в санитарном и полицейском отношении». Трактую последние слова министра как скрытый намек, Левашов, вероятно, с помощью Трепова, решил не пропустить думский проект. И дело снова пошло по кругу, снова проводится экспертиза. Ее выводы обер-полицмейстер города представил в Санитарную комиссию, председателем которой сам и являлся. Она провела специальное обследование Сенной. Результаты были ошеломляющими. Выяснилось, что ее территория на глубину почти двух метров пропитана нечистотами и необходимо произвести ее санирование. Необыкновенная скученность бедного населения вокруг нее, близкое соседство ночлежек Вяземской лавры, где в ужасающих условиях изготавливались всевозможные продукты питания, продававшиеся в Обжорном ряду здесь же на площади, способствовали возникновению эпидемий.

Неожиданно Санитарная комиссия, может быть, не без воздействия Ф. Ф. Трепова, объявила, что торговля на площади, рядом ли «представляет огромное зло, которое искоренить можно, лишь уничтожив на ней настоящий рынок», поскольку здесь «неблагоприятная санитарная обстановка, возрастающая опасность эпидемий, происходящая от скученности тесноты и ветхости больших домов, кроме того, скопление криминальных элементов и большое количество постороннего рабочего населения вовлекает неопытных в свои собрания, тем самым увеличивая массу вредных членов общества». Торговля же на Сенной может осуществляться и по думскому проекту, но только при соблюдении всестороннего порядка, а еще лучше, если она будет перенесена в другое место, например «на Александровский плац, между 9 и 10 ротами, к Николаевской железной дороге», как в свое время предлагал архитектор К. И. Реймерс.

Мнения в Думе разделились. Предложением о создании сквера на Сенной заинтересовался император, назвав его разбивку на площади «весьма желательной по той пользе, которую можно оказать для города в санитарном отношении». Вопрос об устройстве сквера на площади и переносе рынка дебатировался не один год.

Губернатор Н. В. Левашов, очевидно, не ожидал такого поворота событий. Он перестал поддерживать компанию инвесторов и в панике слал начальству письма, где писал о том, что «для рынка не может быть выбрано место произвольно» и он должен быть там, где сам сформировался, в любом другом рынок заглохнет, и город перестанет получать доход.

К этому времени опекуны над именем Яковлевой начали отказываться от своих обещаний, а требования, наоборот, стали возрастать.

Городская дума сочла невозможным дальнейшее обсуждение предложений и постановила приступить к подготовке документации и распоряжения для постройки рынка по «Высочайше одобренному» проекту, разработанному Макаровым и Мерцем.

О поручике Горсткине и месте для «простого народа»

В это время в документах возникают имена двух отставных военных – поручика С. П. Горсткينا и инженер-капитана С. В. Яфимовича, разрушивших планы «опекунов над имением вдовы Яковлева».

Согласно Описи планов Спасской части Петроградской городской управы, 21 июня 1871 года участки домов Яковлевой № 75 и № 77 по Фонтанке и № 2 по Сенной площади оказались в собственности никому не известного отставного поручика и его компаньона, несмотря на то, что Сенат разрешил продажу только в ноябре 1871 года.

В 1874 году Горсткин получил разрешение на прокладку Новой улицы, которая в дальнейшем будет названа по его фамилии (ныне улица Ефимова). Она прошла между домами № 75 и № 77 (современные № 91 и № 93) по Фонтанке. Одновременно, 4 декабря 1874 года, Горсткин подал просьбу об открытии торговых лавок на вновь проложенной улице, что и было разрешено 5 июня 1879 года с оговоркой: «не нарушать законные интересы торговли на Сенной площади».

Между тем у «простого народа» было свое видение событий, развернувшихся вокруг Сенной площади. Обращение «бедных престарелых солдаток и вдов» к министру внутренних дел генерал-адъютанту А. Е. Тимашеву составлено и написано специально нанятым «сведущим» человеком. В нем говорится о том, что «бедные несчастные старушки <...> просили городского голову дозволить производить мелочную торговлю для приобретения себе и детям пропитания наряду с прочими торговцами, просящими себе места, но как неимущим, бесплатно». Происходят злоупотребления, спекуляция, «члены Городской думы набирают места себе на чужие имена <...>, все нас гонят и полиция, и члены думы, и торговцы», а ответа на жалобу так и нет. «Известно, к чему это применить, что дума обижает бедный народ, а богачей еще больше поощряет, а сама Сенная площадь предназначена не для богачей, а сельская, для бедного народа, а его вовсе не допускают к достаче куска хлеба. Ваше превосходительство! Если бы Вы приказали особому и верному чиновнику на месте сделать внезапно осмотр и расспрос местов, кто и как оные побрал, то и раскрылись бы все неправильные действия думы». Далее следуют подписи. Как говорится, без комментариев!

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что окончательное решение по вопросам городского хозяйства и строительства принимала Городская дума. И губернатор, и Дума стояли на страже интересов городского населения, но видели различные пути их реализации. При этом Н. В. Левашов нашел в себе силы отказать от своих претензий, как только убедился в том, что намерения соискателей пошли вразрез с интересами горожан и вызвали их протест.

Реконструкция церкви Успения

Последствия пожара и решение о преобразовании района Сенной площади не могли не повлиять и на решение о ремонте и реконструкции церкви Успения. В 1863 году были приняты «меры к уничтожению сырости в подвале церкви Спаса на Сенной» – вокруг здания уложены «подземные водосточные трубы», имеющиеся прочищены и увеличены продухи, а также «сделаны четыре колодца, вымощена площадка вокруг». Однако зданию было уже более ста лет. Его деревянные портики и колокольня только чудом не сгорели в пожаре Сенного рынка 1862 года – ведь его строения находились как раз вблизи церкви. Конструкции колокольни прогнили, и она находилась в аварийном состоянии. Журнал «Северное сияние» за 1867 год писал, что «церковь Спаса, сжатая в углу Сенной площади, не имеет надлежащего вида». Протоиерей Спаса на Сенной И. Я. Образцов организовал сбор средств на реконструкцию и получил на нее необходимое разрешение. Специальная комиссия, в которую входили представители епархии и архитекторы – академик Д. И. Grimm, Н. П. Высоцкий и Г. И. Карпов, обследовала здание и подтвердила, что стены нижнего яруса колокольни «достаточно толсты и прочны, чтобы опасаться возведения на них кирпичом всего, что сделано было из дерева». Проект был заказан епархиальному архитектору Г. И. Карпову, его же назначили и производителем работ. До начала ремонта комиссия приняла решение не уменьшать высоту здания и не изменять его «вида». Однако некоторые изменения архитектуры куполов и особенно колокольни пришлось сделать. Это было вызвано, прежде всего, желанием создать более долговечное сооружение, поэтому все деревянные фрагменты были выстроены кирпичными. Но вряд ли имелась возможность повторить в кирпиче все архитектурные формы и конструкции церкви. При этом была несколько увеличена высота колокольни и самой церкви за счет «удлинения» куполов.

Капитальная перестройка началась в 1867 году – «августа 6-го, в день Преображения Господня совершена торжественная закладка второго каменного яруса колокольни». Но при замене деревянных конструкций куполов каменными возникли трещины в подпружных арках. Это затормозило работы на год. В результате большой купол стали выкладывать пустотелым кирпичом, а малые – обычным.

В период производства работ в кладку колокольни была вложена закладная доска, на которой записаны имена тех, кто работал над обновлением церкви. Она была обнаружена в 1961 году в обломках кирпича после взрыва и передана на хранение в Музей истории Ленинграда.

Купола и главы церкви были удлинены, «сделаны гранями и вызолочены». Новые кресты выполнили по старому рисунку, и если раньше они были окрашены желтой краской, то сейчас их также покрыли золотом. Средства на позолоту направлялись в церковь по завещанию одного из ее старост Ф. Дурышкина. Деревянные фронтоны над входами заменены кирпичными, базы колонн отлиты из чугуна, фасады заново оштукатурены, кровля полностью заменена и покрыта «яковлевским» железом – с завода потомков строителя церкви С. Я. Яковлева. Деревянная часть колокольни выстроена в кирпиче. Были заменены заполнения дверных проемов новыми деревянными, а деревянные оконные на «железные», обновлена штукатурка. В здании появилась система отопления, предложенная архитектором Императорской публичной библиотеки В. И. Соболевским. Она была проста в обращении и обеспечивала помещения достаточным теплом и вентиляцией – печи находились в подвале, а нагретый воздух поступал в помещения по стенным каналам. Работы были закончены к 1871 году, хотя доделки производились еще несколько лет.

Е. М. Раппопорт. Церковь Успения Божией Матери. Проект реконструкции Сенной площади

Священник И. Я. Образцов – один из самых видных деятелей церкви Успения Божией Матери. Он закончил Духовную академию, был законоучителем Александровского кадетского корпуса, получил назначение профессором богословия в Императорский историко-филологический институт, где 1 сентября 1888 года читал первую вступительную лекцию. Протоиерей священствовал в Спасо-Сенновской церкви и с 1883 года состоял членом учебного комитета при Священном синоде, в своей книге он перечисляет священников церкви, вкратце рассказывая об их деятельности. Можно расширить этот список, добавив в него служителей более позднего времени, среди служивших в разное время в Спасо-Сенновской церкви было несколько поистине выдающихся личностей – это протоиерей Иоанн Иоаннович Иванов (1831–1848 гг.) – профессор церковного красноречия в Духовной академии; протоиерей Константин Тимофеевич Никольский (служил в 1848–1905 гг., более 50 лет!) – доктор богословия, знаток церковной истории и литургии, собравший по этой тематике библиотеку из 30 000 томов; протоиерей Александр Васильевич Петровский (1905–1915 гг.) – профессор Духовной академии, специалист по древнееврейскому языку. Его на месте настоятеля сменил протоиерей Василий Николаевич Сперанский, служивший в храме до своей кончины, последовавшей 4 октября 1917 года. После него настоятелем в храме были: вскоре скончавшийся протоиерей Орлов, а затем опять протоиерей А. В. Петровский 1921–1922 годах, вновь некоторое время служивший настоятелем; протоиерей Валериан Боротинский и протоиерей Солодовников.

Особого упоминания И. Я. Образцов удостоил старост церкви из сенновских купцов. Это уже известный нам Федор Дурышкин, Дмитрий Воденников, выкупивший дом Яковлева на Садовой улице, и многие другие. По имени одного из самых усердных жертвователей (купца Василия Кокушкина) названы уже упоминавшиеся переулок и мост близ церкви. Приход располагал большой церковной библиотекой и архивом.

В 1902–1903 годах приход принял решение о возведении нового здания церкви. Разрешения на это не последовало, и дело свелось к удлинению боковых приделов по проекту архитектора И. И. Яковлева и ремонту и реставрации образов. Тогда же в тело здания была встроена часовня. Через десять лет в церкви стали менять систему отопления, но так и не завершили работы из-за начавшейся Первой мировой войны.

Церковь Успения Божией Матери была одной из самых богатых в Петербурге – к 1913 году она

«имела 123 580 руб. основного капитала и 10 1795 руб. церковного, содержала одноклассную церковно-приходскую школу с приютом и конюшней, богадельню при Спасо-Сенновском Благотворительном обществе. Ею было выдано 1564 руб. 55 коп. приходским больным. Причт состоял из семи священников, трех штатных псаломщиков и одного сверхштатного и казенного жалования не имел».

В церкви находились резной золоченый иконостас в стиле барокко, уникальный престол с золоченой ротондой, украшенный серебряными досками, старинные евангелия в вызолоченных серебряных досках, девять серебряных с позолотой напрестольных крестов, серебряные потиры и многое другое.

Наиболее почитаемым был храмовый образ Успения Божией Матери в вызолоченной серебряной раме, с жемчужной ризой и бриллиантами. Еще одной особо почитаемой святыней являлась икона Святого Благоверного Князя Александра Невского, «сооруженная торгующими на Сенной площади прихожанами здешней церкви» в честь императора Александра II. Жертвователи постановили служить ежегодно перед ней две панихиды – 1 марта (день кончины Александра II в 1881 году) и 19 февраля (день освобождения крестьян). Подпись под иконой гласила: «Царю-Мученику, Освободителю от торгующих на Сенной площади бывших крепостных крестьян вечная память!»

Перед древним образом Христа Спасителя (также в вызолоченной серебряной раме) ежегодно 18 октября вологодское землячество собиралось на литургию в благодарение Богу за избавление Вологды от моровой язвы в 1605 году.

Пятнадцать колоколов храма давали приятный звон. Самый большой колокол, пожертвованный Саввой Яковлевым в 1780 году, украшало изображение императрицы Екатерины II.

По словам Образцова, Савва Яковлев, отведав место для церкви, не озаботился выделением такового для причта. Для него возводились небольшие постройки, быстро переставшие удовлетворять потребности церкви. В 1803 году протоиерей Сильницкий обратился к митрополиту с просьбой разрешить строительство здания для причта вплотную к дому С. Яковлева.

Г. И. Карпов. Дом причта Успенской церкви. Садовая ул., д. 40

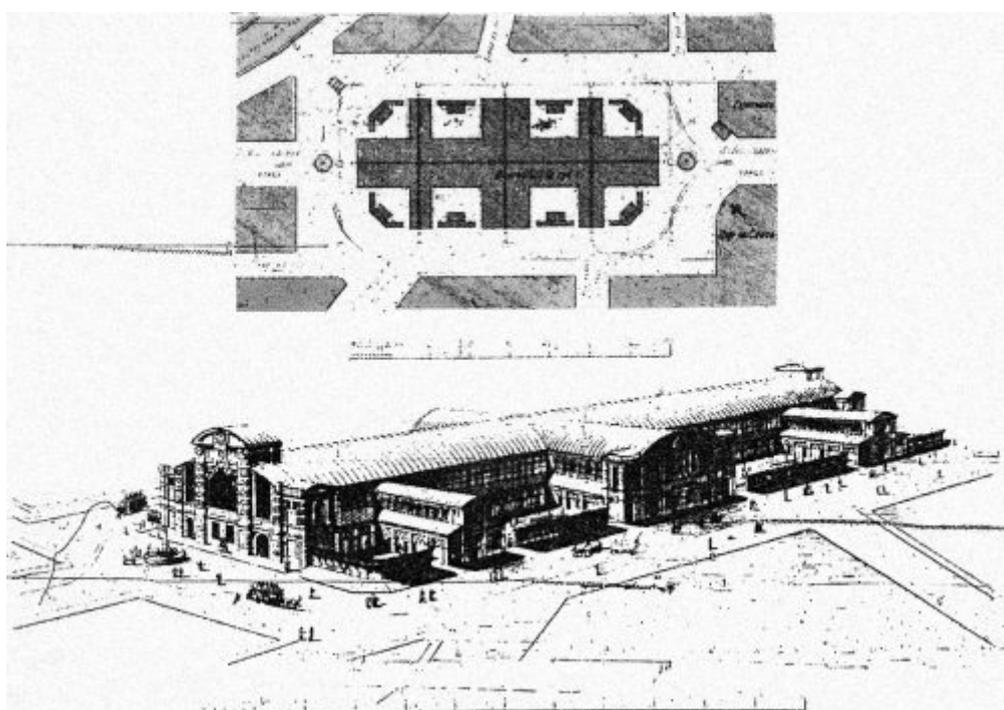
Разрешение было получено, но Петр Саввич Яковлев, сын строителя церкви, воспротивился этому. Он подал прошение военному губернатору графу Толстому с возражениями и просьбой об отказе от строительства, так вид из окон его дома на церковь закроется, и он от этого понесет убытки, а также повысится угроза пожаров. При этом П. С. Яковлев пообещал уступить место за церковью, а ежели церкви место покажется неудобным, то тогда можно будет купить другой дом, чтобы удовлетворить всех. Однако ни строительства дома по потребностям, ни покупки не произошло. В 1860-х годах пришлось делать большую реконструкцию церкви, и к строительству дома для причта вернулись только после 1873 года. Строительство осуществлено именно на том участке, против которого так возражал сын С. Яковлева уже, видимо, к этому времени умерший. По проекту архитектора Г. И. Карпова в 1878–1880 годах был выстроен «новый большой дом в 4 этажа с магазинами в нижнем этаже и с квартирами в остальных; вместе с тем перестроена по новому плану и часовня на старом ее месте, а равно и ограда – между часовнею и новым домом. Работа обошлась в 118 000 рублей. <...> Все это, начиная с возобновления церкви – дело последних 18 лет, все вынесено тремя старшими священнослужителями в причте».

Возобновлен был и настоятельский сад. Дом № 40 по Садовой улице в официальном издании списка выявленных объектов культурного наследия считается «Доходным домом Успенской церкви», хотя, по утверждению И. Я. Образцова, дом был построен для причта. Его архитектура несколько тяжеловесна и старомодна, парапет украшен чугуными вазами – видимо, архитектор прислушивался к желаниям заказчика. Постройка огибают контур утраченной церкви, и сегодня в отсутствие церкви эта линия, если не знать, выглядит надуманно. А если знать, то она задает планировку и архитектуру этой части площади.

Конкурс на проект Сенного рынка и его строительство

Правительство и император, недовольные бесконечными проволочками со строительством рынка и безобразным состоянием Сенной площади, настоятельно рекомендовали Городской управе и Думе обсудить вопрос о закрытии торговли на ней, переносе рынка на Александровский плац и устройстве на площади сквера.

Но Дума справедливо заметила, что для всех, желающих открыть торговлю в районе Сенной площади, этот перенос только устранил конкуренцию со стороны города и что на Александровский плац даже за дешевыми продуктами никто не пойдет, поскольку интересы горожан уже давно сформировались с учетом существования рынка именно здесь.

И. С. Китнер. Проект Сенного рынка. Конкурс 1879 г.

Первая премия

29 апреля 1879 года Городская дума единогласно постановила «сохранить Сенную площадь для производимой на ней торговли».

Однако и в свое время несовершенный проект Макарова и Мерца по прошествии стольких лет окончательно устарел, а все прочие по-прежнему не удовлетворяли Думу, в первую очередь из-за их дороговизны. Поэтому 12 августа 1879 года Городская управа объявила конкурс на разработку проекта «общественного» рынка в Петербурге на Сенной площади. В конкурсную комиссию входили представители городских властей, архитекторы профессора Д. И. Гримм, Р. Б. Бернгард, Э. И. Жибер, А. И. Резанов, А. И. Кракау, Д. И. Гедике, Н. Ф. Брюлло, академик Ц. А. Кавос, а также члены торговой депутации. Условиями конкурса предлагались на выбор две схемы проектирования: центральная с застройкой всей площади или павильонная схема, то есть с сохранением проездов вдоль Садовой улицы и в направлении Обуховский

проспект – Конный переулок.

В комиссию было представлено одиннадцать проектов. Первую премию получил И. С. Китнер, несмотря на то что его предложение стоило дороже, чем у его ближайшего соперника инженера-архитектора П. О. Сальмоновича, которому присудили вторую премию.

Проект И. С. Китнера был решен по центральной схеме, то есть одно здание располагалось в центре площади и представляло в плане восьмиконечный крест. Это остроумное оригинальное решение позволяло поместить большое количество лавок и устроить просторные хозяйственные дворы.

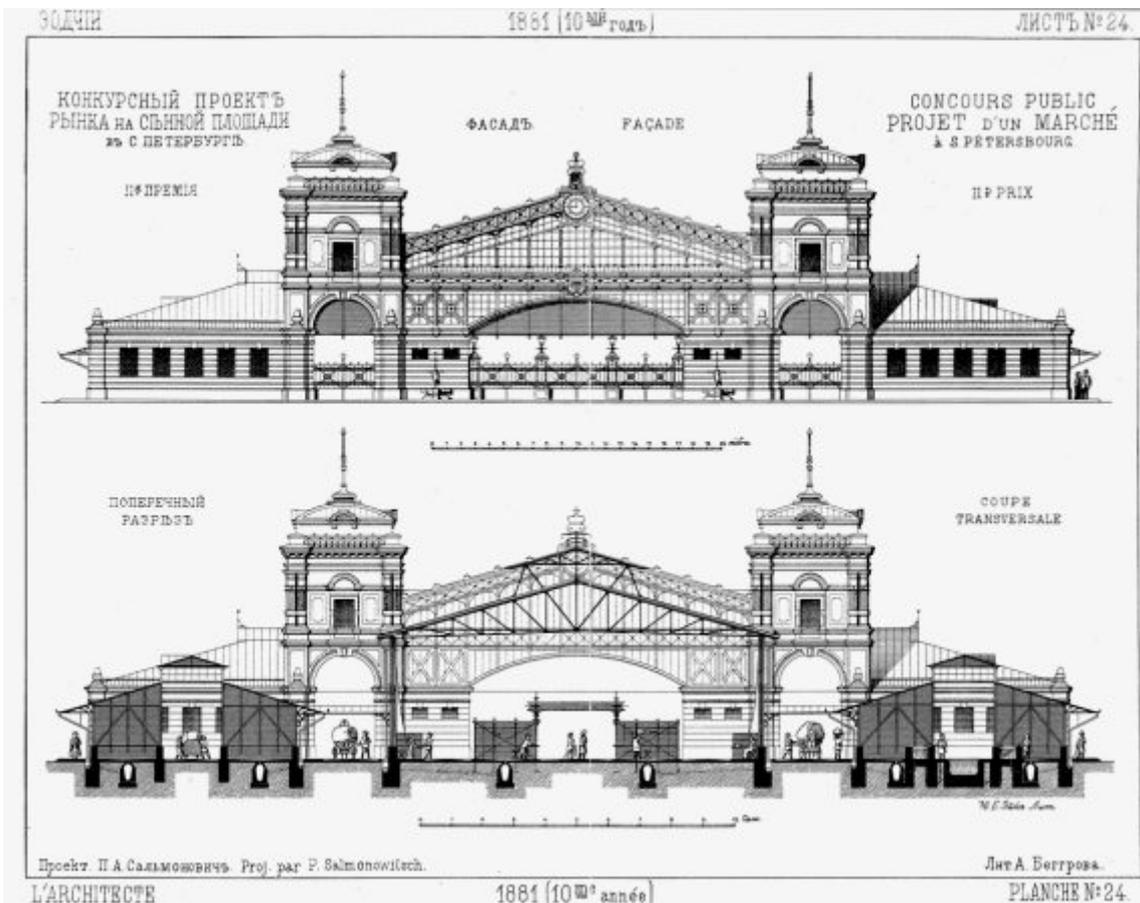
Газета «Голос» за 1880 год подробно и красочно описывает его: «...новый рынок помещается в одном неразрывном здании, имеющем в плане форму восьмиконечного креста, состоящего из центрального продольного объема и трех поперечных нефов, расположенных симметрично на всем пространстве Сенной площади, остающемся за отделением обязательной ширины проездов по четырем сторонам. Пространства между выступающими концами креста образуют восемь просторных дворов, отделенных от улицы вместо забора, рядом мелочных, открытых на тротуар лавочек для торговли разной мелочью <...> таким образом дворы не представляются в виде недоступных свету и воздуху колодцев и не будут, как опасались многие, представлять из себя гнилице нечистот и миазмов, сверх того избранное положение не отнимает света и воздуха у окружающих площадь домов. В продольном и среднем поперечном нефах здания лавки расположены в четыре ряда с двумя проходами между ними, два крайних имеют меньшую ширину и вмещают по два ряда лавок с одним проходом посередине. Соответственно ширина и высота нефов неодинаковы. Значительная высота поперечного нефа дала возможность устроить над ним второй ярус, где помещается обширная светлая и высокая галерея для маркитантского торгова. На дворах в отдельных одноэтажных строениях расположены помещения для дворников и сторожей, кладовые для хозяйственных принадлежностей, помещения для полицейской службы, паровая машина для освещения и, наконец, ретирады и помойные ямы. Каждый двор для удобства движения возов имеет двое ворот на улицу. <...> В здании помещаются 250 больших лавок и 210 мелких <...> Все здание из стекла и железа, из кирпича возведены только низ стен и устои по концам здания <...> Значительную техническую особенность в проекте представляет кровля над широким (8 сажений) коридором рынка. Она проектирована в один пролет без стропил из крупноволнистого жесткого гофрированного железа, изогнутого параболически. Легко, красиво, прочно и дешево. Кровля двойная с током воздуха между двумя железными стенками, препятствующими летом сильному нагреванию, а зимой чрезмерному охлаждению внутренних поверхностей».

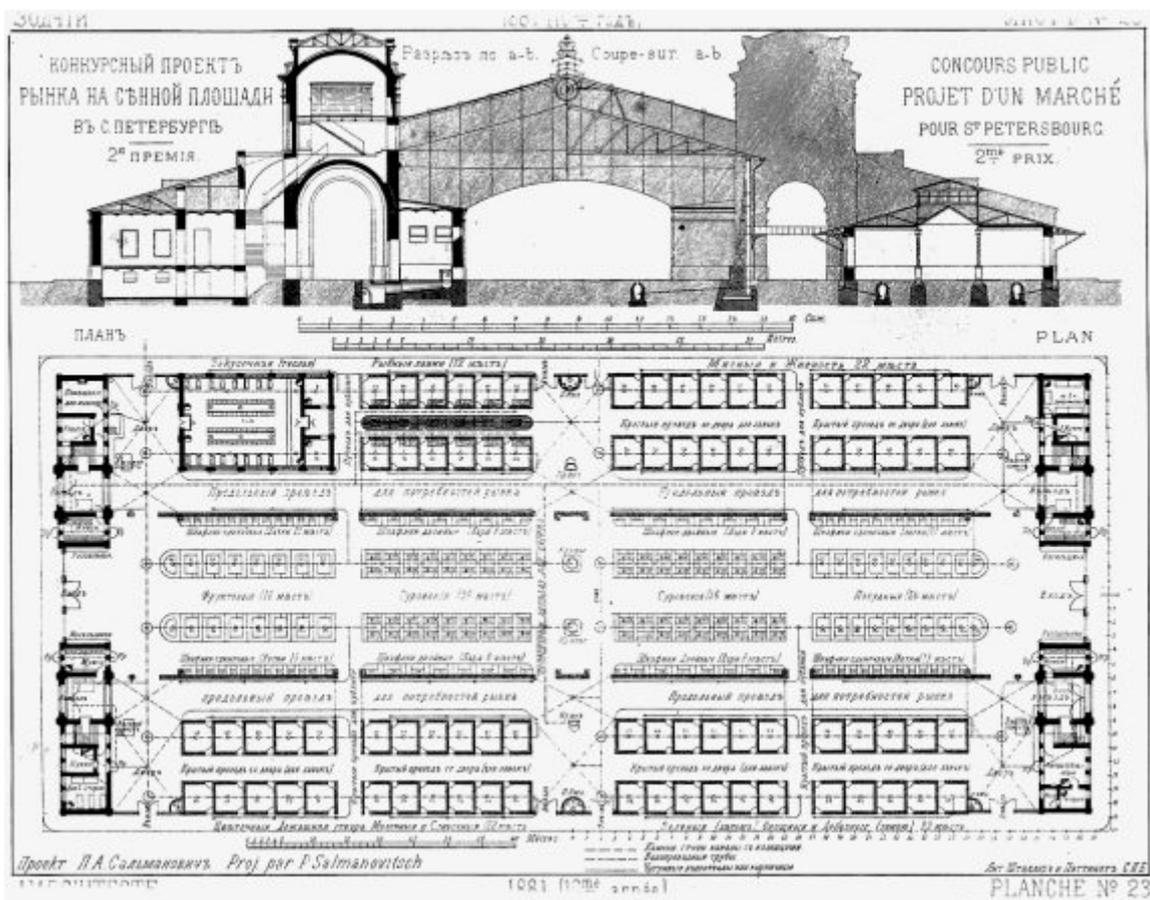
Рынок «удобен и светел, но нет стеклянных крыш и фонарей, положительно непригодных у нас при наших снегах и морозах, покупательские потоки не пересекаются». Здание обеспечено газом, водой, отоплением и искусственной вентиляцией. Хорошо продуманная технологическая схема, обеспечивающая удобства как торгующих, так и покупателей, детальная проработка инженерного обеспечения, возможность быстрой трансформации торговых помещений склонили чашу весов жюри в пользу проекта И. С. Китнера. Стоимость проекта исчислялась в 700 тысяч рублей.

Для полноты архитектурного образа проекта представляет интерес мнение оппонента из «Нового времени»: «... двухбашенное здание из камня, стекла и железа. Сенная площадь перестанет существовать. Несколько крошечных двориков, да две неширокие улицы – вот все, что от нее останется», то есть Сенная площадь как градостроительное пространство под рынком, конечно, исчезала. Последнее в равной степени относится и к аналогичным известным проектам.

П. О. Сальмонович также разработал проект рынка по центральной схеме, хотя в печати она почему-то называется павильонной. Стоимость его составляла 500 тысяч рублей, но здание вмещало вдвое меньше торговых мест и имело неудобные хозяйственные дворы. Оно представляло в плане огромный

прямоугольник с четырьмя башнями по углам и стеклянной двускатной кровлей и напоминало вокзалы, строившиеся в это же время. Здание разделено двумя взаимно перпендикулярными проездами. Это, вероятно, и дало повод назвать планировку павильонной. Проект был признан мало доходным и неудобным.

П. О. Сальмонович. Проект Сенного рынка. Фасады, разрез, план. Конкурс 1879 г. 2-я премия

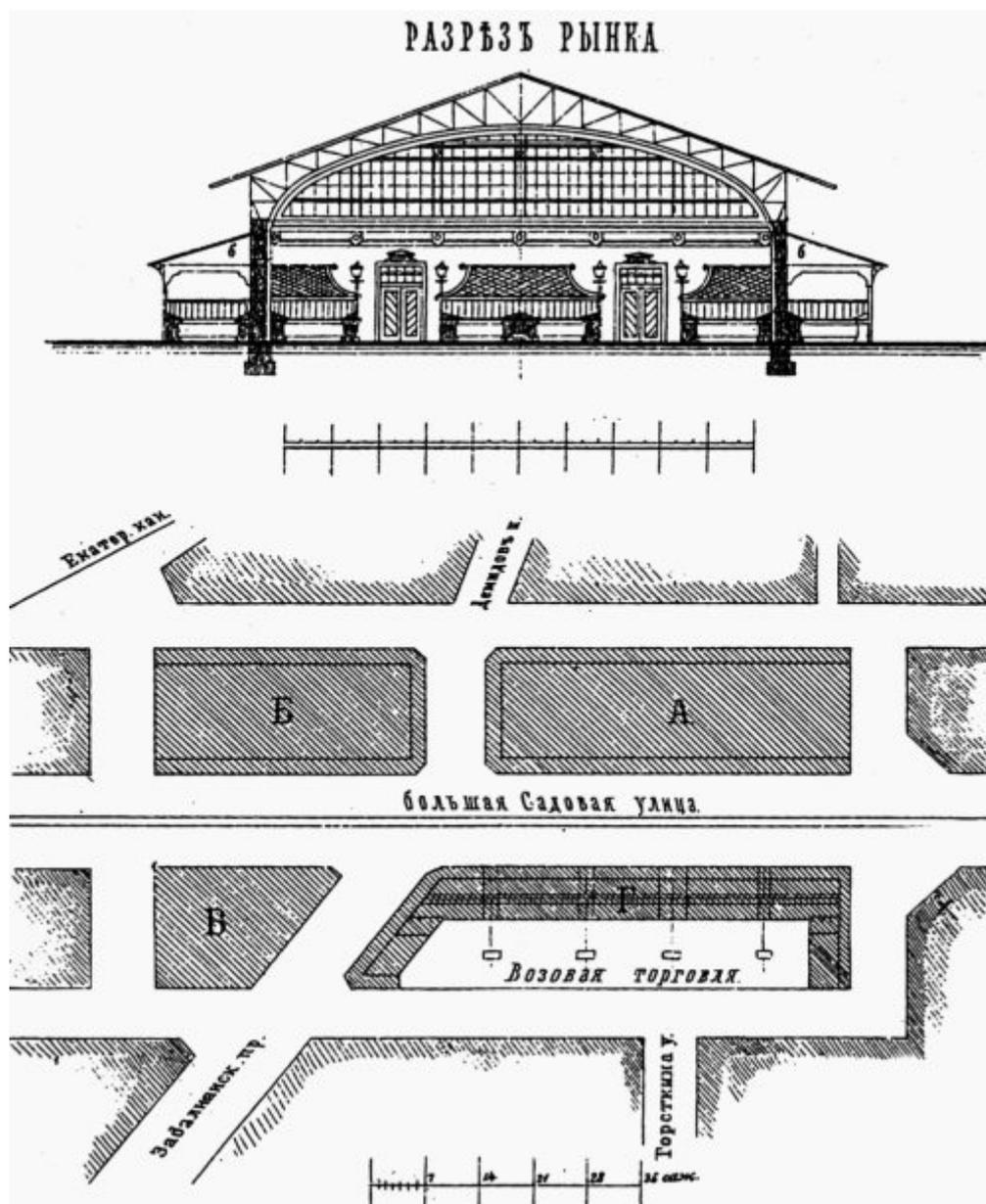
Но журнал «Зодчий» писал, что проект нового рынка вряд ли будет осуществлен в ближайшие годы из-за бедности городской казны. Причиной этого стала угроза голода вследствие неурожая 1880 года. Поэтому Городская дума вновь предложила еще раз переработать проект в более дешевый вариант. Кроме того, после анализа интенсивности транспортных потоков Дума решила возводить рынок по павильонной схеме.

После подведения итогов конкурса была образована специальная подкомиссия, куда входил И. С. Китнер. Этой рабочей группе надлежало создать на основе наработанного опыта еще два варианта, из них и предстояло сделать окончательный выбор.

Доработка велась с участием депутации от торговцев, намеревавшихся арендовать места на Сенном рынке. Они высказали пожелание оставить виды торговли на старых местах, обеспечить большой приток воздуха, увеличить освещенность и категорически отказались от подвалов. Дума со своей стороны выступила против стеклянных кровель из-за их эксплуатационных недостатков в условиях петербургского климата. Со стороны горожан было высказано пожелание о перенесении в другое место так называемого «обжорного ряда», то есть торговли съестным, которое приготавливалось в антисанитарных условиях Вяземской лавры. Поскольку к этому времени он фактически уже переместился на Никольский рынок, то было принято решение его там и оставить и не возобновлять на Сенном рынке.

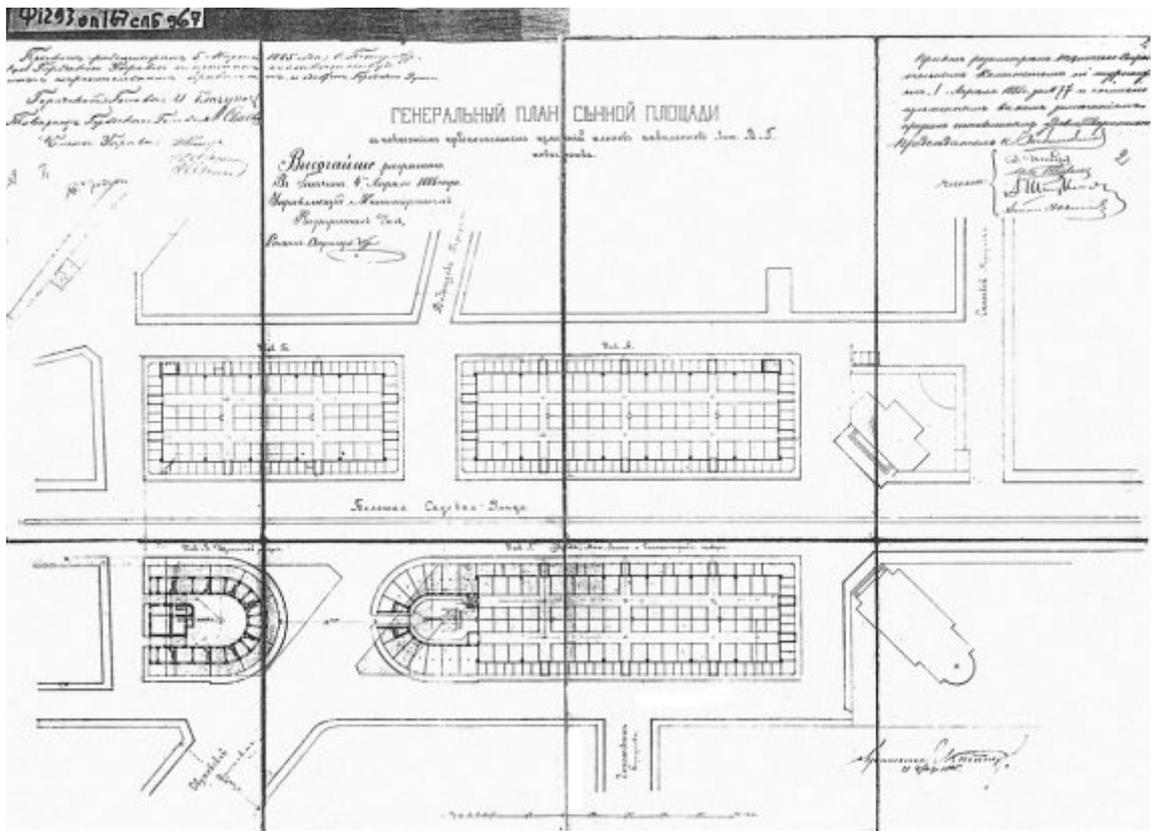
В 1881 году, уже в царствование императора Александра III, Управа рассмотрела оба проекта, разработанные по павильонной схеме. В одном случае два павильона располагались вдоль площади, оставляя свободным проезд только по Большой Садовой улице, в другом рынок состоял из четырех крытых

корпусов с внутренними дворами, при этом сохранялась связь между Обуховским проспектом и Конным переулком. Предпочтение было отдано проекту из четырех павильонов. Его и приняла Дума 10 декабря 1882 года.

И. С. Китнер. Проект Сенного рынка. Разрез, план. Один из вариантов доработки проекта

Павильон под литерой «А» предназначался для «мясной, зеленой и курятной торговли внутри рынка; снаружи, в крытых ларях, которые могут быть увеличены соединением нескольких в один, удалив перегородки, разместятся фруктовые, ягодные и цветочные ряды. Эти ряды открыты на главную улицу в виду опрятности их торговли. Зимой эти лари могут отдаваться под торг мерзлой рыбою».

И. С. Китнер. Проект Сенного рынка. План. 1882 г. Осуществленный вариант

В павильоне «Б» предполагались «живорыбный торг» и устройство бассейнов с проточной водой.

В павильоне «В» по просьбе торговцев остались щепяной и посудный ряды. Его устройство применительно к роду торговли отличалось от павильонов «А» и «Б». Лавки все выходили наружу, а внутри размещались обширные кладовые, поэтому вокруг этого корпуса отсутствовала наружная галерея.

Корпус под литерой «Г» находился возле церкви. Эта часть площади издавна и отводилась для возов, поэтому она традиционно была отдана под возовую торговлю без взимания платы за места, и подразумевалось, что товары здесь продавались по более низким ценам. По мнению Городской думы, это отвечало интересам малоимущих слоев населения. Павильон имел П-образную форму, раскрытую в сторону жилых домов. Он «заключал в себе внутри – ряд лавок для торговли молоком, сметаной и творогом, хлебом и проч., а снаружи по Садовой улице – лари той же, что и ныне, торговли – чулочной и вообще мануфактурной».

Все лавки оборудованы различного вида кладовыми (от подвалов торговцы отказались), перегородки между ними глухие только наполовину высоты, а сверху решетчатые для лучшей циркуляции воздуха. «По всему рынку проведена чистая вода, и краны в достаточном количестве разбросаны повсюду», освещение газовое.

Все павильоны, кроме щепяного, окружены наружными галереями, где размещены «крытые лари в количестве 71-го» для наружной торговли.

Полы рынка асфальтовые по «плотной бетонной подготовке», канализация под зданиями прокладывалась в бетонных трубах, наружная «остается пока деревянная в виду будущей канализации всего города».

Всего на рынке запроектировано 397 лавок. Расчетная сметная стоимость составила 390 521 рублей. Тут же на рынке предполагалось создать санитарную станцию для контроля качества товара.

Летом 1883 года на площади были начаты подготовительные работы для строительства рынка – предстояло вынуть зараженный нечистотами грунт и выкопать траншеи под фундаменты. Архитектор Городской управы Л. Н. Бенуа должен был подобрать подрядчиков и поставщиков материалов и осуществлять технический надзор за производством работ.

Для павильонов использовались разработанные инженерами генерал-лейтенантом Г. Е. Паукером и директором металлического завода О. Е. Крелем уникальные конструкции, позволявшие перекрывать большие пространства без промежуточных опор и горизонтальных затяжек, а также очень простой и оригинальный способ их монтажа, когда с помощью уже установленной опоры в вертикальное положение выводилась следующая. Основные усилия и затраты приходились на установку первой из опор. Отдельно Думой было отмечено красивое архитектурное решение конструкций парных металлических ферм, они не имели внутренних затяжек, портивших вид «зданий московской выставки».

На рынке была запроектированы собственная система водоснабжения невской водой и автономная канализация. Сточные воды из каждой лавки собирались в специальный коллектор, потом проходили через угольно-щебеночный фильтр и только после этого попадали в Екатерининский канал, а твердый осадок вывозился на свалки.

Дума приняла решение о поэтапном ведении строительства, чтобы не прекращать торговлю на самой площади, а те лавки, что перестраивались, были временно перенесены на площадь у Обуховского моста.

Однако уже во время строительства Городская управа в ноябре 1884 года вынесла на рассмотрение Думы доклад о ликвидации возовой торговли по ряду соображений. Во-первых, конкретно на Сенной площади торговля с возов фактически изжила себя, поскольку торговцы зачастую скупали оптом товар у возчиков, устанавливая уже свою цену за него. Во-вторых, огородников было девятьсот человек, а мест для них выделялось явно недостаточно – всего двести. В-третьих, большие трудности поддержания чистоты по сравнению с павильонной торговлей. В-четвертых, высота павильона, прилегающего к территории для размещения возов, отличалась от других и его перестройка в случае отказа от возовой торговли уже будет невозможной.

Дума оставила принятый вариант в силе, однако в 1885 году утвердила вариант с полноценным четвертым павильоном, отказавшись от торговли с возов на Сенной. При этом было изменено архитектурное решение не только павильона под литерой «Г», но и под литерой «В», стоящего у Обуховского проспекта, – им придана овальная форма. Возле четвертого корпуса был установлен такой же, как на Пулковской горе, гранитный фонтан-поилка для лошадей.

В 1887 году Городская дума вновь подняла вопрос о санитарной станции. Как уже было сказано в соответствующей главе, создание сети таких служб вменялось в обязанность городским властям. Место для станции по-прежнему выделялось на самом рынке, но в дальнейшем было принято решение о переоборудовании для нее здания Гауптвахты.

В 1900 году Городская дума вынесла постановление о строительстве ледников для Сенного рынка за счет городского займа, на что в 1901 году поступило разрешение правительства. Обнаружить сведения об их строительстве на самой площади до настоящего времени не удалось.

С течением времени возросшие санитарно-гигиенические требования, новые технологии ведения торговли заставили городские власти вновь обратиться к теме преобразования рынка не только на Сенной площади, но и в городе в целом. Так, еще в 1903 году комиссар Спасской части, надзирающий за Сенным рынком, возбудил в Городской думе ходатайство об увеличении кредитов на благоустройство рынка с 144

рублей до 300 рублей.

В 1912 году был опубликован доклад Городской думы о необходимости реорганизации и упорядочения рыночной торговли, строительства оптовых рынков со специальными складскими помещениями и холодильными камерами с целью улучшения санитарного состояния торговли. Интересное наблюдение сделано составителями доклада – в торговых зданиях рекомендовано устанавливать остекление с желтоватым оттенком, для того чтобы у покупателя создавалось оптимистичное настроение (сравним сегодняшний серо-синий вид торговых зданий, да еще в пасмурную питерскую погоду!). Но надвигающаяся Первая мировая война, затем революция и Гражданская война не дали осуществиться этим планам.

Перекресток Москвы и Петербурга

Сенная площадь находится на пересечении двух въездных магистралей. Одна из них была правительственной трассой, соединившей старую и новую столицы, другая стала крупнейшей торговой улицей города и среди горожан даже получила название улицы Рынков.

Функциональное назначение каждой из них наложило свой отпечаток на их освоение и архитектурное оформление.

Московский проспект

В петровское время дорога из Москвы в Петербург, ориентированная на шпиль Петропавловского собора, проходила через Пулковскую гору и сворачивала на трассу старой Нарвской дороги вдоль будущего Литовского канала (позднее Литовского проспекта) к Невской перспективе, направленной к Адмиралтейству. Тракт неоднократно менял название. Первоначальное наименование Саарская перспектива постепенно переродилось в Царскую, позднее Царскосельскую дорогу.

В 1744 году выпущен указ Сената о «столблении» Царскосельской дороги деревянными верстовыми столбами. Через сорок лет их заменили каменными «пирамидами» по проекту архитектора А. Ринальди. Некоторые из них сохранились до наших дней. В целом дорога была довольно пустынной, поскольку для крестьян с санными возами и подводами с товаром была отведена другая дорога, проложенная параллельно парадной по понятным причинам – чтобы не разбивали царский тракт и не создавали препятствий на пути.

Б. Патерсен. Обуховский мост. 1800 г. На втором плане справа дом С. Я. Яковлева, за ним – Спас на Сенной

Застройка вдоль проспекта имела несколько акцентов: Путевой дворец на Средней Рогатке (1751 год), Чесменский дворец и церковь Иоанна Крестителя (1774 год). Позднее, в 1845 году, был сооружен Новодевичий Воскресенский монастырь.

Появление еще одной доминанты на пересечении Семеновского (Загородного) и Царскосельского проспектов связано с именем А. Модюи. В 1834 году проект был осуществлен для Технической школы (ныне Технологический институт).

На «перспективе» располагались три заставы для проверки документов, или, как их называли, «рогатки»: у подножия Пулковской горы, на современной площади Победы и у триумфальных Московских ворот.

Пустынность дороги – проплывающие мимо верстовые столбы, редкие здания, заставы с вынужденной остановкой – имела громадное эмоциональное воздействие, так как способствовала сосредоточению путника на главном ориентире, который появлялся перед ним в далекой перспективе в момент подъема на Пулковскую гору – необычного для русского человека сияющего золотом шпиля Петропавловского собора, главного ориентира столицы. Но по мере приближения к городу шпиль исчезал из поля зрения – сначала за городским валом, потом за домами. Вскоре у Московской заставы он появлялся снова и вряд ли кто-то замечал, что шпиль вроде бы не совсем такой, как был некоторое время назад, а если и замечал, то мог подумать, что ему показалось. На самом деле это уже был шпиль колокольни Успенской церкви.

Миновал диковинный мост через Фонтанку с гранитными башнями и морскими коньками с золочеными перепончатыми лапками, путник попадал в привычную обстановку торговой толчеи Сенной площади. С облегчением перекрестившись на храм, после длительного пути можно было начинать работу, зайти в церковь и поставить там свечу на удачную торговлю, заказать молебен, отмолить грехи, пребывая в полной уверенности, что именно эта церковь с островерхой колокольней и виднелась с горы, и что здесь-то и есть самое главное место Петербурга.

Садовая улица

Главная торговая улица Петербурга и въездная магистраль – своеобразное явление в городской застройке и планировке, один из главных нервов городского организма. Садовая улица соединилась с идущей вдоль Финского залива Петергофской дорогой. Это было протяженное многокилометровое архитектурно-пространственное образование, достойное столицы великой империи, – первый морской фасад Санкт-Петербурга. Нарядные здания, среди которых выделялись Стрельнинский дворец, Большой Петергофский дворец и Большой Меншиковский дворец в обрамлении садов, составляли грандиозную панораму, которая демонстрировала величие России входившим в Финский залив кораблям. В начале XIX века Петергофская дорога своей красотой превосходила Елисейские поля в Париже. По мысли Петра, она должна была соединиться с невской набережной в единую панораму. Но она изменила свое направление и соединилась с Садовой улицей, главной торговой артерией города.

Первый из рынков роился на Покровской площади вокруг церкви Покрова Богородицы, далее следовали Никольский и Щепяной рынки. На пересечении Садовой улицы и Вознесенского проспекта возник Вознесенский рынок. После войны 1941–1945 годов его разрушенные корпуса были снесены, на их месте появились здания Текстильного института.

Самый крупный рынок обосновался на Сенной площади, к ней примыкали Рыбный (совр. Московский пр., 10–12) и Ново-рыбный (совр. улица Ефимова) рынки, торговые дома Горсткина, впоследствии купца И. Д. Шустрова, предполагаемый рынок на «проспекте князей Вяземских» и далее – Апраксин двор с Мариинским рынком, или, как его еще называли, Щукиным двором, далее Гостиный двор, Пассаж.

Трасса Садовой улицы, ее архитектурный облик и пространственная композиция формировалась в несколько этапов в течение двух веков. К сожалению, момент завершения этого процесса в первой половине XX века одновременно стал началом фактического разрушения Садовой улицы. Ее композиция сложилась с учетом последовательного восприятия от въезда в город к его центральной части. Она развивалась по нарастающей, достигала первого кульминационного пика на Сенной площади, второго – на пересечении Невского проспекта. Главная картина открывалась, когда Садовая растворялась в пространстве Марсова поля. Во все время следования по ней с Вознесенского проспекта, Гороховой улицы, Невского проспекта просматривалось Адмиралтейство.

Городская управа. А. Л. Лишнеvский. Садовая ул., д. 55

Подъезд к Садовой улице осуществлялся через монументальные Лифляндские ворота, на переправе через Обводный канал, за тем через Старо-Калинкин гранитный мост через Фонтанку, подобный Обуховскому – с гранитными башнями и тритонами на фонарных столбах. С середины моста была видна улица, лежащая между двумя водными протоками – Екатерининским каналом и Фонтанкой. Из всего пучка улиц, перехваченных этим мостом, – набережные Фонтанки, Екатерининского канала, Лоцманская улица, Садовая была кратчайшим путем к главной торговой площади города и в его центральную часть. Этим фактором и определялось главное направление движения.

Сенная площадь. 1961 г.

В ее перспективе, открывающейся с моста, виднелась церковь Покрова Богородицы, которую начали строить в 1797 году по проекту архитектора И. Е. Старова. Далее, при движении по улице в поле зрения попадал Никольский собор со стоящей чуть в стороне колокольней. Противоположная сторона Садовой представлена аркадой Никольского рынка, монотонное чередование арок которой стимулировало продвижение вперед. Угловая башня Дома городских учреждений на пересечении Вознесенского проспекта и Садовой улицы в месте ее перелома соединяла патриархальную Колонну с центральной частью города.

От перекрестка Садовой и Вознесенского проспекта появлялись колокольня и купола Успенской церкви, стоящей по диагонали по отношению к зданию Городской управы. Их форма имеет большое сходство с куполом башни Дома городских учреждений. Далее по Садовой, на ее пересечении с Апраксиным переулком, угол дома Томилина (совр. дом № 36) завершался выступающим эркером, который увенчивал купол, повторяющий форму купола башни Дома городских учреждений и куполов Успенской церкви. Таким образом, были связаны воедино разрозненные части Садовой улицы, подчеркнут ее композиционный центр – Сенная площадь и главная доминанта Успенская церковь. Сенная площадь встречала своих гостей торжественно – раскрытыми, словно объятия, полуразвернутыми друг к другу зданиями, нарядного светло-желтого цвета с белыми колоннами и лепными украшениями. Одно из них, Гауптвахта, предназначалось для охранения порядка на площади. Другое – церковь, где можно было сосредоточиться, отвлечься от суеты, благодарить Господа Бога за удачу или молить о прощении и помощи. Если колокольня Спаса виднелась издали с Садовой улицы, то главный церковный купол был виден как с Таирова, так и из Спасского переулка. Портки церкви и Гауптвахты служили своеобразными пропилями для въезда в парадную часть города.

От Апраксина переулочка высота зданий резко снижается до двух этажей и происходит ритмическое чередование расположенных по диагонали аркад Апраксина и Гостиного дворов и оград на каменных столбах Ассигнационного банка и Воронцовского дворца, стимулируя дальнейшее движение вперед.

Скругленный угол здания Императорской публичной библиотеки и раскрепованный портик Гостиного

двора мягко соединяют Садовую с Невским проспектом, словно подготавливая к восприятию главного его зрелища – Адмиралтейства.

За Невским проспектом, на очередном переломе Садовой, взвивается вверх шпиг колокольни церкви Михайловского замка. Здесь происходит чередование зеленых массивов по разные стороны Садовой улицы, сливающихся с Марсовым полем, и отсюда через Троицкий мост можно подойти к одним из главных сооружений города – Петропавловской крепости и собору Святых Петра и Павла.

Непоправимый ущерб городу, как архитектурно-градостроительному организму, был нанесен уничтожением двух церквей на Садовой улице – Покровской в Коломне и Успенской на Сенной, служивших как ориентирами, так и связующими элементами городской застройки.

Часть вторая

О Савве Собакине

Строителем церкви Успения Божией Матери был «известный русский богач второй половины XVIII века, коллежский асессор Савва Яковлевич Яковлев» (1712–1784). Громадный участок между Фонтанкой и Садовой улицей – от будущего Обуховского проспекта до Гороховой улицы – был приобретен им в собственность. Осташковский мещанин, он родился 28 ноября 1712 года. По семейному преданию, прибыл в Петербург пешком «с полтиною в кармане и родительским благословением». От него происходит один из позднейших дворянских родов – Яковлевых. Герб его внесен во II часть Общего гербовника. Сначала он занимался рыбной торговлей, потом вступил в откупа по всем внешним таможенным сборам вместе с купцом Шемякиным и в течение шестнадцати лет нажил себе миллионы. Указом Сената 1759 года ему были отданы на семь лет все казенные сборы, в том числе и питейные в столицах. С компаньонами, среди которых были его три сына, он содержал монополично питейные заведения в Петербурге и в Москве. Из шестнадцати членов общества он с сыновьями давал оборот в 100 000 рублей в год, а все остальные – по 25 000 рублей.

В 1758 году Яковлев просил Елизавету Петровну об освобождении его от подушной подати и присвоении «чинов ему и детям». По ходатайству императрицы, Сенат удовлетворил его прошение и, кроме того, возвел в потомственные дворяне, ибо этот самый удачливый петербургский коммерсант принес «весьма значительную выгоду казне <...> и <...> ввел улучшение в систему сборов казенных доходов». По другой версии, в 1762 году Савва Яковлев «за особенно оказанные услуги» возведен Петром III в потомственное дворянство.

Савва Яковлев умножил свое состояние в рудных промыслах на Урале, купив у А. Демидова несколько горных заводов – Быньговский, Шуралинский, Верхне-Тагильский, Шайтанский, а также Невьянские железорудные заводы; у генерал-прокурора А. И. Глебова – Холуницкие заводы, у графа Воронцова – Верхне-Исетский. Он устроил в Ярославской губернии большую полотняную фабрику, известную под именем «Затрапезной».

Семейству Яковлевых принадлежал двухэтажный особняк с небольшим садом в Волховском переулке Васильевского острова, построенный в 1760–1770 годах. Скромность его фасадов в стиле раннего классицизма восполняется чудесными интерьерами второй половины XVIII века.

Сын С. Я. Яковлева Петр (1754–1809) был генерал-аудитор-лейтенантом при штабе князя Г. А. Потемкина.

Другой его сын Сергей Саввич Яковлев в 1805–1809 годах отстроил сгоревшую в результате удара

молнии церковь Благовещения на Приморском проспекте в Петербурге. Кроме потомков Яковлева здесь были похоронены герои войны 1812 года. Это необычное для русской церковной архитектуры здание в виде ротонды не избежало закрытия в 1937 году. Храм был возвращен церкви в 1992 году и отреставрирован к 300-летию Санкт-Петербурга реставратором Михаилом (Н. А.) Пикаловым.

Один из племянников и тезка купца некоторое время служил в Кавалергардском полку и был какое-то время ремонтером, поставляя в полк лучших коней. Выйдя в отставку, он отличался мотовством и беспробудным пьянством, набрал векселей на огромную сумму. Это послужило причиной гибели его родственника, который ставил на векселях свою подпись. Племянник окончил свою жизнь пьяным самоубийством. Брат его Иван Алексеевич был крупным благотворителем. Он единственный из всех обер-офицеров российской армии имел орден Святого Владимира на шее. Эту генеральскую награду он получил за то, что после пожара Москвы 1812 года все казенные строения древней столицы покрыл железом со своих сибирских заводов. Кроме этого, в 1850 году он пожертвовал один миллион рублей серебром в «инвалидный капитал, растроченный правителем дел Комитета Раненых Политковским».

В 1763 году С. Я. Яковлев по специальному разрешению перевез прах своих родителей с Сампсониевского кладбища и захоронил его в Трехсвятительском приделе новопостроенной церкви. Себе и своей семье он также исхлопотал позволение быть погребенными здесь же. Но последнее пристанище его самого, жены и их троих сыновей Михаила, титулярного советника, Петра, коллежского советника, и Сергея, действительного статского советника и кавалера орденов Святой Анны II степени с алмазами и Святого Владимира III степени, оказалось на Лазаревском кладбище Александре-Невской лавры. Тут же покоится и его ближайшая помощница, родная сестра Стефанида.

Жизнь Саввы Яковлевича сопровождали слухи и легенды. Историк середины XIX века А. И. Томилин рассказывает, что богатый таможенный откупщик и торговец спиртным Яковлев носил фамилию «Собакин». В 1760 году он и купец И. Чиркин (строитель церкви Благовещения на Васильевском острове) пожертвовали вновь призванным в армию рекрутам сбить. Дар был принят «не единовременно, а постоянно». Но первый от дальнейшего жертвования отказался, и это обстоятельство было доведено до высочайшего сведения. Сбить стали отпускать из казны, а происшествие, видимо, приобрело в народной молве другие детали. В 1762 году купец впал в немилость Екатерины из-за отказа выставлять вино на празднование в честь вступления ее на престол, и это послужило причиной «буйства» на улицах. Как сообщает другой историк, В. И. Пыляев, опала получила огласку, народ стал рассказывать, что государыня пожаловала купцу чугунную пудовую медаль с приказанием носить на шее по праздникам, а Г. Р. Державин, по его словам, посвятил С. Я. Яковлеву стихотворение «К Скопихину»:

Не блещет серебро, в скупой
Земле лежаще сокровенным.
Скопихин! враг его ты злой,
Употреблением полезным
Пока твоим не оценишь,
Сияющим не учинишь.
Бессмертно Минин будет жить,
Решившийся своим именем
Москву от плена свободить,
И тот Демидов, что с терпеньем
Свой век казну копил и вдруг
Дал миллионы для наук.
О! если Шереметев к дням
Своим еще прибавил веку,
То не по тем своим пирам,
Что были дивом человеку,

Где тысячи расточены,
Народ, цари угощены!
Где, как в волшебных неких снах,
Зимой в мороз, против природы,
Цветущую весну в садах,
Шумящие с утесов воды
И, звезд рассыпав миллион,
Свой дом представил раем он.
Нет! Нет! – не роскошью такой
Его днесь в свете прославляют;
Столы прошли, как сон пустой,
Их гости скоро забывают;
Но тем обрел он всех любовь,
Что бедным дал, больным покров.
Сии щедроты в род и род,
Как солнечны лучи, не умрут;
Со дня их на день блеск течет;
От Бельта до Амура будут
С почтением все зреть на них,
По сущность учреждений их.
Престань и ты жить в погребях,
Как крот в ущельях подземельных,
И на чугунных там цепях
Стеречь, при блеске искр елейных,
Висящи бочки серебра
Иль лаять псом вокруг двора.
Томимый скорбью водяной
Чем больше пьет, тем больше жаждет;
Вредом вред умножая свой,
Сугубой слабостию страждет,
Доколь причину он беды
Не выгонит из жил – воды.
Лишаясь неких польз своих,
Держа Владимиров равенство
В торгу противу стран чужих,
Стяжал и честь и благоденство;
Хоть часто чернь и злобный свет
И добродетель злом зовет.
Но нет! она в себе одной
Все блага смертных заключает;
Уча их оценивать собой,
Тем лавр и пальму доставляет,
Кто мог без зависти терпеть
На злато равнодушно зреть.

Купец отчаянно страдал и искал случая оправдаться. Когда Екатерина ехала в Москву на коронацию, по дороге она обратила внимание на разрушающуюся церковь в каком-то селении и выразила сожаление. Узнав об этом, Собакин пожертвовал деньги и к возвращению императрицы перестроил церковь. А поскольку путь ее на Московский тракт пролегал через Сенную площадь, он постарался завершить и сенновский храм, да еще и увенчал центральный крест короной! Императрица была приятно удивлена как видоизменением сельской церквушки, так и петербургским «сюрпризом». Собакин был прощен и получил фамилию «Яковлев». После этого он бросил откуп, поступил в гражданскую службу и в том же году получил

чин статского советника.

П. Н. Столпянский изложил свою версию происхождения фамилии «Яковлев». По его сведениям, одновременно с Саввой Собакиным в Петербурге жил знатный дворянин, бывший однофамильцем «жалкого купчишки». По его ходатайству специальным распоряжением оставшковскому мещанину было запрещено носить фамилию «Собакин», а новую он получил, как это обычно делалось в те времена, «по отечеству», или отчеству, – Яковлев.

Холерный бунт

Царствование Николая I по сравнению с блестящим правлением Александра I наполнено трагическими событиями. Ему пришлось пережить безвременную кончину царствующего брата, начать свой нелегкий путь главы государства не с наследственного принятия престола, а с назначения на царствование, так как после бездетного Александра его должен был занять великий князь Константин Павлович. Первые дни правления ознаменовались мятежом 14 декабря 1825 года. Затем вспыхнуло Польское восстание 1830–1831 годов и разразилась эпидемия холеры, в результате которой скончался цесаревич Константин. Николай Павлович, безусловный патриот и служитель государственных интересов, по-своему старался преодолеть последствия политического и религиозного кризиса предшествующего царствования. Он сурово подавил декабристское восстание, ужесточил армейскую дисциплину, введя наказание шпицрутенами, за что получил прозвище Николай Палкин.

Усмирение холерного бунта. Барельеф памятника Николаю I

Для времени его правления характерно храмостроительство – так он пытался возродить духовность и укрепить основы православия. При Николае I министр народного просвещения С. С. Уваров при вступлении в должность сформулировал образовательную программу как воспитание «в соединенном духе самодержавия, православия и народности», что стало своего рода выражением устоев русской государственности. Император пытался оградить страну от западных революционных влияний при помощи неустанной опеки и регламентации всех проявлений народной и общественной жизни. Была усилена цензура, за университетами установлен надзор, в 1850 году прекращено преподавание философии.

В критические минуты Николай выказывал большое самообладание и мужество, как, например, во время мятежа на Сенатской площади в 1825 году. Во время холерного бунта 1831 года на Сенной площади он появился без охраны и одним своим словом привел в повиновение разбушевавшуюся толпу. Истории об усмирении императором бунта на Сенной площади посвящен один из четырех рельефов, созданных скульпторами Н. А. Рамазановым и Р. К. Залеманом для постамента конной статуи императора Николая I, сооруженной скульптором П. К. Клодтом и архитектором О. Монферраном на Исаакиевской площади в

1856–1859 годах.

О своеобразном предсказании эпидемии холеры сообщил известный пушкинист С. Гессен в книге «Холерные бунты». Он рассказал о беседе А. С. Пушкина со своим знакомым. Это был «блестящий гусар, приятель Пушкина, умный и наблюдательный Вульф». В конце 1825 года за игрой в шахматы он сказал поэту: «Холера – morbus (болезнь. – Прим. авт.) подошла к нашим границам и через пять лет будет у нас». Он объяснил Пушкину, что в тот момент эпидемия поразила Индию, рассказал, как болезнь распространяется. «Таким образом, – писал Пушкин, – в дальнем уезде Псковской губернии молодой студент и ваш покорный слуга, вероятно, одни во всей России беседовали о бедствии, которое через пять лет сделалось мыслью всей Европы».

Холерному бунту на Сенной площади в Петербурге суждено было сыграть своеобразную роль в истории страны.

В Петербурге холера началась в июне 1831 году, когда стояла сильная жара. Ее распространение приняло эпидемический характер. Смерть уносила до шестисот человек в день. Это вызвало панику среди населения, которое восприняло проводимые городской полицией и врачами профилактические мероприятия как намеренное распространение болезни. По утверждению газет 1909 года, источником ее распространения послужил так называемый «обжорный ряд» Сенного рынка, где продавалась готовая еда, производившаяся главным образом в Вяземской лавре. В связи с этим власти «предприняли очистку города от некачественных продуктов и закрытие обжорных рядов». Однако заинтересованные лица – торговцы – натравили голодную, умирающую от холеры толпу на врачей, ибо народ не верил в существование холеры и считал, что врачи травят людей. Свидетель начальных проявлений бунта А. Я. Панаева писала, что «среди народа ходили нелепые слухи, будто его отравляют поляки, будто все доктора подкуплены ими, чтобы в больницах морить людей <...>, что никакой холеры нет, а на улицах хватают здоровых и их в больницах отравляют ядом и даже живых кладут в гроб». Накануне событий, «часов в шесть вечера вдруг по улице стал бежать народ, крича: „На Сенную!“ <...> рослый мужик с расстегнутым воротом рубашки, засученными рукавами подняв свои кулачищи, кричал на всю улицу: „Ребята! Всех докторов изобьем!“ „На Сенную! На Сенную!“ – раздавались крики бежавших». Никто не придавал значения тому, что страшная болезнь не щадила не только простых обывателей, но и вельмож, и генералов. Так, от холеры скончались, фельдмаршал граф И. И. Дибич; генерал Е. А. Головин; генерал граф А. Ф. Ланжерон; инженер-генерал граф К. И. Опперман и др.

Рано утром 22 июня собравшаяся на Сенной площади обезумевшая от страха огромная толпа начала громить центральную холерную больницу в доме Таирова в одноименном переулке (совр. переулок Бринько). В считанные минуты были разбиты окна, выброшена на улицу мебель, избита больничная прислуга, были убиты несколько врачей. По воспоминаниям офицера фон Ховена, дежурившего в этот день в караульном доме на Сенной, ему доложили о начавшихся на площади беспорядках, и он сразу же разослал необходимые рапорты по назначению. Однако по случаю лета и холеры и плац-майор, и комендант, и генерал-губернатор жили на дачах, а решение о направлении на Сенную площадь войск никто ниже званием принять не мог. Между тем народ на площади прибывал. Больных прямо на кроватях вытаскивали на улицу и несли в Сенновскую церковь, а потом отправляли по домам, тем самым распространяя болезнь. Разъяренные люди стали подступать к караульному дому, а находившиеся в нем арестанты пытались выломать решетки и подстрекали толпу. Дежуривший в тот день наряд оказался между двух огней. Благодаря собственной находчивости и мужеству им удалось отогнать толпу от Гауптвахты, где укрылись несколько случайных прохожих, и тем самым предотвратить более страшное кровопролитие. Старший офицер, зная «могущественное влияние русского солдата на народ», принял единственно возможное решение. Имея команду в семь человек, гвардеец с тремя солдатами, рискуя жизнью, разыграл поимку преступника. С криком: «Ура! Лови его! Лови!» он с саблей наголо бросился

прямо в гущу собравшихся у караульни людей. Солдаты орудовали прикладами. И толпа в несколько тысяч человек «бежала сломя голову от трех солдат!» Но напряженность не спадала, и люди не расходились с площади.

Автор воспоминаний и непосредственный участник событий с юмором отметил «такт и благоразумие полиции – в целые сутки ни одной полицейской души на площади не было», хотя 3-я часть 3-го квартала находилась тут же неподалеку, в одном из Полторацких домов. На самом же деле полиция опасалась вступать в единоборство с толпой. Переодетые полицейские чины ходили среди людей, «не смея употребить власть». В пятом часу на помощь прибыл учебный саперный батальон. К восьми часам вечера приехал генерал-губернатор П. К. Эссен, однако ему пришлось удалиться с площади. Он распорядился послать фельдъегеря с донесением царю в Петергоф. Прибывшие войска во главе с князем Васильчиковым ночевали на площади. К ночи волнение немного стихло, народ переместился в боковые улицы.

На следующий день на Сенную площадь прибыл государь и разговаривал с народом, там собралось около пяти тысяч человек. Приведем несколько свидетельских версий происшедшего. Так, Н. А. Лейкин, писатель-юморист второй половины XIX века, передает рассказ своего отца, который оказался на Сенной площади во время бунта и чуть не был убит ломовыми извозчиками, хватавших всех, кто им казался подозрительным в распространении холеры. Как он утверждал, Николай Павлович усмирил толпу «одними площадными ругательствами. Государь приехал на Сенную в разгар народного волнения, поднялся на ноги во весь рост в коляске и стал ругать народ направо и налево, а когда устал, то, указывая на Сенновскую церковь, грозно воскликнул: „На колени!“ И весь народ упал на колени и начал креститься на церковь». Сомнительно, конечно, чтобы император позволил себе такую выходку, особенно если учесть его выдержку. По свидетельству современников, Николай одним взглядом мог привести в трепет любого, поэтому вряд ли ему могли понадобиться крепкие выражения. Его голос на заполненной людьми площади, по всей вероятности, не достигал последних рядов, и речь могла интерпретироваться по обстоятельствам. Как нужно было поступать государю в случае учиненных беспорядков? – Конечно, ругать за них. А за большие беспорядки? – Крепко ругать! Автору же воспоминаний, безусловно, хотелось привлечь к себе внимание и «остаться в истории» – не каждый день удается видеть, пусть даже глазами отца, и тем более слышать самого царя, да еще в таких обстоятельствах.

По утверждению другого свидетеля, баронессы М. П. Фридерикс, государь сам выпил целую склянку средства, которым лечили от холеры, после чего народ упал на колени. Когда придворный врач Н. Ф. Арендт предупредил его величество о вероятности потери зубов в результате этого эксперимента, Николай ответил, что тогда тот сделает ему вставную челюсть, и добавил: «Не знаю, что страшнее холера или дурь».

По словам биографа русских императоров Н. К. Шильдера, «обратившись к толпе, государь сказал: „Вчера были учинены здесь злодейства, общий порядок был нарушен. Стыдно русскому народу, забыв веру отцов своих, подражать буйству французов и поляков“.

Сам император Николай I так вспоминал об этом событии: «Здесь у нас последовали новые весьма важные затруднения, которые, однако, с помощью всемогущего, всемилосердного Бога, мы превозможем. Холера уже тринадцатый день нас посетила, и ею заболело более 1200 человек всех состояний, из коих до половины умерли».

Как вспоминала А. Я. Панаева, «улицы и без того были пустынные в холеру, но после катастрофы на Сенной сделались еще пустынее. Все боялись выходить, чтобы их не приняли за докторов, <...> которых стаскивали с дрожек и избивали до смерти». Слухи ходили по Петербургу самые дикие: о приказе в каждом доме держать несколько готовых гробов, куда должны были укладывать больных и увозить прямо на кладбище, о ежедневных посещениях домов докторами и отправлении ими больных в закрытых фурах под конвоем в больницу и пр. Одновременно волнения произошли и в других частях города и с теми же

проявлениями: на Ямской, на Песках, на Выборгской стороне и Васильевском острове.

Всего от холеры в период эпидемии погибло 100 тысяч человек. Несколько бунтовщиков были арестованы и преданы суду. Санкт-Петербургская уголовная палата приговорила «начинщиков» к 15 ударам плетью публично. Однако гражданский губернатор И. С. Храповицкий требовал для них ссылки в Сибирь. Через год разбирательства Сенат присудил их к 25 ударам плетей, так как «более суровое наказание превысило бы меру содеянного».

Однако меры пресечения этим не были ограничены. Как сообщает историк русской армии А. А. Керсновский, «большое количество смутьянов Северо-Западного края и столичной черни было выслано в виде рабочих батальонов в военные поселения Новгородской области. Будучи совместно с поселенцами в лагерном сборе в Старой Руссе, где вспыхнула холера, рабочие батальоны подняли бунт и втянули в него поселенцев. Были убиты более ста человек. Среди них были врачи, медперсонал и офицеры, сотни людей избиты». Холерные бунты прокатились по всей стране.

По мнению А. А. Керсновского, эти события раскрыли Николаю I всю действительную и неприкрашенную картину жизни и быта в поселенных войсках. Рядом последовательных царских указов они были преобразованы – население постепенно было «рассолдачено» и возвращено к нормальной жизни.

«Дом в стиле барок», или «фанталочный» дом

Неподалеку от Сенной площади С. Яковлев в 1780-е годы выстроил себе два дома: один на Садовой улице, а другой недалеко от пересечения Обуховского проспекта и Фонтанки. Дом на углу Садовой и Гороховой улиц (Садовая ул., 38) был «громадный и до ныне (до 1866 года. – Прим. авт.) ни на один этаж противу первой постройки не поднятый». Дом сохранил свою классицистическую архитектуру и этажность и до наших дней. Больше столетия он находился в собственности Яковлевых и только в 1880-х годах был продан купцу А. Д. Воденникову, одному из жертвователей Успенской церкви. Он выделяется среди рядовой застройки Садовой улицы и Сенной площади огромной протяженностью вдоль двух пересекающихся улиц, а также своей классической мощью, несмотря на то что имеет всего три этажа и скупой декор. Дом эффектно поворачивает с Садовой на Гороховую улицу скругленным углом, от второго этажа оформленным колоннами. Автор его до сих пор так и остается неизвестным.

Дом С. Я. Яковлева. Садовая ул., д. 38

Паспорт здания-памятника «Дом С. Я. Яковлева» за 1935 год, хранящийся в архиве Комитета по госконтролю, охране и использованию памятников, содержит информацию о кинозале, оформленном пилястрами ионического ордера и лепным карнизом, о фойе со скульптурным панно и лепным карнизом и об арендаторах – ЖАКТе и Доме партийного актива Октябрьского района. Состояние здания фиксируется как хорошее. Описание внутреннего архитектурного убранства от 1950 года сообщает о принадлежности помещений второго этажа ТАСС (Телеграфное агентство Советского Союза) – большой зал перегороден на четыре комнаты, в которых стены завершены лепным карнизом и сохраняются пилястры с ионическими капителями. В одной из торцовых стен зала фиксируется ниша с женскими маскаронами в верхних углах, окруженными растительным орнаментом. Имеются сильно забеленные барельефы в прямоугольных рамах, изображающие группы путти. В другом помещении возникла новая лепнина в виде медальонов с женскими головками лентами и гирляндами, парные пилястры и выступающие балки перекрытия, они соответствовали парным пилястрам. В подъезде со стороны Гороховой улицы сохранилась лестница на четыре марша на квадратных столбах с перекрытиями на крестовых сводах и со ступенями из лещадной плиты. Имеются и другие каменные лестницы. В одной из квартир до недавнего времени существовали двухъярусный мраморный камин, верхняя часть которого была окрашена масляной краской (!), и двухъярусная печь коричневого поливного изразца с завершением в виде двух путти и акротериев по углам. Вот и все немного, оставшееся от убранства дома одного из самых богатых людей страны.

Другой богатый дом Яковлева – дача на Фонтанке – как считается, был возведен «по плану знаменитого архитектора Растрелли» в 1766 году. Ее главное здание «изящной архитектуры» стояло лицом на Фонтанку, за ним был разбит сад. В. В. Крестовский описывает его местоположение прямо на набережной Фонтанки. Но это предположение больше подходит к одному из трех домов, принадлежащих Полторацким, а именно к дому 97, через боковую двойную арку которого ныне исчезнувший Полторацкий переулок выходил на Фонтанку. Дом же в «стиле барок», действительно принадлежавший Яковлеву, находился на другом месте – практически у «красной линии» Московского проспекта, на участке домов № 10–12 и гораздо дальше от Фонтанки, чем «Полторацкие» дома №№ 97, 99, 101.

Б. Патерсен. Обуховский мост. Фрагмент.

На втором плане дом С. Я. Яковлева (Собакина). На дальнем плане церковь Успения Божией Матери (Спас на Сенной). 1800 г.

Фонтанка в прежние времена именовалась Фантанной речкой, поэтому и возникло название «Фанталочный дом». Метаморфоза старинной орфографии превратила дом в нашем современном восприятии в нечто фантастическое, в фантом. И действительно, тайной и мистикой наполнена картина «Фанталочного дома» в романе В. В. Крестовского – запустение и тлен царят в еще недостроенном, наполненном богатейшими коллекциями и раритетами, но покинутом и уже разрушающемся особняке – вероятно, эта картина разорения «родовых гнезд» характерна для середины XIX века.

«Если вы пройдете по правой набережной Фонтанки, направляясь от Семеновского моста к Обуховскому, то на правой же стороне непременно заметите дом изящной архитектуры во вкусе барок. Он красноватого цвета, карнизы и окна украшены лепной работой; крытый подъезд с двумя большими

фонарями с бронзовыми скобками и зеркальными стеклами ведет во внутренность этого изящного дома. Большие зеркальные же стекла в дубовых рамах украшают все окна. В одном из них торчит чучело попугая, в другом, на третьем этаже, виднеются два изящных мраморных кувшинчика.

В какую пору вечера и ночи не бросили вы взгляд на эти окна, вам никогда не придется заметить их освещенными: все глухо и пусто, словно бы дом этот вымер. Одно только крайнее к стороне Обуховского моста окно нижнего этажа составляет исключение. В нем виднеются белые занавески, да листья каких-то растений, и об вечернюю пору брезжится огонечек. Тут живет единственный обитатель пустого дома – швейцар.

Если бы какими-нибудь судьбами вам удалось переступить порог этого изящного на вид, пустого дома – странное и несколько жуткое чувство закралось бы в душу. Вы увидели бы богатые сени, с колоннами и статуями. Налево – дверь к швейцару, направо – изящный кабинет, ненарушимую тишину которого охраняют четыре человеческие фигуры, поставленные по сторонам входной двери и напротив по бокам камина. Неподвижные фигуры эти облечены в полные, тяжелые рыцарские доспехи и держат в чешуйчато-стальных руках огромные средневековые мечи и алебарды. Налево завешенная драпировкой дверь ведет в темную комнату, с заколоченными окнами, которые пропускают в щели свои две-три полоски света, и при помощи его глаз может разглядеть женскую фигуру – картину хорошего письма. Отсюда – новая дверь выводит в ванную, где винтообразная лестница поднимается в средний этаж. А около нее устроен темный потайной ход в зимний сад и под внутренние ворота, куда спускается он высокими ступенями.

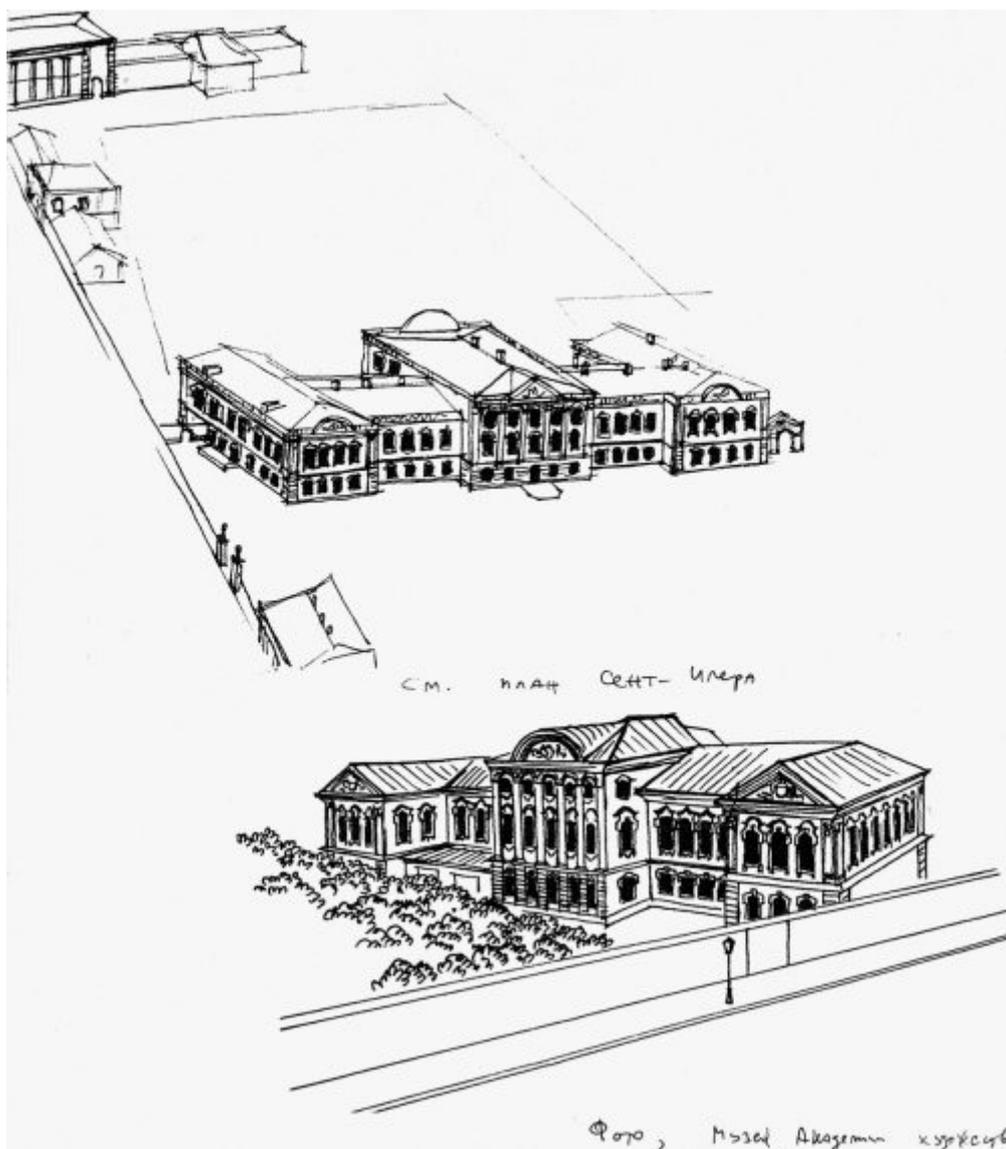
Вернитесь опять в парадные сени, бросьте взгляд наверх перед собой, где представится вам легкая, роскошная и широкая лестница, которая прямо приведет к довольно широкому зимнему саду. Этот сад – высокая, во все три этажа зала, с двух сторон обильно залитая дневным светом. Легкие, узенькие воздушные лестницы и галерейки вьются по разным направлениям, опоясывают ее со всех сторон и ведут в средний и верхний этажи. Откуда смело выдаются сюда легкие балкончики, крытые логи с дорогими хрустально-узорчатыми стеклами. Но все это уже приходит в ветхость и с каждым днем все больше да больше подтачивается временем, так что ходить по всем этим лестницам вполне твердой самоуверенной поступью может быть и не совсем безопасным: вы ясно чувствуете, как они местами трещат и подаются под вашей ступней. Направо от входа с парадной лестницы – ряд беломраморных колонок и кариатид, под которыми внизу сквозит почтенной работы каменная решетка с выточенными из камня же мелкими украшениями и гербами, и эта решетка маскирует собой темный потайной ход из ванны. По белым стенам разбросаны там и сям лепные консоли, на которых некогда помещались газоны. Во многих местах этих стен доселе еще грустно висят и спускаются высокие сухие, длинные стебли ползучих, вьющихся лиан, павоев, плюща и винограда, кудрявые и резвые побеги которых когда-то сплошь и покрывали эти стены обильно листвою и цветами. Тут красовались целый лес драгоценных тропических деревьев, блистали роскошные клумбы редкостных цветов; и до сих пор еще можно видеть обломки обрамлявших эти клумбы бордюров из целого дуба, решетчато выточенного искусным художественным резцом в виде виноградных гроздьев, листьев и сучьев. Посредине мозаичного пола вделан мраморный бассейн, где когда-то были прохладные фонтаны и отражались, вместе с обильной зеленью, в больших зеркалах, которые теперь с каждым годом все большее тускнеют и портятся – летом от пыли, зимою от сырости.

Поднимитесь на три-четыре ступени, и вы из сада с одной стороны очутитесь в полусумрачной бильярдной, стены и потолок которой сплошь поделаны из резного дуба. Отсюда – новая обширная комната. С закрытыми окнами на улицу. Она вся завалена разным хламом, и рядом же с этим хламом валяются предметы самой изысканной роскоши. На полу кое-как сброшена богатейшая коллекция древнего оружия. Тут спокойно ржавеют себе панцири, шлемы, чешуйчатые рукавицы; стоит в углу большая группа самых разнообразных копий, алебард, бердышей и кистеней-головоломок с игольчатыми,

ежевидными чугунными шарами на стальных цепях; а на полу – несколько десятков различных мечей, между которыми особенно обращает на себя внимание один экземпляр, клинком которому служит длинный нос пилы-рыбы и который наверняка пришелся бы по руке Илье Муромцу. У противоположной стены, рядом с нагроможденной роскошной мебелью, прислонены несколько больших, полуторасаженных картин, новой, но весьма хорошей работы, которыми, как слышно, предполагалось украсить в виде обоев стены большой концертной и театральной залы. Тут же валяются и недоконченные половинки дверей, с самой тонкой, изящной лепной работой и позолотой. И на все это уже несколько лет садится, слой за слоем, обильная пыль и грязь. Так что и прикоснуться боязно.

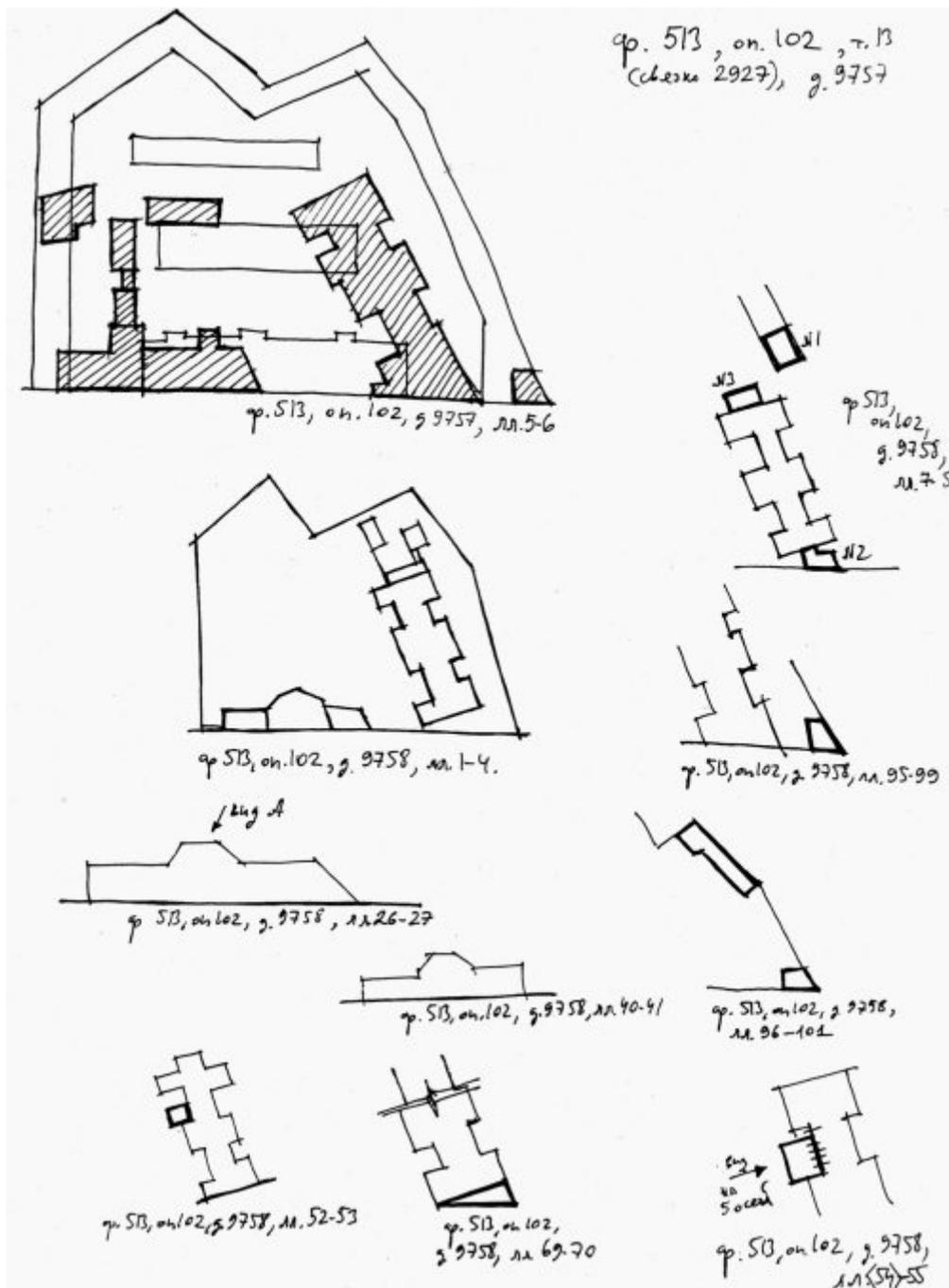
Вернувшись опять в зимний сад и поднявшись по лесенке направо, за мраморные колонки и кариатиды, вы очутитесь перед большим зеркалом, которое служит дверью, потайным образом ведущую в роскошную, уютную библиотеку, где вся отделка, при удивительной роскоши, дышит самым строгим стилем. Большие стекла, прозрачно расписанные пестрыми арабесками, пейзажиками и гербами, маскируют собою вид на отвратительный Полторацкий переулок и заполняют весь этот приют таинственным и ровным полусветом, так располагающим вас к уединенному и серьезному спокойствию, потребным для занятия чтением. В среднем окне возвышается на пьедестале высокая мраморная урна. Очень тонкой и, кажется, очень старой работы. В простенках – массивные дубовые шкафы, которыми сплошь занята вся стена, обращенная к саду, где одна отодвижная половинка служит потайной дверью, ведущую в этот сад. Шкафы эти полны книгами, большей частью старой печати, на немецком, латинском, итальянском, французском и иных языках в старинных, корешковых прочных переплетах, между которыми значительную долю занимают пожелтелые пергаментные, и все это богатство, покрытое обильной пылью и паутиной, преимущественно относится к литературам восемнадцатого и семнадцатого столетий. Очевидно, оно составляло старое фамильное достояние.

После библиотеки ваше внимание непременно остановилось бы на двух парадных гостиных. Обе они обиты штофом. Одна голубая, почти вполне отделанная; по стенам ее, как принадлежность обоев, расположены медальоны с прекрасной акварельной живописью цветов и растений. Другая необыкновенно эффектна. Представьте себе комнату, блестящую беломраморными стенами, широкий нижний карниз которых, отороченный позолотой, обит нежной пунцовой материей. Беломраморная арка с колоннами разделяет эту комнату на две половины, и в боковых пролетах арки устроены помещения для цветов, которые в данный момент дополняются одним воображением.

Дом С. Я. Яковлева. Рисунок А. В. Позднухова

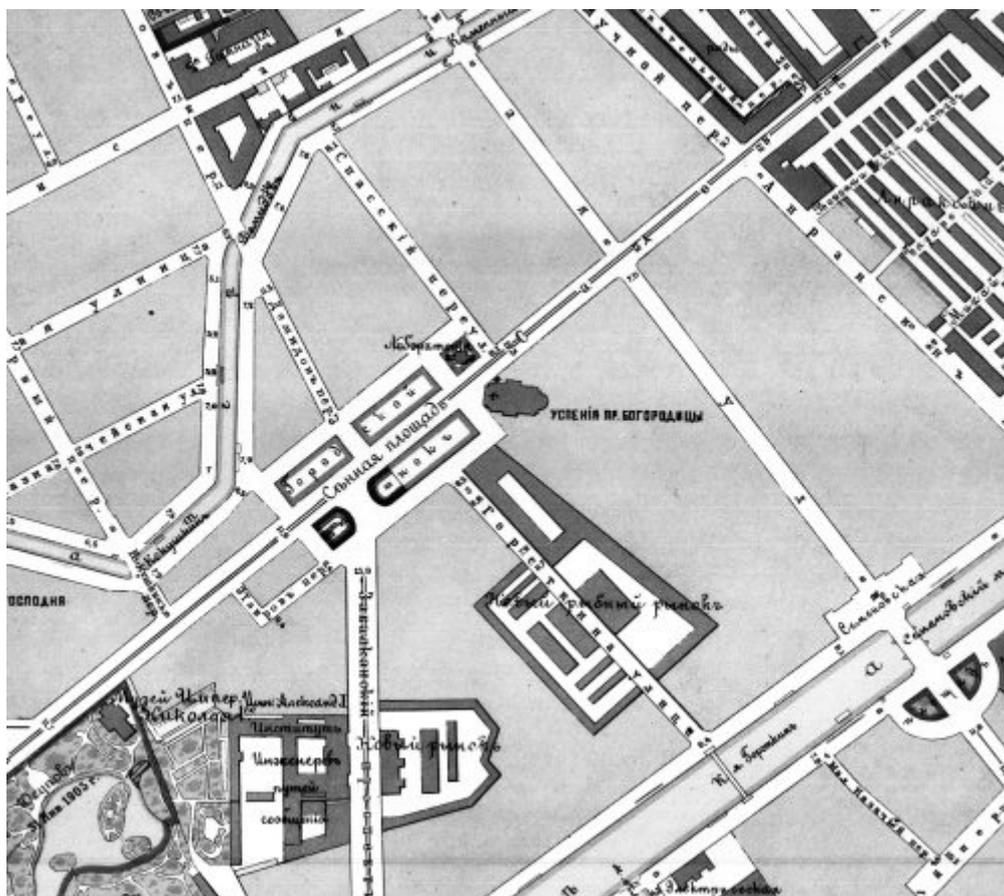
Но тут же, в этой самой гостиной, как и во всем доме, вы видите начатую и недовершенную работу: пол представляет печальную картину разрушения, которая особенно ярко выдается в большой зале, где предполагался домашний театр; рядом с начатой великолепной отделкой стен, где должны были сочетаться между собой мозаика, скульптура и живопись, вы видите кучи мусора, подпольные балки, кирпичи и всякий хлам. Пройдите далее, и вам представятся уже положительные развалины. То будет начатая и незаконченная каменная постройка над Полторацким переулком, возвышающаяся над пролетом второй арки этого переуллка. Эти развалины – приют голубей, воробьев и летучих мышей; последние с наступлением сумерек начинают здесь свою оживленную деятельность».

План участка домов № 10–12 по Забалканскому проспекту с проектом Ново-рыбного рынка. Штриховкой отмечена существующая застройка, справа – дом С. Я. Яковлева. 1900-е гг.

Постепенно обрастая пристройками, дом, «несмотря на все позднейшие искажения, дошел до нашего времени (начало XX века. – *Прим. авт.*) со всеми особенностями своей чудесной архитектуры». Еще в 1830-е годы он принадлежал одному из наследников Яковлева и сохранял роскошную отделку некоторых интерьеров, станковую живопись. М. И. Пыляев писал, что «тогда еще были видны следы великолепия, роскоши и блеска первого владельца. В большой зале стены были обтянуты кожаными обоями, расписанными масляными красками по золотому полю, зало было украшено большими портретами высочайших особ в рост; кроме того, здесь было несколько картин итальянской школы, в числе которых были две превосходные: одна усекновение главы Иоанна Предтечи и другая – Архимед в раздумье над

геометрическими фигурами». В 1840-е годы особняк Яковлева стал приютом для сирот под патронажем вел. кн. Ольги Николаевны. В 1865 году дом ремонтировался: по проекту архитектора Реймерса исправлялась крыша – перекрывалась новым железом по новой обрешетке. Затем в нем размещалась фабрика бронзовых вещей Шопена. На ней, в частности, изготавливались большие паникадила для Успенской церкви во время ее реконструкции. В 1867–1872 годах, в доме находились залы для народных благотворительных «увеселений», то есть отдыха, работал часовых дел мастер. В конце концов дом был разобран в 1901 году для строительства на его месте нового рынка «полезного и красивого <...>, но таких зданий в Петербурге сотни, построек же Растрелли не наберется и десятка. <...> Тяжело было на него смотреть – опозоренный вывесками и изуродованный разными пристройками, клетушками и тому подобной нечистью гордо хранил каменный бедняк <...> следы своего былого великолепия», – так писал о растреллиевской постройке архитектор, преподаватель Института гражданских инженеров (современный Санкт-Петербургский архитектурно-строительный университет) Н. В. Султанов – увы! – после сноса дома Саввы Яковлева.

Сенной рынок на площади, Рыбный рынок на улице Горсткина (ул. Ефимова), Ново-рыбный рынок на Забалканском проспекте 1880– 1890-е гг.

Участок на Забалканском проспекте был куплен Обществом торговцев рыбного дела для строительства Рыбного рынка. Проект разработал архитектор Г. Г. фон Голи (?), и 5 мая 1898 года его одобрила Городская управа, разрешившая снос бывшего яковлевского дома.

Эти здания бывшего рынка на месте «дома в стиле барок» существуют и по сей день на Московском пр., 10–12. Лицевой дом был выстроен в три этажа, два дворовых корпуса двухэтажные. Это добротные постройки суховатого классического стиля поставлены на хорошие погребя. В советское время лицевое

здание было надстроено одним этажом в стилистике первоначальной архитектуры.

С каждой из его сторон сделаны две встройки, выделяющиеся на общем фронте проспекта двумя огромными арками. В них вставлены металлические ворота – орнаментальные композиции, через них можно войти на территорию бывшего рыбного рынка. Во время деления и распродажи яковлевского владения этот участок приобрел необычную форму в виде «W», сохраняющуюся до настоящего времени. Теперь под снос должны пойти и корпуса бывшего Рыбного рынка для застройки участка еще более утилитарным, лишенным индивидуальности зданием нового торгового центра.

После смерти Саввы Яковлева гигантское землевладение постепенно распродается по частям наследниками. Участок на месте будущей Горстковой улицы в 1820-х годах числился за купцом Икорниковым, одним из потомков С. Я. Яковлева.

Вокруг Сенной

Принцип городской застройки к началу XIX века коренным образом меняется. Вследствие постоянно растущей цены на землю большие владельческие участки стали дробиться и распродаваться частями и застраиваться. Такая судьба постигла и владение Яковлева. Это ясно читается при сравнении аксонометрического плана Сент-Илера-Горихвостова-Соколова с картинами Б. Патерсена 1796–1800 годов – очевидно уплотнение застройки, увеличение ее высоты.

Уличная сеть в районе Сенной площади формировалась вплоть до второй половины XIX века. Это, в первую очередь, многократно менявший свое название Московский проспект и Садовая улица, на пересечении которых и образована площадь. С северной стороны площади находятся Спасский, Демидов (он же Конный, современный – Гривцова) и Кокушкин переулки, а в самой беспокойной южной части располагались ныне не существующие Полторацкий переулок, Вяземская улица, а также современная улица Ефимова, бывшая Горсткина. Кроме того, в южном квартале проектировалась новая улица, но она так и не была проложена. В юго-западной части площади находится состоящий из двух колен переулков Бринько (бывший Таиров), отделяющий от Садовой улицы и Сенной площади крошечный квартал.

Мы познакомимся с малоизвестными, а то и вовсе неизвестными историями улиц рядом с Сенной, а также вкратце расскажем о некоторых домах вокруг Сенной, не попавших в основной текст. При этом только лишь упомянем о старейшем петербургском учебном заведении – Институте инженеров корпуса путей сообщения, который достоин отдельной самостоятельной книги.

Самый маленький переулок

По мере приближения к Сенной площади по Садовой улице с востока приходится проезжать мимо самого маленького переулочка в городе. Он назван по имени одного из жертвователей сенновской церкви купца Василия Кокушкина. Переулок настолько короток, что воспринимается как въезд на мост, который носит то же имя – Кокушкин. Топонимическая энциклопедия не дает ударения в наименованиях, поэтому не вполне ясно, на каком слоге его делать – благозвучнее на первом «Ккушкин». Однако на пушкинскую рифму «Кокушкин-Пушкин» обратил внимание С. Носов: «Вот перешед чрез мост Кокушкин // Опершись... о гранит, // Сам Александр Сергеич Пушкин // С мосье Онегиным стоит. // Не удостоивая взглядом // Твердыни власти роковой, // Он к крепости стал гордо задом: // Не плюй в колодец, милый мой» (А. С. Пушкин. На картинке к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе»). Поэт ради рифмы, конечно, мог изменить ударный слог, но во второй половине XIX века существовало, видимо, по созвучию ошибочное наименование моста «Ккушкин». Таким образом, чаша весов все-таки склоняется в пользу ударения на втором слоге. Да и с чего бы купцу быть Кокушкиным, когда гораздо яснее и понятнее Кокушкин.

Возле Кокушкина моста с 1829 по 1831 год в доме И. Д. Зверкова на Екатерининском канале (совр. наб. кан. Грибоедова, дом № 69) жил Н. В. Гоголь.

Дома Ф. Г. Дурышкина

С другой стороны площади, на углу Садовой и Гороховой улиц, находятся доходные дома другого ревнителя Спаса на Сенной, одного из ее старост, Вологжанина купца Ф. Г. Дурышкина, завещавшего средства на золочение церковных крестов. Их адреса – дома №№ 41, 43 по Гороховой улице и дом № 33 по Садовой улице. Они занимают угловую часть квартала.

Первоначально невысокие, построенные в конце XVIII века, дома надстраивались, кроме одного – углового. Дом № 33 надстроил на два этажа архитектор А. И. Мельников в 1824–1825 годах, а дом № 41 – архитектор Н. А. Гамазов в 1863 году.

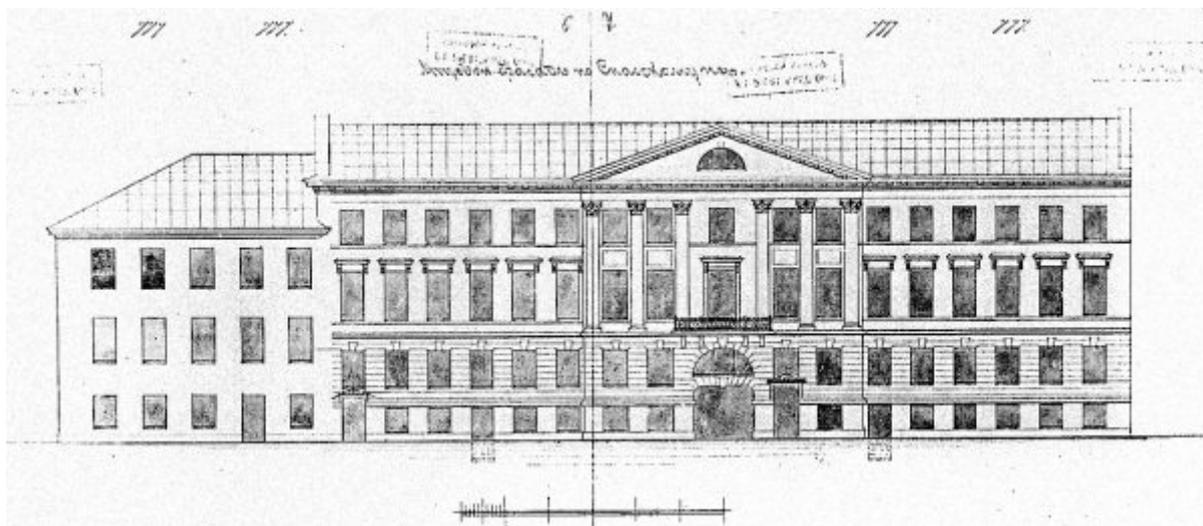

Дом Ф. Г. Дурышкина. Садовая ул., д. 41

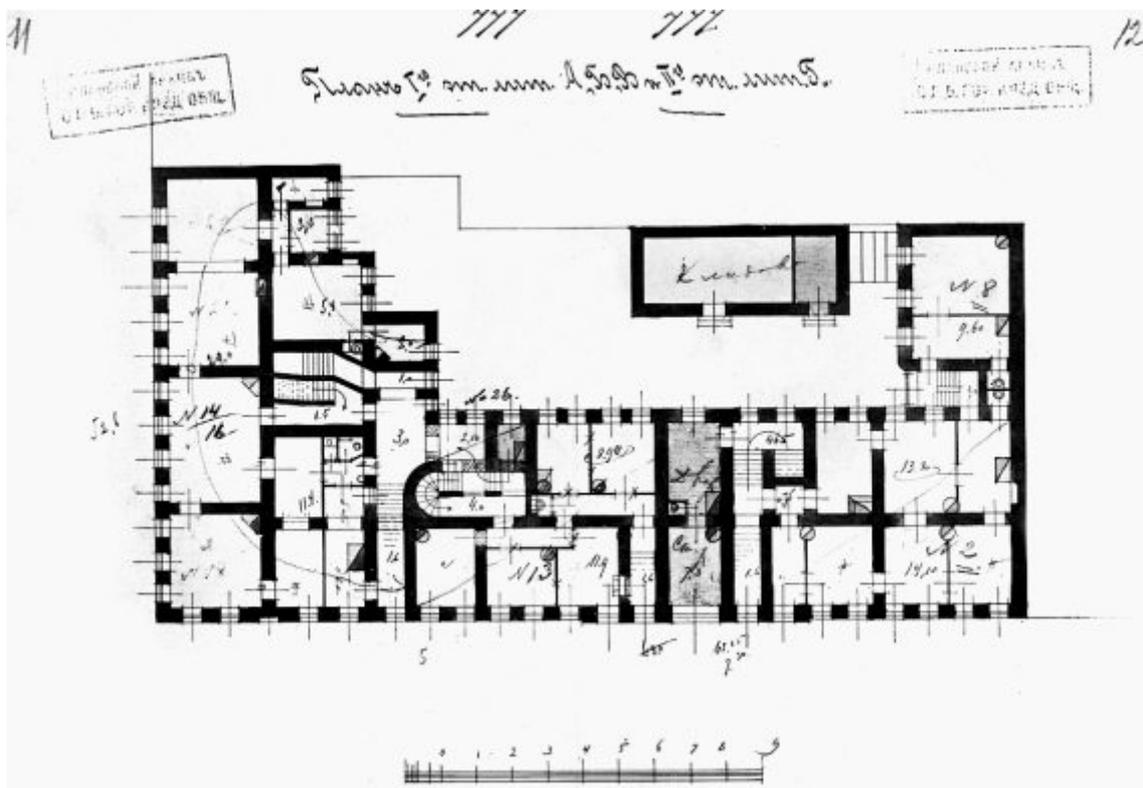
В домах сохранились положенные на своды и столбы старинные каменные лестницы из путиловского камня с простыми, но красивыми металлическими ограждениями. Интерес представляют и дворовые фасады, которые в XVIII веке не делали утилитарными. В дом под № 41 по Гороховой улице Ф. М. Достоевский «поселил» Парфена Рогожина.

Дом П. А. Дехтерева

Еще один дом по Спасскому переулку № 11 заслуживает нашего внимания. Его историю исследовала И. А. Лапис. Участок с домом изображен на плане Сент-Илера, в то время дом каменный, обнесен заборчиком, но не заселенный. В 1778 году его хозяином стал голландский купец Бакерахт. Дом с участком приобрела некая девица Наталья Андреева, которая вышла замуж за подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка Петра Алексеевича Дехтерева, принеся в приданое указанный дом. Он имеет довольно распространенный тип фасада – с центральным треугольным фронтоном, под ним балкон, под балконом арка, через нее можно проехать вглубь владения – типичный классический дом. Но рядом с ним, на углу переулку и Сенной площади (дом № 1) стоял и стоит по сей день двухэтажный домик с гладкими фасадами, прилепившийся к нашему памятнику начала XIX века. Он врос в землю гораздо глубже своего соседа и, возможно, старше его. Дом сейчас практически невозможно различить, хотя фасады его не изменились. Просто он надстроен двумя этажами и таким образом ассимилировался с фасадами этой стороны площади. Но если взглянуть на план этих двух домов, то оказывается, что они практически сямские близнецы, так тесно переплетена их планировка – у них общие площадки, прихотливо встроенные лестницы.

Дом купца Кононова (кон. XVIII в.) и дом Н. А. Дехтеревой (нач. XIX в.) Проект

План дома Н. А. Дехтеревой (Спасский пер., д. 11) и дома купца Кононова (Сенная пл., д. 1)

Неподалеку, в доме № 3 по Спасскому переулку находился столь близкий журналистским сердцам «Малинник». Лицевое строение, симметричное относительно центральной оси, на этом участке существовало уже в первой четверти XIX века. В 1827 году к нему пристроен через арку флигель, благодаря чему симметрия несколько сбилась.

Возможно, что в это время были перестроены и фасады, дабы придать им единство. Двор его решен по симметричной схеме с «карманами», в которых либо устраивались входы и соответственно лестничные клетки, либо это делалось для того, чтобы во всех помещениях получились окна. В конце 1970-х годов дом прошел капитальный ремонт с разборкой части корпуса и сохранением фасадов. Так стерлись практически все следы нехорошего «Малинника». Его описание можно найти у В.В. Крестовского.

Дом М. И. Томина

На углу Садовой улицы (дом № 32) и Апраксина переулка в 1903–1906 годах по проекту гражданских инженеров Л. М. Харламова и Н. В. Дмитриева построен в стиле модерн доходный дом с изысканной отделкой интерьеров, красивыми добротными лестницами. Угол дома украшает эркер. Главное достоинство архитектуры здания заключалось именно в этом эркере – завершавший его купол повторял в меньшем размере форму куполов Спаса на Сенной и башни Городской управы. Это создавало крепкую композиционную связь протяженного пространства Садовой улицы. Купол, к сожалению, утрачен, и его необходимо восстановить.

Дом Н. В. Безобразовой

Этот дом находится на участке треугольной формы между Сенной и каналом Грибоедова. У него тройной адрес: канал Грибоедова, 50–54, пер. Гривцова, 11, и Сенная площадь, 13. Первоначально разрозненные и разномастные корпуса были объединены в одно строение архитектором Ю. Ю. Бенуа в начале XX века.

Владимир Михайлович Безобразов, представитель одного из древнейших дворянских родов России, русский военачальник, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, был однополчанином Николая II по службе в лейб-гвардии Гусарском полку.

Дом Н. В. Безобразовой. Канал Грибоедова, 50–54, пер. Гривцова, 11 и Сенная площадь, 13

Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, в войне 1914 года, награжден шестью российскими орденами и Золотым Георгиевским оружием. Его женой была графиня Н. В. Стенбок-Фермор. С 1917 года В. М. Безобразов в отставке, после Октябрьской революции эмигрировал. Скончался 17 сентября 1932 года в Ницце.

Полторацкий переулок

Этого названия давно нет в топонимах Петербурга, но след переулка еще в конце XX столетия можно было обнаружить в виде стоящих в линию зданий между Сенной площадью и Фонтанкой. Сейчас он условно сохранен в одном из пролетов гигантского супермаркета «Сенная-Питер», который словно перевернувшаяся льдина взломал внутреннее пространство городского квартала. Переулок был одним из самых необычных в Петербурге, его загадкой и особенностью. Он начинался в арке ворот на Сенной площади и через арочный проезд выходил на Фонтанку. Позднее, в начале XX века, в этот же проезд влилась еще и Вяземская улица.

Наследники «миллионщика» С. Я. Яковлева в начале XIX века начали распродавать огромное владение пращура, располагавшееся между Садовой улицей и Фонтанкой от Обуховского проспекта до Гороховой улицы. Участок от церкви до Полторацкого переулочка принадлежал последовательно с 1820 года «здешнему купцу», в дальнейшем потомственному почетному гражданину В. Н. Икорникову, одному из потомков Яковлева, с 1861 года – супруге генерал-майора Яковлева. Далее поручику Горсткину с компаньоном Яфимовичем, потом купцам Шустрову и Епифанову.

Угловой участок № 170 3-й Адмиралтейской части неоднократно переходил из рук в руки. В 1823 года он принадлежал действительной статской советнице Полторацкой и ее внуку, потом генерал-майорше Сухаревой, Яковлевым, полковнице княгине З. Шаховской, князьям Вяземским, а с 1861 года участком владели наследники почетного гражданина Котомина. Генплан участка 1832 года и проект фасада подписаны архитектором В. И. Беретти. В 1873 году угловой участок купил гвардии ротмистр И. А. Арапов.

Через эти владения проходил переулок от современного дома № 6 по Сенной площади до Фонтанки. Он сменил несколько названий – Безымянный, потом Сухаревский и Вяземский – по «примыкающим» землевладельцам, но закрепилось за ним название Полторацкий.

М. Ф. Полторацкий был первым директором Придворной певческой капеллы, а его зятем – президент Академии художеств, известный археолог, искусствовед и художник А. Н. Оленин. Кроме того, Оленин стал первым директором Императорской публичной библиотеки. Семейство владело обширным участком сложной формы от Фонтанки до Сенной площади. Им принадлежал угловой дом на соединении Обуховского (Московского) проспекта и площади. Три «Полторацких» дома (наб. р. Фонтанки, 97, 99, 101), выстроенные в 1790 годах, сохранились до наших дней. Они обращают на себя внимание своей «одинаковостью» – почти равная протяженность фасадов и этажность, сходное архитектурное оформление в стиле строгого классицизма. Благодаря этому они получили в городе прозвище «Три сестры». Гостями Олениных бывали В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, К. П. и А. П. Брюлловы, О. А. Кипренский, М. И. Глинка и, конечно же, А. С. Пушкин. Здесь он познакомился с племянницей хозяйки А. П. Керн.

В боковую арку дома № 97, вернее в две арки, стоявшие одна за другой, на Фонтанку выходил Полторацкий переулок.

Другой дом, принадлежавший действительной статской советнице Полторацкой в первой трети XIX века, находился на соединении Обуховского (Московского) проспекта и Сенной площади. В первом этаже дома в 1850-х годах существовал трактир, так называемый «Полторацкий кабак». Его современный адрес Сенная площадь дом № 6 (о нем рассказано в главе об александровских преобразованиях Сенной площади).

В 1898 году И. А. Арапов перестроил принадлежавшее ему здание. Дом полностью изменил свое архитектурное лицо. Первый этаж в виде аркады предназначался для сдачи в аренду торговых помещений, и полуциркульный проем по первой оси слева отличается от основного ряда оконных проемов по высоте.

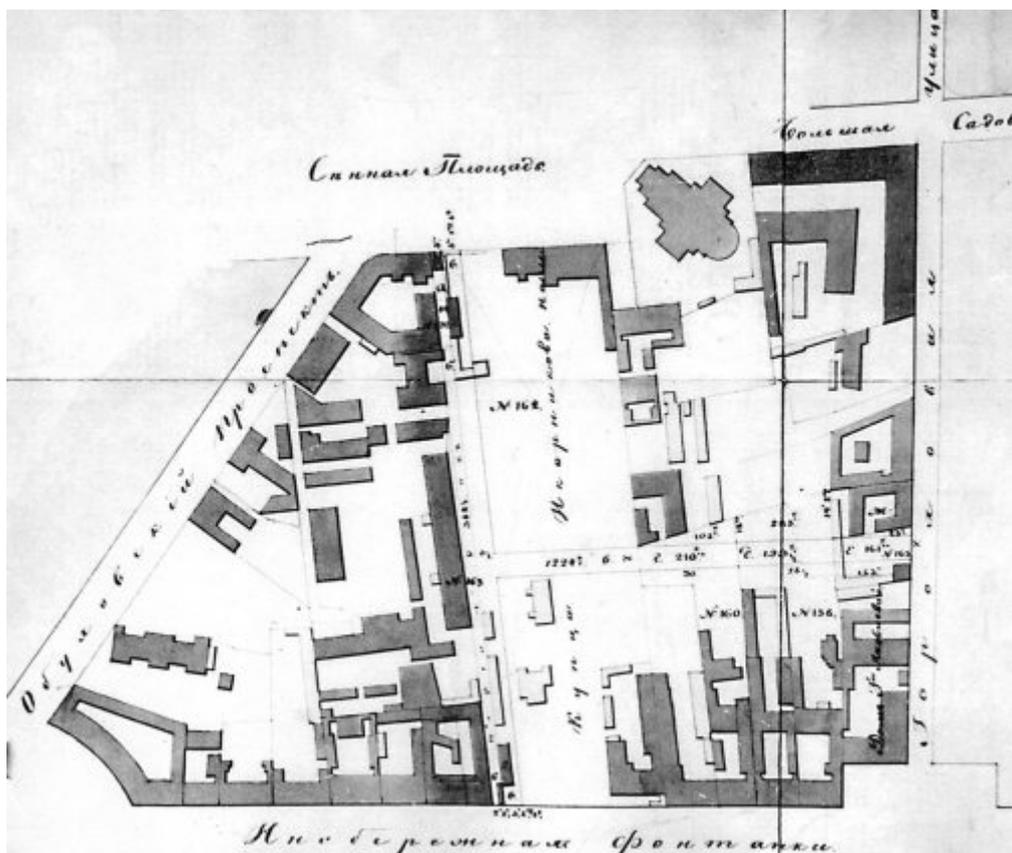
Кроме того, в отличие от других проемов, «стоящих» на цокольном этаже, он «стоит» прямо в уровне земли. Это бывший арочный проезд в Полторацкий переулок.

Лицевой фасад дома перестраивался в советское время, но при этом сохранил черты своего дореволюционного прошлого.

Поскольку интенсивность торговли на Сенной постоянно росла, она стала распространяться на прилегающие улицы, где приходилось расставлять возы с сеном. Возникла потребность в дополнительных транзитах через жилой массив. Для распределения людских и транспортных потоков в 1843 году был разработан план квартала 3-й Адмиралтейской части между Садовой улицей, набережной Фонтанки, Обуховским проспектом и Гороховой улицей «с обозначением предполагавшегося разделения сего квартала новой улицей и уширением переулка от Сенной площади к наб. реки Фонтанки». Речь идет о пробивке улицы от Полторацкого (Вяземского) переулка до Гороховой улицы и расширении самого переулка. Под «проект улицы» попадали часть «дворовых мест» купца Икорникова, «купецкой жены Авдеевой», часть дома купца Лесникова, дом коллежского асессора Затолокина, и город должен был их выкупить. Может быть, поэтому проекту не суждено было осуществиться. Кроме того, жизнь внесла свои коррективы и улицы расположились по-другому.

Полторацкий переулок находился за ныне утраченным проездом современного дома № 6 на Сенной площади. Он проходил через бывшие владения Полторацких. На плане Петербурга 1753 года читается граница между двумя садами, вдоль которой сформировался переулок. Позднее он обозначается уже как обычная улица – на плане 1806 года со стороны Сенной площади виден прозор между домами, который и есть вход в переулок.

Вот как описывает его В. В. Крестовский: «Если вы взглянете с набережной Фонтанки в ворота Фанталочного дома, где в пролете прибита казенная голубая доска с надписью „Полторацкий переулок“, вам под двумя арками откроется длинная перспектива узенького переулочка. По нему вечно снует народ – обитатель лавры и Сенной площади. Справа во всю глубину этой перспективы тянется темный покосившийся забор, отделяющий дворы Вяземского от обширных дворов генеральши Яковлевой».

Проект Новой улицы. 1843 г.

Слева же идет Стекольчатый флигель. Это Полторацкий переулок, по которому, бывало, даже днем ходить небезопасно, о вечере нечего и говорить. Да даже и теперь, при значительно усиленном бдении и надзоре, нельзя вполне поручиться, если вы пойдете один-одинешенек, чтобы с вами не случилось чего-нибудь очень неприятного. А года два тому назад очутиться без шапки или даже без шубы, да еще с прилично ошеломляющим подзатыльником, не было ничего мудреного. Здесь на каждом шагу ноголомные рытвины. Выбоины, ухабы, вывороченные камни, грязь, лужи, делающие проезд почти невозможным. Зимой же настигают такие бугры и скаты льду, что пройти переулком, не поскользнувшись и не шлепнувшись раз десяток, мог бы разве очень ловкий эквилибрист».

На плане 1828 года можно видеть, что переулок со стороны Сенной перекрыт вновь возведенным зданием. Но, оказывается, проезд в виде арки в него все-таки существовал. Это известно из духовного завещания Полторацкой, владелицы «как этого двора и смежного с ним». «При разделе на участки» Полторацкий переулок уступлен городу «28 августа 1828 года за 7092, вследствие чего переулок этот, согласно воле завещателя, вошедший в документы, должен навсегда оставаться свободным, ничем не загорожен и никому не отдан, но во всякое время открыт для проезда; за тем, согласно духовного завещания, существующие на том переулке каменные жилые дома над проходом с Сенной площади остаются в собственности города».

К 1873 году дом № 170 с участком, примыкавшим к владениям Вяземских со стороны Сенной площади (Спасской части участок № 2 по Сенной площади и Обуховскому пр., 2–4, а ныне дом № 6 на Сенной площади), приобрел гвардии ротмистр И. А. Арапов. Обстоятельства этой покупки, совершенной вопреки завещанию, остаются неизвестными. Вполне естественно желание хозяина закрыть доступ посторонним на свою территорию, тем более с Сенной, изобилующей «неблагонадежными людьми».

Поясним, что поручик хотел установить в арочном проезде обычные ворота, которые собирался держать закрытыми. Вернее, как это следует из дальнейшего текста документа, ворота он уже установил и хотел их узаконить. С этим он и обратился в строительное отделение Городской управы в начале 1873 года. Но ему было отказано, поскольку духовное завещание усопшего должно было выполняться неукоснительно. Однако основная причина отказа состояла в опасности пожаров внутри громадной территории, соседствующей с Вяземской лаврой, – в любом дворе Петербурга были деревянные флигеля и сараи, хранились в большом количестве дрова и сено, в холодное время ежедневно топились печи, кухонные плиты, дома освещались свечами. Прямолинейный переулок был в то время практически единственным удобным проездом в чрево Вяземской лавры. По заключению городского головы следовало «ходатайство Арапова отклонить о закрытии прохода с Сенной площади на Полторацкий переулок и уничтожить ворота для совершенно беспрепятственного прохода с площади в означенный переулок». Тем не менее проезд оставался закрытым и, более того, Арапов стал просить разрешения устроить в арке ворот лавку, ссылаясь на уже существующие подобные переделки в домах на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы и на Караванной улице. Переписка по данному вопросу прерывается до 1880 года – И. А. Арапов возобновляет ее уже в звании полковника. В очередной раз он обратился с просьбой закрыть переулок и устроить в арке лавку, тем более что ворота существовали и закрывались им уже несколько лет, а после пробивки от Сенной к Фонтанке Горсткой улицы в 1874 года надобность в его проезде и вовсе отпала. На участке же Горсткой, купившего владение Яковлевой, были снесены ветхие деревянные постройки и выстроены каменные дома. Это, по мнению Арапова, являлось надежной гарантией против распространения пожара. Но завещание не утратило своей силы, и 30 января 1880 года Арапову в очередной раз отказали в его просьбе о закрытии прохода через его участок в Полторацкий переулок. Строительное отделение, понимая, что «духовное завещание» никак не вписывается в живой процесс современности, представило дело «на благоусмотрение» Городской управы – «не найдет ли она иных исполнений в точности постановления своего от 29 декабря 1873 года <...> требований уничтожения ворот для всегдашнего свободного прохода в Полторацкий переулок». Такое «исполнение» сумел наконец найти сам Иван Андреевич. Это был Суточный приказ 316 от 12 ноября 1869 года «О закрытии Полторацкого переулка», гласивший, что «Полторацкий переулок составляет документальную собственность частных владельцев и в их воле оставить эти проходы для общего пользования или нет». Так навсегда был закрыт проезд в Полторацкий переулок с Сенной площади. Видимо, в арке ворот все-таки была устроена лавка, а при перестройке дома следы сквозного проезда и вовсе исчезли.

Противоположный конец переулка выходил на Фонтанку в ворота дома № 95 (ныне № 97), и проложенная в 1913 году изломанной конфигурации Вяземская улица последним своим коленом соединялась с ним. В пролете арки, примыкавшей к одному из домов, долгое время сохранялась табличка с надписью «Полторацкий переулок». В настоящее время дом № 95 утрачен, а о существовании так и незастроенного переулка внутри квартала еще недавно можно было догадаться по стоявшим строго по одной линии полуразрушенным зданиям. Окончательно Полторацкий переулок исчез в начале XXI века, когда в 2003 году началось строительство торгового центра «Сенная». Со стороны Сенной площади можно определить его местоположение по «нестандартному», идущему от тротуара, полуциркульному проему по первой слева «оконной» оси дома № 6.

Улица поручика Горсткина

В 1874 году отставной поручик С. П. Горсткин со своим компаньоном, отставным инженер-капитаном С. В. Яфимовичем приобрел участок Яковлевой с домами № 75 и № 77 на Фонтанке и № 2 на Сенной, чем окончательно разрушил планы опекунов над наследством Яковлева по строительству рынка на яковлевском участке. В том же году они получили разрешение на пробивку Новой улицы от Сенной площади к Фонтанке между домами № 75 и № 77 и одновременно подали просьбу об открытии торговли на вновь проложенной улице. Имя Яфимовича постепенно исчезает из документов, а поручик, получив разрешение, действовал столь успешно, что улица стала называться по его фамилии – Горсткина. Сергей Павлович Горсткин был, видимо, личностью неординарной. Человеку с этой же фамилией и инициалами в 1869 году принадлежал дом № 20 по Английской набережной. В справочнике «Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX веков» можно прочитать: «Горсткин Сергей Павлович, военный инженер. Доходный дом, переулок Ульяны Громовой, д. 2, 1862 г.». Тот ли самый Горсткин этот строитель Петербурга, или просто полный тезка энергичного поручика?

Свои дома и участок у наследников Яковлева он с товарищем выкупил в разгар ожесточенной борьбы за строительство рынка на Сенной площади. Горсткин построил на «своей» улице несколько домов и в 1880 году открыл довольно значительную торговлю, вызвав опасения Городской думы, не составит ли конкуренцию бывший поручик городскому рынку, строительство которого начнется еще только через три года! Вопрос решался до 1879 года.

Появление этой улицы и одновременный снос множества деревянных внутридворовых строений на ее месте дали возможность владельцу одного из близлежащих участков И. А. Арапову закрыть проезд через арку ворот своего дома (дом № 6 на Сенной площади) в Полторацкий переулок, поскольку до этого времени он был единственным проездом в недра огромного квартала.

Проектировал для Горсткина в соответствии с его вкусами и потребностями епархиальный архитектор Г. И. Карпов, незадолго до этого занимавшийся реконструкцией церкви Успения на Сенной площади. Он создал весьма оригинальный и запоминающийся своим архитектурным образом проект одноэтажных с антресолями складских зданий, применив для этого элементы так называемой английской готики. Несколько своеобразных невысоких зданий в «английском» стиле на улице Ефимова сохранились до наших дней.

Въезд на Горсткинскую улицу со стороны Фонтанки обрамляют два доходных дома, принадлежавших поручику. Это два симметричных пятиэтажных корпуса с фасадами, решенными в духе поздней эклектики. Несмотря на достаточно большой арсенал пластических приемов – балконы, эркеры, оформление порталов, литой металлодекор, в целом фасады производят впечатление строгой сдержанности и обращают на себя внимание симметрией, выделяющей улицу в панораме Фонтанки. В плане также соблюдена полная симметрия.

При строительстве архитектор Г. И. Карпов продемонстрировал здесь свои разнообразные таланты – умение работать с историческим зданием церкви Успения, владение различными архитектурными стилями и способность проектировать различные по типологии объекты. Он же построил дом причта Успенской церкви, удачно вписав его между домом Яковлева и церковью.

В 1885 году Горсткин продал свой участок Франкорусскому обществу недвижимостей в Санкт-Петербурге. Позднее участок перешел к почетному гражданину Петербурга купцу И. Д. Шустрову и купцу В. И. Епифанову. Угловые дома обрамляли въезд в улицу со стороны Сенной площади. В архивных выписках по городской застройке, которые сделал научный сотрудник Государственной инспекции по охране

памятников Б. А. Розадеев в 1962 году, имеется следующая запись: «...лицевой фасад со стороны пл. Мира несколько перестроен, со стороны ул. Ефимова сохранился полностью, но находится в ужасном состоянии, они были разобраны после взрыва Успенской церкви, поскольку пришли в абсолютно ветхое аварийное состояние». Дом, в котором сейчас размещается ресторан быстрого питания «Макдоналдс», был воссоздан в 1980-х годах по исторической иконографии.

В. И. Епифанову принадлежал трехэтажный дом на Фонтанке (совр. № 105), построенный архитектором Е. И. Диммертом. В 1864 году архитектор А. К. Бруни расширил лицевой дом по «красной линии» набережной до границы соседнего участка, построил примыкающий к нему четырехэтажный дворовый флигель по юго-западной меже и каменные двухэтажные службы в глубине домовладения. В 1905 году архитектор К. И. Никифоров надстроил его, как и надворные, примыкающие к нему флигели, четвертым и пятым этажами с изменением фасадов.

Первое время построенная С. П. Горстким улица назвалась Новой, как и многие новые улицы города. В 1879 году поручик открыл на ней лавки. Будучи гласным Городской думы, он добился того, чтобы улица носила его имя. 15 декабря 1952 года ее переименовали в честь Героя Советского Союза, летчика, участника обороны Ленинграда М. А. Ефимова, а для истории города сохранено название пешеходного Горстклина моста через Фонтанку, построенного в 1910 году прямо против бывшей поручиковой улицы.

Вяземская улица

В начале XX века петербургские власти решили избавиться от ночлежек в центре города. В связи с этим по обе стороны от въезда в лавру с Забалканского проспекта по проекту архитектора А. С. Хренова в 1910–1911 годах построили два высоких симметричных дома № 4 и № 6, соединенные утраченной впоследствии красивой металлической оградой с воротами. Две угловые башни домов выделили начало будущей многоколенной Вяземской улицы, она будет проложена от Обуховского проспекта до Фонтанки. Проект ее «Высочайше утвержден» 27 апреля 1913 года, причем земля, которую должна была занять новая улица, безвозмездно отходила городу. Благоустройство требовалось сделать в течение трех лет – мощение, тротуары, фонари керосинового освещения, подземные сточные трубы с колодцами по утвержденным управой чертежам. И все это было «отнесено за счет княгини М. В. Вяземской».

В этом же году участок был сдан в аренду Акционерному обществу петербургских торговых помещений и рынков, которое выстроило подземные железобетонные склады и производственные помещения по проекту инженера И. Н. Квиля. Они до сего времени остаются погребенными под асфальтом бывшей Вяземской лавры. Сама же улица должна была превратиться в «проспект Князей Вяземских» с роскошным торговым центром в шестиэтажных домах с большими стеклянными витринами, аркадами и портиками. В разработке проекта принимали участие архитекторы Н. Е. Лансере, Ф. И. Лидваль и А. И. Таманян. «Проект фасадов доходного дома и холодильников Акционерного общества торговцев Сенного рынка на месте б. „Вяземской лавры“ в Петербурге» Г. А. Оль и Н. Н. Лансере датируют 1915–1916 годами. Грандиозный замысел остался неосуществленным из-за начавшейся Первой мировой войны. Въезд на предполагавшийся проспект и сегодня выделен двумя великолепными симметричными зданиями с угловыми эркерами с башнями, которые для княгини М. В. Вяземской построил архитектор А. С. Хренов в 1910–1911 годах. Не исключено, что они должны были составлять некое единое целое с неосуществленным торговым комплексом. Нижние два этажа имеют большие витрины и предназначались для размещения торговых залов. В отделке фасадов использована штукатурка, лепные панно в сочетании с керамической плиткой серого цвета.

Дом Я. И. Акимова-Перетца

Здесь следует рассказать и о доме, построенном чуть раньше новых вяземских домов. Это поднявшееся на сопряжении Забалканского проспекта и Сенной площади в месте соединения их с Таировым переулком здание в стиле «модерн», дом № 1 по Московскому проспекту.

Доходный дом принадлежал купцу 2-й гильдии Я. И. Акимову-Перетцу. Возможно, что архитектура дома послужила примером для Вяземских – угловая башня, отделка фасадов серой керамической плиткой, штукатуркой, лепниной.

А. И. Зазерский. Угловая башня доходного дома Я.И.Акимова-Перетца. Московский пр., д. 1

В первом этаже – помещения с большими витринами для магазинов. Здание занимает крайне ответственное место. Это исток Московского (Забалканского) проспекта на пересечении его с Таировым переулком, рядом с Сенной площадью. Дома составляют своеобразную группу, открывающую въезд на Московский проспект, и в то же время не вносят диссонанс в оформление Сенной площади.

Я. И. Акимов-Перетц купил участок в 1900 году. В документе купли-продажи об участке сказано, что «в поперечниках: переднем по Обуховскому, ныне Забалканскому проспекту – семнадцать и пять шестых сажени (38,05 м), заднем – семь с половиной сажени (16,01 м). В длинниках: в правом по Таирову переулку – тридцать четыре и две трети сажени (73,96 м), левом – до поворота – шесть с половиной сажени (13,87 м), поворот влево – двадцать две с половиной сажени (48,01 м); квадратных – триста восемнадцать и одна двенадцатая сажени (1448 м²)».

В 1904 году хозяин участка скончался, и недвижимое имущество было в порядке наследования разделено между вдовой и детьми согласно определению Петербургского окружного суда от 26 мая 1904 года. Строительство осуществил его сын Александр Яковлевич, также купец 2-й гильдии и коммерции советник. Он заказал проект архитектору А. И. Зазерскому. Дом строился с 1907 по 1908 год.

Вдова Я. И. Перетца Татьяна Ивановна жила с младшим сыном Дмитрием Яковлевичем в квартире третьего этажа с большим балконом, выходящим на Сенную площадь. По воскресеньям в шесть часов вечера она устраивала семейный обед, на который съезжались ее сыновья с женами и дочери с мужьями. Дмитрий Яковлевич окончил Технологический институт. В 1910–1914 годах по его проекту в соавторстве с инженером путей сообщения А. П. Пшеницим в Петербурге был построен Екатеринбургский мост через реку Екатерингофку в створе Рижского проспекта.

Дмитрий Яковлевич женился в 1919 году, а через год 19 июля в этом доме родился Дмитрий Дмитриевич Акимов-Перетц. После революции 1917 года доходный дом Перетцев был национализирован, квартиры его заселялись по распоряжению новых властей. Семейство Акимовых-Перетцев с маленьким Дмитрием переселилось в дом 21 по 12-й роте Измайловского полка. Он окончил Московский институт инженеров транспорта, вернулся в Ленинград и много лет проработал в Ленинградском институте железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ), откуда ушел на заслуженный отдых. Летом 2010 года ему исполнилось 90 лет. Д. Д. Акимов-Перетц предоставил для этой книги сведения о доме своего деда.

К 300-летию Санкт-Петербурга на доме была воссоздана угловая башня. Однако в ней «забыли» сделать в нижнем поясе овальные окна-люкарны, без которых купол напоминает глухой колпак.

Сенной рынок перенесли в 1936 году на бывший участок князей Вяземских. Вдоль Вяземской улицы, вход в которую по-прежнему оставался между домами № 4 и № 6 по Московскому проспекту, были выстроены самые простые и невзрачные деревянные торговые павильоны и ряды, соответственно торговле по новым правилам. Новое название – Октябрьский колхозный рынок – он получил по новому наименованию района, где находился. При проведении первой очереди реконструкции рынка в 1998 году по проекту института «Торгпроект» были снесены деревянные ряды и выстроены временные павильоны. Архитекторы сохранили изломанную трассу бывшей Вяземской улицы. Гипертрофированные размеры ограды с воротами нарушают масштаб фланкирующих зданий со стороны Московского проспекта. В настоящее время между рыночными корпусами и зданиями бывших лавок Горсткина параллельно улице Ефимова, как раз по трассе Полторацкого переуллка, выстроено огромное здание торгового центра «Сенная» (архитекторы А. К. Мирон и В. Н. Ловкачев), одно из достоинств которого состоит в том, что его практически не видно с Сенной площади. Вяземская улица и Полторацкий переулок составляли ныне утраченную планировочную особенность Сенной площади. Эти две улицы порознь пронизывали тело городского квартала и выходили на Фонтанку через ныне утраченную арку одного из полторацких домов.

Петербургские пожары в судьбе Сенной площади

В 1862 году Петербург был охвачен пламенем. Огонь вспыхивал в разных частях города, распространялся с большой скоростью и сеяло панику среди людей. По городу ползли слухи о гибели Петербурга, о том, что огнем будут уничтожены все казенные здания, лавки и магазины, о старухах, ставивших воспламеняющиеся метки на заборах и воротах, о мальчишках, поджигающих помойки и бросающих окурки в окна подвалов, о генералах, трущихся спиной о деревянные ворота, которые после этого воспламенялись.

Пожар страшен всегда и может быть сравним со стихийным бедствием. Причин для его возникновения в любом населенном пункте, и тем более в крупном городе XIX века, множество. Причин для распространения огня существовало еще больше. Освещение улиц и домов с помощью открытого огня (свечи, лучины, керосиновые лампы), газовое освещение, отопление зданий печами и каминами, неисправности труб и т. д., – все это было небезопасно. В городе было огромное число деревянных строений. Это не только часть жилых домов, но и надворные флигеля во дворах каменных зданий, сараи, кладовые, а также постоянно хранящийся повсюду запас дров и сена – «бензина» доиндустриальной эпохи.

Возникновение пожаров газеты того времени приписывали отчасти Польской партии, отчасти противникам проводящихся в стране реформ. Оппоненты обвиняли в поджогах революционеров и нигилистов, из-за принадлежности к революционному движению был арестован писатель Н. Г. Чернышевский. Нападкам со стороны прессы подверглись студенты. Выяснить истинные причины пожаров в Петербурге и их конкретные обстоятельства пытался писатель Н. С. Лесков. Он хорошо знал их географию, написал несколько статей в «Северной пчеле». Он опровергал утверждение о причастности студентов к пожарам, так как сам неоднократно наблюдал их активное участие в помощи пострадавшим, в тушении огня.

Для того чтобы представить картину и масштабы бедствия, приведем описание пожара в Апраксином дворе.

Огонь вспыхнул 26 мая 1862 года и уничтожил крупнейший петербургский рынок Апраксин двор и расположенные в его недрах Щукин двор и Толкучий рынок. Пожар произошел в праздник, в Духов день. Народу на улицах было много, когда вдруг по толпе пронеслось слово «пожар». Сразу началась паника. Люди бросились к своим домам – спасать детей и домашних, пожитки. Улицы наполнили бегущие толпы людей, скачущие экипажи, крики кучеров. Как неременное сопровождение паники появилось мародерство – с женщин срывали дорогие платки, украшения. Ситуацию усугублял сильный ветер, тучами поднимавший пыль. «Сила ветра была такова, что с места пожара вылетали горящие головни и, перелетая через Фонтанку, падали на крыши домов, продолжая гореть, как факелы. Народ бегал по крышам и сбрасывал вниз головни <...>, то тут, то там загорались деревянные постройки».

Дым и зарево были видны из Кронштадта. «Его жители говорили в страхе – Петербург горит».

Рядом с Апраксиным двором располагались Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения, Императорская публичная библиотека, Пажеский корпус, где под офицерскими квартирами помещались москательные лавки с запасами олифы, масла, красок, воска, спирта.

Торговцы выносили товар из Апраксина двора и гурдами складывали его на противоположной стороне Садовой улицы, у Государственного Ассигнационного банка, чем создавали угрозу и его возгорания. Опасности подвергалась государственная казна.

Из Красносельского лагеря в помощь полиции были вызваны войска. Сам Александр II присутствовал на пожаре, отдавая распоряжения. Кроме него там были и великие князья Михаил Николаевич и Николай Николаевич.

Учащиеся Пажеского корпуса в ночь с 26 на 27 мая боролись с огнем, оберегая корпусные постройки от распространения пламени. От пожара пострадало Министерство внутренних дел. К ночи 27 мая пожар начал стихать. Но незначительные по сравнению с апраксинским пожары вспыхивали одновременно в разных частях Петербурга, распространяя панику. На следующий день, 28 мая, почти незаметно на фоне гибели Апраксина рынка сгорели и деревянные строения Сенного рынка. Пламя вспыхивало в различных частях Петербурга в течение еще нескольких месяцев. Полностью выгорели Большая и Малая Охта. Пожары прекратились только к августу 1862 года.

В Петербурге с мая месяца было объявлено военное положение. Для борьбы с пожарами учрежден Особый временный комитет под председательством генерал-адъютанта Н. В. Зиновьева. Петербург разделили на три временных военных губернаторства, дела о подозрении в поджоге решались военными судами в двадцать четыре часа. Однако ни одного «злоумышленника» обнаружить не удалось, а причины возникновения пожаров в Петербурге так и остались невыясненными.

Вяземская лавра

А вокруг старый город Питер,
Что народу бока повытер
(Как тогда народ говорил), —
В гривах, сбруях, мучных обозах,
В размалеванных чайных розах
И под тучей вороньих крыл.

А. А. Ахматова. «Поэма без героя»

Официальный курс на дешевизну продаваемых на Сенном рынке продуктов имел обратную сторону – на площадь и ее окрестности стягивались самые бедные слои населения и даже беднейшие, то есть нищие, бездомные, в надежде на заработок или хотя бы на кусок хлеба. Было известно, что на Сенную площадь немецкие булочники отправляли для бесплатной раздачи вчерашний хлеб, считавшийся непригодным для продажи на следующий день после выпечки (к слову, сегодня нестандартная продукция ресторана быстрого питания «Макдоналдс» уничтожается). Там промышляли карманники, сбывали краденое воришки и мошенники. Усугубляло ситуацию присутствие в непосредственной близости от площади так называемой Вяземской лавры.

Самый ранний из выявленных документов об этом жилом образовании датирован 1829 годом. Это план участка, приобретенного князем А. Е. Вяземским.

Въезд в княжеские владения располагался там же, где и вход в современный Сенной рынок, между домами № 4 и № 6 по Московскому проспекту. Участок неправильной формы простирался до Полторацкого переулка и через него выходил на Фонтанку. С юга и востока находились владения князей Полторацких и наследников Яковлева. В названии звучал оттенок сарказма – выстроенные князем дома сдавались внаем и со временем там стали селиться люди из самых низов общества. Как сказано у Крестовского, «четвертого квартала бывшей третьей Адмиралтейской, ныне Спасской части, числится дом князя Вяземского. Это, собственно, не дом, а целые тринадцать домов, сгруппировавшихся на весьма обширном пространстве и разделенные закоулками и проходными и не проходными глухими дворами. Все тринадцать флигелей имеют между собой сообщение, так что составляют собой нераздельное целое».

В 1830-е годы было завершено строительство этих тринадцати домов. Хозяин выстроил их по моде того времени – в классическом стиле, украсив некоторые колоннами и фронтонами, но при этом расположил их на участке довольно беспорядочно, хотя, наверное, имел для этого свои резоны. Маловероятно, что, строя фактически доходные дома для сдачи внаем, князь Вяземский намеревался поселить туда голытьбу, но реальная жизнь диктовала свои условия, с которыми невозможно не считаться, – Сенная площадь все-таки еще была окраиной столицы, а рядом находился самый дешевый в городе рынок. Однако в те времена такой дурной славы у вяземских домов не было.

Н. И. Свешников писал: «В начале XX века около Сенной был громадный дом княгини Вяземской», он «двумя флигелями выходил на Забалканский проспект и одним, довольно красивым, на Фонтанку. В последнем с 1850-х годов жили сами Вяземские. Потом здание пустовало, а в начале 1900-х годов в нем размещались квартира управляющего домом и 3-й участок Спасской части. Во флигелях по Забалканскому проспекту находились трактир, семейные бани, питейный дом и около десятка торговых заведений. Существовали также Столярный, Банный флигеля. Кроме них во дворе располагались четыре жилых флигеля, бани, множество разных кладовых, постоялый двор, чайная, <...> около полутора десятков квартир. <...> В среде пролетариата, воров и мошенников, населявших окрестность Сенной площади, дом князя

Вяземского известен под шуточным названием Вяземской лавры. Мы <...> приводим это название как характеристическое».

В недрах лавры в антисанитарных условиях находили приют маргиналы всех слоев общества. В появившемся в 1897 году справочном издании «Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции» отмечалось, что ночлежники спят в одежде, а на 150 спальных мест претендует ежедневно 200–250 человек. К. М. Станюкович в одном из «Морских рассказов» писал, что «в Питере паспорт легко раздобыть, стоит только найти там Вяземскую лавру».

Сенная площадь и лавра неоднократно и красочно изображалась литераторами, историками и бытописателями Санкт-Петербурга XIX в. – Ф. М. Достоевским, Н. А. Некрасовым, А. И. Куприным, Н. И. Свешниковым. Безусловно, на Сенной доводилось бывать и А. С. Пушкину, правда, лавра тогда еще не существовала. В то время это были вполне безобидные доходные дома, не привлекавшие особого внимания ввиду малочисленности их населения. Все началось с приходом капитализма.

Впервые эти места описал В. В. Крестовский в своем произведении «Петербургские трущобы». На момент начала публикации романа в журнале «Отечественные записки» в 1864 году ему было всего двадцать четыре года. В лавру он попал волей случая восемнадцатилетним юношей. Это произвело на него неизгладимое впечатление. Роман представляет целый ряд социологических очерков, связанных сюжетной линией, материал для которых взят также из недр Вяземской лавры. Автор изображает город преимущественно по состоянию на 1850-е годы. Надо отметить, что Крестовский в описании Петербурга в соответствии с жанром и сюжетом романа использовал главным образом серые и черные тона. Тема социальных пороков привлекала обостренное внимание общества в Европе и Америке. К этому времени уже появились романы «Принц и нищий» М. Твена и «Чрево Парижа» Э. Золя, «Собор Парижской богородицы» В. Гюго, «Приключения Оливера Твистера» Ч. Диккенса.

Крестовский многократно посещал Вяземскую лавру и водил туда своих друзей: скульптора М. Микешина и литератора Н. Лескова. Чтобы не привлекать к себе внимания и не вызывать подозрений, они переодевались в нищенские лохмотья или в одеяния рабочих-поденщиков. Случалось друзьям отбиваться от заподозривших неладное «блатных». Микешин писал, что им была «зачерчена небезынересная коллекция разных несчастных типов» для иллюстрации «Петербургских трущоб», но из-за отъезда за границу его планы так и остались неосуществленными.

Ленинградские газеты XX века в исторических хрониках, рассказывая о лавре, предпочитали писать о трактире «Малинник» и других значных местах. Эти публикации не отражают истинную картину Вяземской лавры, ни тем более Сенной площади. Так, из поля зрения газет советского периода выпал факт существования Детского приюта трудолюбия для детей Сенной площади в доме № 95 по Фонтанке, принадлежавшем князю А. Вяземскому. Учредителями Попечительного общества приюта были несколько человек из рода Буксгевденов, настоятель церкви Ларинской гимназии о. А. А. Алексеев и др. Целью общества ставились опека и приучение к труду детей, обитавших без родительского присмотра в Вяземской лавре. В 1900 году в Обществе состояло двести шестьдесят действительных членов и около пятидесяти членов-соревнователей. Председателем правления был сначала А. А. Алексеев, а с 1901 года – сенатор Ю. С. Буллах, казначеем – А. Попов, секретарем доктор С. Л. Раппопорт, который еще и бесплатно лечил детей. Приют был открыт 17 мая 1898 года в трех комнатах, снятых в одном из дворовых флигелей лавры. В них размещались тридцать девочек-пансионеров и девять приходящих. Позднее на Гороховой улице в доме № 46 был создан приют для тридцати пяти мальчиков. Дети содержались скромно и просто. Их обучали крестьянскому труду (огородничество и садоводство), несложному мастерству и рукоделию. Они выполняли все домашние работы по приюту. Летом детей вывозили на дачу в имение графа Шереметева вблизи Лигова. Мальчики находились в приюте до 15 лет, девочки – до 16 лет.

Если обратиться к историческим планам участка, то можно обнаружить на территории лавры достаточно большие участки зелени. И дома когда-то были новыми, неплохо оборудованными, с удобствами. Так, например, в описании участка Вяземских 1843 года сказано, что там находилась паровая машина, снабжавшая бани водой.

В появившемся в 1990-е годы телевизионном сериале «Петербургские тайны» использована только основная интрига романа, причем с сочиненными авторами фильма хорошим концом, что, впрочем, в те трудные для людей годы было вполне оправданным. Поэтому имеет смысл обратиться к роману В. В. Крестовского. Поражает, насколько виртуозно молодой автор выстраивает сюжетные линии, сплетая их в единое повествование, и при этом придает ему остросоциальную направленность и глубоко сострадает своим героям.

Приведем здесь описание лавры, сделанное самим В. В. Крестовским.

«...стоит только заглянуть под ворота, в пролете прибита казенная голубая доска с надписью „Полторацкий переулочек“ <...> Недалеко за этой аркой, по Полторацкому же переулочку, пойдет мимо небольшого Конторского флигеля длинное двухэтажное небеленое строение, известное здесь под именем Корзиночного флигеля, где по преимуществу обитают мирные корзинщики, снабжающие своими изделиями чуть ли не пол-Петербурга. (В Центральном государственном архиве СПб хранится чертеж специальной печи для сжигания испорченных корзинок, которая находилась тут же в Вяземской лавре. – *Прим. авт.*) Та часть Корзиночного флигеля, которая выходит к Полторацкому переулочку, в среде вяземских обитателей известна более под названием „Никанорихи“. Название, на первый взгляд, странное, но мы сейчас объясним его. В нижнем этаже „Никанорихи“ находится кабак, который содержит еще нестарая и на иной глаз довольно смазливая псковитянка Пелагея Никаноровна. Сама она помещается над кабаком, содержа в своей квартире и воровской ночлежный приют. Пелагея Никаноровна и сама достопримечательная в качестве мошенницы. В сундуках, да под полатями у нее была однажды найдена полицией весьма значительная покража, которая по суду не повела ее в страны сибирские только потому, что у Пелагеи Никаноровны карман изрядно-таки толстенек. Эта Пелагея Никаноровна у вяземцев известна под именем Никанорихи, отчего и часть флигеля, занимаемая ею, получила то же название.

Корзиночный флигель тянется параллельно с Фонтанкой к Обуховскому проспекту. На вид это длинное, небеленое здание, фасадная часть которого позади флигеля Конторского выходит на так называемый Пустой двор. Пустой двор – не что иное, как пустырь, со всех сторон обрамленный стенами. Он довольно обширен для того, чтобы смотреться совершенно пустырем, по которому местами пошла дикая сорная поросль, а потому и называется Пустым. Стены, обрамляющие его, совершенно глухие, за исключением Корзиночного флигеля, в котором есть окна. В прежние времена (года три назад) отличительная черта этого двора была громадная гора всяческих нечистот вровень с крышей Тряпичного флигеля, примыкающего к нему справа. Все это в течение многих и многих лет сваливалось сюда сквозь маленькое оконце, одиноко пробитое под самой крышей названного флигеля, так что, начиная с ранней весны вплоть до крепких заморозков, в густой атмосфере этого двора стояла неисходная зараза. (Настояниями Комитета общественного здоровья и местной полиции нынешнего 1866 года этот двор очищен, вспахан, засеян овсом и клевером, а с одной стороны его, за конторой, разбит небольшой садик. Мера эта вполне благодетельна для Вяземского дома).

В двух-трех местах Корзиночного флигеля дефилируют узенькие коридорчики, которые ведут в новый двор, находящийся позади этого флигеля и называемый двором Порожним. Порожний точно так же представляет замкнутое со всех сторон высокими стенами пространство значительно меньших размеров, сравнительно с Пустым. С одной стороны его в виде невысокой колоннады идут два длинных ряда кирпичных устоев, возведенных для какой-то постройки, которой не суждено было осуществиться. На Порожном же дворе помещается знаменитый у вяземцев „Козел“. Роль „Козла“ играет пустая квартира в нижнем этаже с окнами без рам и без стекол с дверями без плинтусов и деревянных створов, с разломанной русской печкой и полами без досок. Квартира была однажды отделана и готовилась в сдачу под жилье, как вдруг в одну темную ночь забралось в нее несколько вяземцев, разломило и повинытаскивало все, что можно было стащить. Дерево пошло на растопки, а железные скобы, задвижки и тому подобные вещи за гроши сбыты в железные лавки. С тех пор квартира уже не возобновлялась и отошла под иные хозяйственные надобности. А именно: если кто-то из обитателей тринадцати домов сделает какое-нибудь незначительное буйство, то дворники, не дойдя до полиции, тащат виновного в пустую квартиру и там производят собственноручную расправу. И вяземцы вообще очень одобряют таковой самосуд, сами даже помогают ему, ибо они сами не жалуют полиции, частей, сибирок и кварталов. А вследствие подобных расправ экзекуционная квартира и получила у них наименование „Козла“.

За „Козлом“ находится небольшое отгороженное пространство в виде отдельного дворика, где помещалось гусачное заведение. Гусачных заведений в Вяземской лавре было два, теперь же осталось только одно, на противоположном конце, у Сенной площади. Но знаете ли вы, что такое гусачное заведение? Вам, конечно, неоднократно, если даже не ежедневно, доводилось встречать на углах некоторых площадей и улиц, а большей частью при въездах на мосты те грязноватые дотки, на которых продаются печенки, рубцы да студень и тому подобные закуски. Все это готовится в гусачных заведениях. Но как готовится! Если бы нервы ваши в состоянии были вынести убийственную вонь, то, войдя в отгороженный дворик, усталый прогнившими и пропитанными кровью досками, вы увидели бы прежде всего несколько огромных чанов. Один из них наполнен кровью, другие, бычачьими внутренностями, из третьих торчат бычачьи головы, в четвертых груды ног и хвостов. Несколько работников в перепачканой и заскорузлой одежде трудятся над этими чанами, сортируют внутренности, рубят топорами головы и кости и таскают все это в стряпную. Тут же на железных крюках, вбитых в кирпичную стену, висят несколько бычачьих туш, с которых стекает кровь в одно общее корыто.

В настоящее время, когда одно из этих заведений уничтожено по причине крайнего неряшества, на промозглой стене его видна еще, по прошествии трех лет, все та же кровь, столь въевшаяся в кирпич и так крепко запекавшаяся, что ее не смыли ни снега, ни дожди петербургские, ни людские усилия.

На дощатой настилке дворика стоят огромные лужи крови и валяются ненужные внутренности, рядом с которыми тут же на навозе лежат и пригодные в виде языков, гусаков, хвостов и прочего.

Несколько голодных, полуодичалых собак, словно шакалы, понуро лакомятся непригодною в дело пищей, тычут заалевшие морды в кровавые лужи, лакают оттуда языком и ведут войну с кошками, являющимися с той же целью. А по ночам, откуда ни возмись и неизвестно с какой целью, наползает сюда целое воинство крыс, в изобилии плодящихся по окрестностям. Летом, особенно в знойные дни, тут кишат мириады больших зеленых и серо-желтых мух, так что в воздухе стоит такое жужжание, как словно бы сюда слетелось множество пчелиных роев.

С одного конца этого дворика, словно темный зев, из которого валит зловонный пар, смотрит на вас низенький вход в стряпную, куда надо спуститься две-три ступеньки. Тут в совершенной темноте и копоти кипят огромные котлы с бычачьими внутренностями. Из-под полу прокрадывается красноватый свет пламени, скрытого под ним в большой и низенькой печи, но эти лучи только местами освещают черного повара, а вся остальная внутренность низкосводной стряпной остается в глубоком мраке. Пар стоит непроницаемым густым туманом, жара и духота убийственные, и ко всему этому невыносимая вонь, с которой могут сравниться несколько десятков зараженных трупов.

Тут-то и приготавливаются эти закуски, в состав которых, как рассказывают люди, называющие себя очевидцами, входили иногда наряду с бычачьими, внутренности и лошадиные, и даже собачьи, а о мелкой животине, вроде крысы, попавшейся в чан и изрубленной случайно, нечего и рассказывать.

Кроме гусачных заведений в Вяземской лавре имеется еще несколько куреней. В 1863 году число их доходило до семи. Они помещаются в подвальном этаже так называемого Новополторацкого или Стекольчатого флигеля, о котором речь еще впереди. Каждый из этих куреней представляет низкосводный около трех квадратных саженей пространства. Большая русская печь занимает более четверти всего помещения, которое в остальных частях более чем наполовину занято большими столами, где готовится тесто для пирогов, калачей и саяк, а кроме этих столов конечное пространство комнаты загромождено еще посудой да разной рухлядью. Теснота такая, что повернуться негде, а духота, неисходно царствующая в курене от неперестающей топиться печи, доходит до того, что человеку со свежего воздуха становится дурно и нельзя дышать свободно. Семь или восемь хлебопеков посменно возятся то у печи, то у столов, а к вечеру сюда же набивается голов до двадцати народу, который в течение дня бродил по Сенной и в ее окрестностях, продавая куренные печенья. Летом же, когда народу значительно прибывает, число куренных обитателей доходит до тридцати и даже тридцати пяти человек. Все это как попало спит в этой комнате, валяясь на порожних столах и под ними, либо уходит в сени и на двор, на прохладу, а в это время очередная смена работает у раскаленной печи, готовит запас пирогов и булок, который разойдется на рассвете, как только проглянет с утра и проснется обитатель трущоб Сенной площади.

Вообще в Вяземской лавре помещается очень много различных промышленных заведений.

Не говоря уже о кабаках и пивных и о ресторации „Сухаревке“, от которой и флигель, занимаемый ею, называется тем же именем <...>, тут же находится большая кузница, отдельный Столярный флигель и общественные бани, которые особенно замечательны были патриархальностью своих обычаев: в летнее время любители обоего пола нераздельно мылись на дворе, а зимой выбегали сюда же повалиться на снег, отнюдь не смущаясь посторонними взорами людей мимо идущих. (В настоящее время для этих любителей устроены на дворе особые помещения, отгороженные забором, дабы не вводить в соблазн прохожих. Такой же забор разделяет теперь мужские и женские отделения.) В отдельных же, так

называемых „семейных“ банях, два первых номера отличаются даже значительной роскошью, особенно если вспомнить, что они принадлежат Вяземскому дому. Тут и мраморные ванны, и ковры, и драпри, и мягкая комфортабельная мебель. И все это служит, по большей части к удовольствию средней руки мошенников, когда им удастся зашибить выгодную добычу. При этом нельзя не заметить, что в нумерных банях весьма нередки случаи скоропостижной смерти, как говорится, от удара или опоя спиртными напитками.

О Конторском флигеле, собственно, нечего больше говорить, кроме того, что это небольшой отдельно стоящий каменный дом, который содержится несравненно опрятнее всех остальных и в котором помещается контора и живет управляющий.

Гораздо интереснее соседний с ним флигель Тряпичный. Это точно так же представляет отдельный, длинный двухэтажный дом с отдельным внутренним двором. Здесь испокон веку жили тряпичники – те самые, которых с большим вместительным мешком за плечами вам неоднократно доводилось встречать на грязных задних дворах, вооруженных клюкой с насаженным на конец ее острым железным крючком. Тут находится более двадцати лет сряду один из самых главных притонов этой оригинальной промышленности, которая на первый поверхностный взгляд кажется только не совсем чистоплотной, в сущности далеко не невинна. Впрочем, об этом после. Узенькие, темные лестницы без перил, вроде тех, по каким взбираются на колокольни, ведут нас к квартирам Тряпичного флигеля. Только для того, что бы достичь этих лестниц, нужно сперва перейти двор, во всех углах которого красуются целые горы грязных тряпок, лохмотьев, бумажек, костей, подошв и тысячи тому подобных предметов, которые по всему городу выбрасываются за ненужностью в ямы задних дворов. Эти горы – трофеи тряпичной промышленности. В одном месте поперек протянуто несколько веревок и на них развешены для просушки целые ряды таких же пестрых тряпиц, они продадутся потом как отборные, первого сорта. Переходить тряпичный двор оказывалось весьма затруднительно: в течение более чем двадцати лет он ни разу не чистился, ни разу не подметался. Представьте себе, что это такое там было! Летом он являлся какой-то зловонной трясиной, в которую по щиколотку уходила нога, зимой там образовывалась сплошная ледяная кора бурого цвета. Чуть только начинается оттепель, как со всех сторон гнилого пробрюзгшего дома начинала стекаться сюда мутная грязная вода, которая под утро при новом морозце добавляла новый ледяной слой к прежней бурой коре, и вот к весне из всего этого образовывалось такое болото, по которому в пору ходить было только в охотничьих сапожищах. И этот двор, вместе с его горами тряпья, между прочим, служил местом ночлега для разных бездомников, особенно для „бродячих“ женщин. Делалось это, обыкновенно, так, что залезет человек в это тряпье, заберется подальше, по возможности в самую глубину, чтобы потеплее было. Да и спит себе до рассвета. Когда же этот двор принялись, наконец, расчищать, то, прежде чем добраться до мостовой, нужно было снять затверделую кору толщиной гораздо более аршина, так что самая расчистка представляла собой довольно трудную работу. (Весной нынешнего года местная полиция признала дом опасным в настоящем его виде для житья и двор вследствие испарений от его нечистот и положительно вредным для здоровья, и настояла, чтобы тряпичники из Вяземского дома выехали за город. После этого была сделана очистка двора.)

Но вот вы преодолели трудности двора, преодолели узенькую, совсем темную лестницу и очутились в одной из квартир тряпичной артели. Квартира эта является вам в виде узкой, низенькой и длинной, окон в семь, залы, где нары перемешаны с кроватями, а посередине – большой длинный стол, служащий трапезой. Грязь и удушие и в то же время проявление своего рода эстетизма: на потолке, Бог весть, как и для чего, подвешена поломанная люстра, а по стенам, в виде украшения, всякая всячина: половина чьей-то оборванной фотографической карточки, крышка от кондитерской коробки из-под конфет с золотой надписью „Rabon“, заржавая подкова, отбитая ручка гипсовой статуэтки, оборвыши картинок из „Иллюстрации“, объявление о воздушном полете Берга с изображением шара, запачканная в грязи

гирляндочка искусственных цветов, золотая конфетная бумажка, донышко пуховой шляпы и множество подобной, ни к чему не пригодной дряни... все это прибито к стене или приклеено хлебным мякишем, все это имеет назначение украшать артельную квартиру и, стало быть, служит проявлением своеобразного эстетического чувства тряпичников, и все это было в разное время подобрано из кучи дрянного сора при сортировке.

Против Тряпичного флигеля тянется вдоль Полторацкого переулка главное гнездо Вяземской лавры, трущоба трущоб петербургских – это так называемый Стекольчатый флигель, или Новополторацкий флигель. Со стороны Полторацкого Стекольчатый, или Новополторацкий, флигель представляет здание длинное трехэтажное грязно-желтого казарменного вида. Окна нижнего, подвального этажа по большей части выбиты, кое-где загорожены чем ни попало, а преимущественно ничем, и стоят себе без стекол, без переплетов и даже случается, вовсе без рам. Они приходятся очень низко над землей, так что зимой, когда случится обильная оттепель, мутные потоки уличной грязи стекают с оледенелых бугров... подвала. Эти помещения похожи более на хлевы, чем на людское жилье, и некоторая часть из коих остается пустой, служа только потайным ночным приютом для беспаспортных бездомников, у которых нет ни гроша, чтобы добыть себе место в ночлежных квартирах. В самой середине этого флигеля помещается дрянная и тесная мелочная лавчонка, за съем которой, как слышно, хозяин платит сто десять рублей серебром в месяц. Из этого можно судить, на сколько здесь потребляется его нехитрых товаров и какую огромную выгоду должна приносить ему грошовая торговля в одном только Стекольчатом флигеле.

По фасаду на Полторацкий переулок этот дом представляет мало интересного: мрачная, запущенная и какая-то пустынно-казенная внешность, битые стекла, полые рамы, плесень да облупившаяся штукатурка – и только. В несравненно более живописном виде является эта трущоба, если посмотреть на ее задний фас с той стороны, где она тянется насупротив Тряпичного флигеля. Тут вы увидите двухъярусную галерею. Длинный ряд ее полукруглых арок уходит вдаль и тянется во всю длину этого флигеля, прерываясь только в центре маленьким выступом каменной пристройки, которая до того пробрюзгла, что цемент почти не держит кирпичей, отчего самая стена как-то выпятилась наружу, дала несколько трещин и грозит падением. В предупреждение последнего печального обстоятельства было придумано остроумное средство: подпереть ее снизу досками и бревенчатыми распорками. Подперли и ничего: покамест стоит себе, слава Богу. Эта двухэтажная галерея имеет весьма оригинальный вид. Внизу, между арочными устоями нагромождено всякого хлама: тут и бочки, и кучи досок, и полозья, и колеса, и ящики какие-то, и чего-чего только нету! Верхний же ярус представляет широкие круглые окна в пролетах арок, где пестрят разноцветные лохмотья, вывешенные на воздух. Эти-то окна со стеклами в частых и словно бы парниковых переплетах и послужили причиной того, что Новополторацкий флигель назван здесь Стекольчатым. Переплеты рам и стекла, играющие на отсвет всеми переливами радуги, конечно, наполовину поломаны и повыбиты, из них торчат и высовываются различные людские головы: женщины, дети – все возрасты и полы. По коридору видно, как бродит и снует взад и вперед множество разных людей – и пьяные, и лохмотники, и голодные, иные чуть ли не в полном костюме Адама. „Бродячие“ женщины затевают перебранки, гуляя по тому же коридору в самом бесцеремонно развращенном виде».

Флигель существовал и в начале XX века и назывался тогда «Стекланный коридор». На его двух этажах помещалось пятьдесят квартир. Галереи со стороны дворовых фасадов домов были распространены в Петербурге и вели свою историю еще из XVIII века. Они кое-где еще сохранились – это дом № 27 по Невскому проспекту, а также дом Стенбок-Фермора на набережной Макарова на Васильевском острове.

По словам первого начальника петроградской сыскной полиции И. Д. Путилина, в середине XIX века в столице «еще не было сыскного отделения и делами розыска ведала наружная полиция в лице квартальных надзирателей и их помощников. Работа квартального надзирателя Спасской части включала Толкучий рынок и ближайшие к нему улицы, а также переулки, заселенные преимущественно подонками

столицы. <...> Убийства, грабежи и кражи следовали одно за другим, требуя от полицейских напряженной работы», а в Вяземскую лавру даже с «обходом», то есть группе полицейских, отправляться было небезопасно. Несколько легче работать было летом, поскольку криминогенная часть населения «выежала» в окрестности. Путилин наряжался то бродягой, то простым мужиком, то есть менял костюмы, для того чтобы смешаться с толпой для раскрытия преступлений.

Лавра была ликвидирована в 1913 году. Вот что писали по этому поводу в прессе: «Минувшей весной окончил свое печальное существование знаменитый „Стеклянный флигель“ в д. Вяземского, известный еще со времени „Петербургских трущоб“ Крестовского. Флигель этот длиною около 50 саж. вмещал около 1500 человек одних зарегистрированных жильцов и состоял из двух жилых этажей на нежилых подвалах; к нему примыкала галерея, когда-то стеклянная, но от стекол ее не осталось и воспоминаний. Свод над галереей первого этажа имел сплошную продольную трещину; поддерживающие галерею столбы – полуразрушены, с вывалившимся цоколем и кирпичом у оснований. Галерея второго этажа имела деревянное перекрытие и на нее выходили двери квартир, переполненных жильцами – угловыми и „на нарах“, причем переходы из квартир на галерею были окружены лишь перегородками с деревянными перекрытиями и с деревянными же чуланами, заключавшими в себе всякий скарб. Высота внутренних помещений была от 3 до 3 ³/₄ аршин. Печи почти всюду отсутствовали, лишь кое-где существовали остатки плит. Отоплялись помещения чугунами с железными от них рукавами, протянутыми через все помещение под самым потолком – неоштукатуренным и лежали непосредственно на дощатых, также неоштукатуренных перегородках!

В подобных квартирах комнаты сплошь и рядом отдавались проституткам низшего разбора, среди коих встречались и малолетки – девочки 13, 14 лет. На весь флигель было только две лестницы еле державшихся; в пристройках, имевших также выходы на галерею, помещались общие отхожие места, где под рундуками были отверстия, в которые смело мог при падении провалиться человек. Экскременты в пролетах выгребных ям доходили до уровня второго этажа; в одной из построек, рядом с отхожим местом, находилась рыбокопильня.

Под жилыми помещениями, в подвалах, были склады тряпья и бумаги, собираемых тряпичниками по дворам.

В настоящее время флигель этот, как угрожающий общественной безопасности, на основании ст. 404 Уст[ава] Строительного] – для жилья закрыт. И, прибавим, давно пора было это сделать.

Так закрыты по своей ветхости и находившиеся в том же дворе каменные одноэтажные бани».

На своем участке хозяева собирались построить рынок. Однако ранее уже говорилось, что этот проект не был реализован из-за начавшейся в 1914 году войны, удалось выстроить только подвалы-ледники, и поныне законсервированные под асфальтом Сенного рынка.

Торговля на сенной

Как уже говорилось, правила торговли были установлены в разработанном при Екатерине II первом Городовом положении. Императрица разделила торговлю на категории, то есть по видам товара, что «облегчило производство торга для оптовиков, мелких промышленников и обывателей». Так, «на Сенной площади продавали овощи, зелень, фрукты, мясо, битую дичь; торг живостью – телята, быки, куры – на Обуховской площади». На Никольской площади продавались оптом фрукты и овощи. На Никольской и Обуховской площадях со временем сосредоточилась оптовая торговля. «Сенная площадь – главный центр розничной торговли, куда товар поступал с первых двух площадей». Позднее торговля скотиной была переведена на Скотный двор, лошадьми – на площадь невдалеке от Александре-Невского монастыря.

В начале XIX века продовольствие поступало на Сенную площадь не только из Москвы и окрестных деревень, но и из отдаленных губерний южной и средней России.

Историк А. И. Томилин оставил нам описание торговли и торговцев на Сенной в конце 1840-х годов. Он сообщал о множестве различных лавок в окружавших площадь домах. Но основной торг производился под открытым небом, без платы за места. В эти годы по-прежнему сохранялись торговые дни. Это были воскресенье, среда и пятница. Ассортимент и количество товара напрямую зависели от сезона и праздников. Но «старшейший» товар – сено, которое везли не только из окрестных деревень, но даже из отдаленных, например из Новгорода, доставлялся на Сенную площадь круглогодично, а зимой особенно интенсивно.

Особый интерес в те времена у жителей Северной столицы вызывали торговцы-евреи, представлявшие собой экзотическое зрелище. «Эти переселенцы с ближнего востока облюбовали Сенную и заселили поблизости целые кварталы. Черноволосые, черноглазые, шумные они носили пестрые восточные балахоны и необычные пейсы». Такая экспансия в торговлю объяснялась тем, что их деятельность как иностранных граждан не облагалась подоходным налогом. По словам А. И. Томилина, «когда состоялось положение о евреях, согласно которому они обязывались уплачивать пошлину от своей деятельности, они покинули Сенную площадь».

В 1850-1860-х годах о Сенной площади периодически писали петербургские газеты.

Газета «Воскресный досуг» за 1864 год сообщала о Сенной площади, что она есть «обман для несведущего, потому что сена там не найти». Прошло всего два года после грандиозного пожара, уничтожившего строения Сенного рынка, когда в 1864 году Городская дума приступила к рассмотрению первых проектов нового рынка. Впереди было еще почти двадцать лет ожидания, соперничества, споров, а пока площадь делилась на две половины «той линией, где виден ряд фонарных столбов. Это идет улица Большая Садовая, одна из главных петербургских жил, по которой течет густой вереницей трудящийся и промышленный люд. Правая сторона, та, где церковь была заполнена наспех сколоченными лавочками, балаганчиками и навесами. В левой, свободной от построек, останавливались возы окрестных жителей, которые доставляли на площадь «съестные припасы». Зимой это мясо, рыба в санях, пересыпанная снегом. Летом они везли сюда зелень и ягоды.

Ближе к домам правой стороны теснился так называемый „обжорный“ ряд. Там, главным образом старухи, торговали дешевой провизией для простонародья, изготовлявшейся тут же в Вяземской лавре. У Обуховского проспекта толпились рабочие для найма на поденную работу».

Пресса не обходила вниманием особый мир этой площади. Так, «Иллюстрированная газета» за 1859 год попыталась сделать кое-какие обобщения: «Петербургские площади делятся на церковные, парадные и торговые». К числу последних отнесена Сенная площадь. «Тут нельзя увидеть иностранного товара, тут

все русское, и самая Сенная может почитаться отдельным маленьким городом с особенным народонаселением, своими привычками и разговорами. У этого народа есть своя церковь Спаса на Сенной», а расположенный на площади рынок «можно сказать в таком смысле народный рынок, ворочает сотнями тысяч, и без него Петербург потерял бы очень много».

Сенная площадь «с окружавшими ее домами – целый многолюдный город со своими нравами и обычаями, которые не всем известны и которые разрушать не всякому легко, а может быть, и не всякому приятно погрузиться в них до дна».

Река Фонтанка вблизи от Сенного рынка. Фото К. Буллы

Замечательно описал Сенной рынок и торговлю на нем в конце 1880-х годов литератор и краевед А. А. Бахтиаров. Никто лучше, чем он не изобразил этой неповторимой картины, поэтому читателю она представлена в оригинале.

В это время торговля на Сенной производилась ежедневно во вновь отстроенных павильонах, оснащенных по последнему слову техники, санитарии и организации рынка.

“Как известно, огородничество сосредоточивается преимущественно около больших городов, например, количество продуктов, получаемых ежегодно из огородов в окрестностях Парижа, оценивается в 5 000 000 франков.

Здесь небезынтересно упомянуть о шампиньонах, культура которых в Париже производится в обширных размерах. В некоторых каменоломнях подле Парижа, откуда уже перестали добывать камень, разводят шампиньоны; каменоломни бывают весьма обширны, так что в них легко можно проехать рабочей телеге. Отдаются они в аренду по высокой цене. Так, например, за пространство в 45 кв. м, на котором устроены шампиньонные гряды, производитель платит 6000 франков в год. Количество же сбора шампиньонов с указанного пространства нередко простирается до 120 пудов в день, что продолжается от двух до пяти месяцев.

В Петербурге большинство огородов арендуется ярославскими крестьянами, некоторые издавна стяжали себе славу на этом поприще; особенно между ними славятся ростовцы, известные по все России.

Всего в Петербурге насчитывается до 500 огородников-хозяев, которые арендуют несколько тысяч десятин земли. Вокруг столицы верст на 25 раскинуты огороды, и площадь под огородами далеко превышает собою площадь, занимаемую Петербургом. Арендная плата колеблется от 100 до 3200 рублей за десятину и даже доходит до 10–15 копеек за одну квадратную сажень. Заработная же плата невысока: поденщики получают на огородах от 15 до 30 копеек. Весною, по воскресным дням, огородники стекаются на Никольский рынок для найма рабочих. Так называемые „копали“ нанимаются копать гряды: они работают задельно по 9—10 рублей со ста гряд. Всякий более или менее солидный огородник насчитывает у себя до 10 000 гряд. С января месяца начинается набивка парников; навоз покупается в кавалерийских казармах. Каждому эскадрону платится по 200 рублей в год, так что воз навоза обходится в 10 копеек, не считая провоза. Некоторые огородники за один только навоз платят свыше 1000 рублей.

Осенью, в августе и в сентябре, все огороды столицы бывают переполнены мелочными торговцами и зеленщиками, которые закупают овощной товар для заготовления его впрок на зиму. Нередко закупка товара происходит в то время, когда еще он бывает на корню. Для оптовых покупателей капуста, например, продается от 2 до 3 рублей с гряды, причем в каждой гряде насчитывается от 40 до 50 кочанов. Отмежевав известное количество гряд, зеленщик втыкает в каждую грядку ярлычок с обозначением своей фамилии.

Придерживаясь пословицы, что всякому овощу – свое время, торговцы за «первую зелень» назначают цену „по совести“, например, за десяток огурцов 1 рубль, за фунт „сарайных“ вишен – 2 рубля и т. п. В это время каждая рама парников дает от одного до трех рублей дохода.

Зеленной ряд имеется на Сенном рынке. Уже с вечера огородники упаковывают зелень в возы, чтобы к утру успеть на рынок. Пока обыватели столицы еще спят, из окрестностей Петербурга уже тянутся многочисленные обозы: немцы-колонисты везут картофель, чухны – рыбу, чухонское масло и молоко, огородники – зелень. Все это ни свет, ни заря сосредоточивается около Сенного рынка, на Никольской площади, где и производится так называемая возовая торговля. Некоторые торговцы, чтобы занять повыгоднее позицию, приезжают с товаром даже с вечера, часов в 10.

Дюжие ломовики с громоздкими возами стоят сплошными рядами в несколько сот сажень. Возы не распаковываются: но чтобы показать в каком возу какой товар, перед каждым возом на земле лежит проба этого товара, например связка лука, пучок моркови и т. п.

Во втором часу ночи на Никольскую площадь стекаются мелочники и зеленщики со всего Петербурга. Но торговцы с Сенного рынка занимают первое место.

К сведению публики, на площади, от Городской думы вывешены правила относительно возовой торговли.

1. К торгу с возов допускаются сельские и городские обыватели с предметами собственного хозяйства и кустарных промыслов, а также городские и пригородные огородники.

2. Торг производится исключительно с возов, которые ставятся в правильные ряды.

3. Торг с возов оптом и в розницу начинается в 4 часа утра и продолжается до 12 часов пополудни.

За право торговли взимается по 5 копеек с каждого воза.

В самом разгаре овощного сезона бывают дни, когда количество возов на Никольской площади простирается от 500 до 1000.

Дородные краснощекие зеленщики в белых передниках безукоризненной чистоты расхаживают около рынка в ожидании открытия торга. Чтобы раньше времени нельзя было проникнуть в овощные ряды, вход в рынок замкнут цепью. Но вот на ближайших городских часах пробил 2 часа – взвился красный флаг, и торжище открылось <...>

Торговцы то и дело бьют друг друга по рукам.

Спустя несколько времени (каких-нибудь полчаса) весь овощной базар бывает распродан преимущественно торговцам Сенного рынка.

Потирая от удовольствия руки, зеленщики возвращаются к своим лавкам. Ломовики с овощным товаром с Никольской площади подъезжают к Сенному рынку, который часам к 4 бывает со всех сторон окружен возами. В 4 часа приходит ключарь и открывает Сенной рынок. В это время и производится выгрузка овощного товара с воза огородника в лавку торговца. Таким образом, обыватели столицы разную зелень покупают из вторых рук, так что ни одного огурца не пройдет мимо рук зеленщика. Маклаки и барышники скупают все и ночью складывают товар в свои лавки. Императрица Екатерина II, установив „возовую торговлю“ на Сенном рынке, имела в виду, чтобы обыватель столицы за дешевую плату мог купить свежую провизию прямо с воза крестьянина или огородника: торговля производилась в розницу и оптом. В настоящее время торговля на Сенном рынке имеет совсем иной характер: между потребителями и производителями появились посредники, которые наживаются за счет обывателя. Огородники привезенный товар распродают не по мелочам, а оптом, возами. Ясно, что при таких условиях обыватель по необходимости принужден иметь дело с маклаками. К тому же и сама торговля овощами производится по ночам, чтобы предупредить покупателя. Как велики барыши, получаемые маклаками Сенного рынка, можно судить по тому, что за одни только стены рынка они платят городу арендной платы свыше 200 000 рублей в год.

Рынок, построенный из камня и железа, представлял три огромных корпуса со стеклянными крышами, которые вмещали около 500 лавок и где продавался товар от воробьев по 5 копеек за десяток до огромных свиных туш из тамбовской губернии, живая в специальных бассейнах и мороженая рыба, огромное количество зелени, овощей и фруктов. Занятых торговлей на рынке ежедневно насчитывалось до 2000 народа. Для соблюдения внешнего порядка и чистоты на рынке торговцы избирают из своей среды старосту, на обязанности которого лежит хранение ключей от рынка. Кое-где на стенах рынка вывешены печатные правила, касающиеся торговцев, например: держать в чистоте прилавки, на которых лежит мясо, иметь весы точные, гири клейменные и т. п.

Сенной рынок славится мясным, рыбным и зеленым рядами. Над входом каждого ряда прибита вывеска с соответствующей надписью. В 6 часов утра зеленой ряд бывает уже нагружен овощным товаром. Войдя в зеленый ряд, увидите направо и налево всевозможных представителей русского огорода. На полках расставлены многочисленные корзины с салатом, спаржею, цветною капустою, стручками, бобами; на полу – холщовые мешки с картофелем, репой, брюквой, в углу навалена капуста.

Огромное количество овощного товара привозится из-под Москвы и Твери. В июле месяце по Николаевской железной дороге ежедневно приходит в Петербург от ста до ста пятидесяти вагонов московских огурцов, которые здесь продаются копеек по 20 за сотню. Сенная бывает буквально завалена огурцами, огромными кучами они лежат прямо на земле.

В окрестностях города по дачам, разъезжают „на крик“ торговцы с огурцами, капустою, луком, картофелем и прочею овощью. На улицах столицы, на панелях, стоят тысячи разносчиков с ягодным товаром на лотках, и торг идет на славу.

В мясном ряду, в видах гигиенических, стены лавок обиты цинковыми листами. Все лавки загромождены мясными тушами, подвешенными за задние ноги, на крючьях, капли крови, стекая, падают в деревянные опилки, нарочно насыпанные на полу.

На прилавках лежат кучи „легких“ и „печенок“, переливающихся темно-красными цветами. Точно живые, с открытыми глазами, висят вниз головой сотни замороженных зайцев, которых тысячами привозят

новгородские крестьяне, продавая по пятьдесят копеек за пару. На полках, вытянув ноги вверх и свесив вниз голову, лежит, завернутая в бумагу, разная дичь, тетерки, рябчики и т. п. В корзинах правильными рядами лежат ощипанные и замороженные воробьи, свистели и дупеля. Нередко в одной корзине насчитывается до 1000 штук воробьев, которые продаются по 5 копеек за десяток. Тут же можно найти ощипанных голубей, которых продают под именем „пижонов“. Под лавками стоят огромные корзины с гусиными потрохами: отрезанная голова и гусиные лапки тщательно завязаны и продаются отдельно от гуся. Целые стада замороженной свинины расставлены на полу. На каждой свиной туше, на коже вдоль позвоночника, сделан надрез, чтобы показать толщину жирового слоя. Свинина привозится в Петербург из хлебобродных губерний, например, из Тамбовской, где обыкновенно свиней откармливают на барде (барда – картофельная, зерновая гуща, идущая на корм скоту. – *Прим. авт.*). В столице главные потребители свинины – пригородные чухны, большие охотники до свиного жира.

Не говоря уже об окраинах столицы, на Сенной рынок приезжают за покупками мяса из окрестных деревень.

Ежедневно по утрам происходит страшная толкотня. В это время все лавки битком набиты покупательницами, с корзинками в руках слоняющимся из одной лавки в другую: производится закупка дневной провизии. Мясники в белых передниках, в кожаных нарукавниках. На широком кожаном поясе висит вложенный в ножны мясничий нож для разрубки говядины. Посреди лавки – огромная деревянная тумба, на которой производится разрубка мяса; тут же лежит топор. Каждый торговец заманивает покупателя в свою лавку. Едва покажется прохожий, как раздаются голоса с предложением услуг, так что крики торговцев не умолкают ни на минуту <...>. Торгуются горячо из-за каждой копейки, ибо торговцы, придерживаясь пословицы, что спрос в карман не лезет, заламывают цену втридорога.

Если покупатель опытный и уходит из лавки, ему кричат вслед: – Вернитесь, уступлю! – Какая ваша цена?

По вечерам на Сенной рынок приходят содержатели всевозможных кухмистерских и ресторанов. Как известно, кроме русских кухмистерских в Петербурге имеется немало других, например немецкие, греческие, чухонские и даже татарские. Обитатели меблированных комнат – самые надежные посетители этих злополучных кухмистерских, где за 30 копеек можно получить обед „с третьим блюдом“.

Любопытную картину представляет рыбный ряд, особенно зимою. Здесь собраны всевозможные обитатели многочисленных рек, озер и морей нашего обширного отечества, начиная от ничтожного белозерского снетка и кончая волжскою стерлядью. Куда ни посмотришь, всюду видишь кучи снега: на полу, на полках, в корзинах и т. д. В том снегу сохраняется мороженая рыба. Груды судаков, уложенных в снег, громоздятся почти до самой крыши: рыба уложена слоями, в горизонтальном направлении. На полках – копченые сиги и серебристая семга с ярко-красным разрезом. В бочонках – маринованная минога с перцем и лавровым листом. На полу стоят особые водоемы; тут плавают разная живая рыба: окуни, щуки, ерши, угри и даже раки. Живую рыбу продают на вес – вытаскивают из воды и прикидывают на весы по фунтам. <...>

Торговцы посылают в провинцию скупщиков для закупки раков. Каждый скупщик успеваает переслать за лето до тысячи корзин раков, по четыреста штук в одной корзине. Раки перекадываются в корзине мхом и могут быть в дороге не более пяти дней. Скупщики отправляются, например, в Финляндию, на озера, где ловля раков начинается 1 июля. Чухны доставляют в Петербург до 120 000 000 раков, цены на которые колеблются от 50 копеек и до 3 рублей за сотню. Во всяком ресторане непременно подают и раков.

Особенно много покупателей в рыбном ряду бывает в Великий пост, когда большинство обывателей столицы переходит на рыбный стол. В это время и разносчики торгуют главным образом мороженой

рыбой, преимущественно судаками, которую они развозят на себе, в маленьких санках.

Летом физиономия рыбного ряда несколько изменяется: вместо мороженой рыбы производится торговля фруктами. Правильными рядами расставлены корзины с яблоками, грушами, дынями, вишнями, садовой земляникой и т. п.

Сенной рынок питает собою несколько производств, например, коптильщики коптят рыбу для рыбных торговцев.

Особенного внимания заслуживает плетение корзин: ежегодно на рынок требуется на 100 000 рублей корзин разной величины. Громадный спрос на корзины бывает преимущественно в летнее время. Фрукты, ягоды и разная зелень укладываются в корзинки, которые целыми сотнями устанавливаются на полках каждой лавки. К тому же покупатель, купив два-три фунта продукта, требует непременно, чтобы его покупку упаковали в корзинку. Наиболее крупные производители корзин приютились около Сенного рынка. Например, один из них выделывает до пятисот тысяч корзин в год. Обыкновенно мастер при помощи ножа в состоянии сплести сто корзин в день. Корзины плетутся из сосновой драни, которая щеплется из сосновых бревен. Так называемые „овощные корзинки“ продаются по 80 копеек за сотню.

Нищие бродят на Сенном рынке целыми толпами: старики, женщины и дети. Торговцы не отказывают и подают „натурой“ – кто мяса, кто рыбы, кто зелени. Подойдя к какой-нибудь лавке, нищий раскрывает свою суму и стоит в ожидании, пока не подадут <...>.

Купец берет в руку какие-нибудь обрезки мяса, бросает в кошель нищего, и тот идет дальше, в соседнюю лавку.

Монахини ходят с книжкой в руках и собирают деньгами. Подойдя к лавке по два или три человека, монахини низко кланяются хозяину: „Смилуйтесь для обители святой!“

Купец берет с выручки нарочно наменьянной на этот случай мелкой разменной монеты и наделяет каждую монахиню по копейке. Монахини творят крестное знамение: „Господь вас спаси и помилуй!“ и уходят в следующую лавку. По вечерам нищие просят на ночлег <...>.

Ежедневно около полудня производится сбор пожертвований натурой в пользу ночлежного дома.

Ночлежный приют, находящийся около Сенной рынка, продовольствуется за счет этого рынка. Ежедневно по утрам отправляется из приюта один из ночлежников за провизией на рынок; он надевает на плечи глубокую плетеную корзину на ремнях и с нею обходит все ряды Сенного рынка. На корзине имеется надпись: „В пользу ночлежного дома“. Корзина разделена на два отделения с надписями: „для мяса“ и „для зелени“. Большая часть торговцев Сенного рынка жертвует в пользу приюта. Зато остальные, напротив, смеются над жертвователями».

Невольно напрашивается сравнение с современным нашим рынком – праздничная атмосфера старого резко контрастирует с цинизмом сегодняшнего.

Весной Сенная площадь словно расцветала – на ней в огромных количествах продавали цветочную и овощную рассаду, которая превращала площадь в живой ковер. Эта традиция сохранялась вплоть до конца XX века, несмотря на то что рынок находился на территории бывшей Вяземской лавры и назывался Октябрьский колхозный рынок. Прилавки деревянных рядов и промежутки между ними были сплошь уставлены ящиками с рассадой, которую на ночь укрывали марлей от весенних заморозков. Даже сейчас весной к воротам Сенного рынка, характер которого изменился до неузнаваемости, привозят саженцы и рассаду – так глубоко уходят корни народной памяти.

Часть третья

Сенная площадь в генеральном плане социалистического Ленинграда

Октябрьский переворот 1917 года оказался роковым для России, для ее культуры – в стране начались коренные и необратимые перемены.

В 1924 году бывший Санкт-Петербург, а с 1914 года Петроград, перестал быть столицей России и переименован в Ленинград. Подверглись массовому переименованию городские улицы, площади, города, да и сама страна получила новое наименование.

Новая власть меняла идеологию, мировоззрение народа, экономические отношения. Она ломала даже привычный жизненный цикл – традиционные семидневные недели сменили пятидневки и шестидневки. Власть взяла на себя функции по регулированию всех сфер жизни человека, в том числе и рынка как такового, будь то торговля, культура, промышленное или сельскохозяйственное производство. Она уничтожила институт частной собственности и тем самым постепенно стала ликвидировать ответственность граждан за свою страну и их творческую инициативу, что в свою очередь, вело к культурному обнищанию.

Вскоре после захвата власти большевиками был принят декрет об отделении церкви от государства, и в 1919 году из храмов изъяли метрические книги. В 1922 году издан еще один декрет – об изъятии церковных ценностей в помощь голодающим. По стране прокатилась волна протестов. С 18 по 22 марта этого же года в Петрограде были арестованы двадцать четыре человека как «лица, препятствующие предварительной работе по организационной подготовке к изъятию церковных ценностей». Среди них оказались два священника, остальные – торговцы с Сенной площади. Митрополит Петроградский Вениамин в проповеди 10 апреля 1922 года призвал верующих «успокоиться и передать себя в волю Божию». Из Успенской церкви на Сенной было реквизировано 44 пуда и 2,5 фунта серебра.

Только 1/5 реквизированных у российской церкви ценностей пошла на помощь голодающим, остальное – на оборону новой власти.

В этот период набрало силу реформаторское движение обновленчества, возникшее в Русской православной церкви в 1905 году. Оно пропагандировало упрощение церковного ритуала, переход с церковно-славянского языка на русский, обновление церковной морали, закрытие монастырей и многое другое. Часть духовенства, пытаясь приспособиться к новым условиям, примкнула к обновленцам. Так, несколько петроградских священников без разрешения и благословения Патриарха приняли назначение во

вновь образованное Высшее церковное управление в Москве. На путь обновленчества вступил и приход церкви Спаса на Сенной, благодаря чему в 1923 году церковь стала собором.

В 1935 году архитектором Л. А. Ильиным совместно с В. А. Витманом, В. В. Даниловым, Е. А. Катониным и Л. М. Тверским был создан новый генеральный план Ленинграда. В нем прежде всего обращает на себя внимание четкая система улиц и площадей и транспортных связей в виде нескольких пересекающихся диагональных трасс. Значительно преобразовывались окраины города, создавался новый протяженный с запада на восток центр, представляющий систему новых ансамблей.

Однако в 1938–1939 годах произошли события, многое изменившие. В 1938 году по инициативе председателя исполкома Ленинградского городского совета А. Н. Косыгина, до этого занимавшего пост заведующего промышленнотранспортным отделом Ленинградского обкома ВКП (б), был поставлен вопрос о строительстве в Ленинграде метрополитена.

В это же время изменилась система руководства архитектурно-градостроительным процессом. Была учреждена новая номенклатурная единица – главный архитектор города. В Ленинграде им стал Н. В. Баранов, ученик Л.

А. Ильина. Генплан подвергся значительным изменениям, все внимание было сосредоточено на трассе Международного (Московского) проспекта. Из ильинских идей исчезло главное – столь необходимые большому городу транспортные артерии.

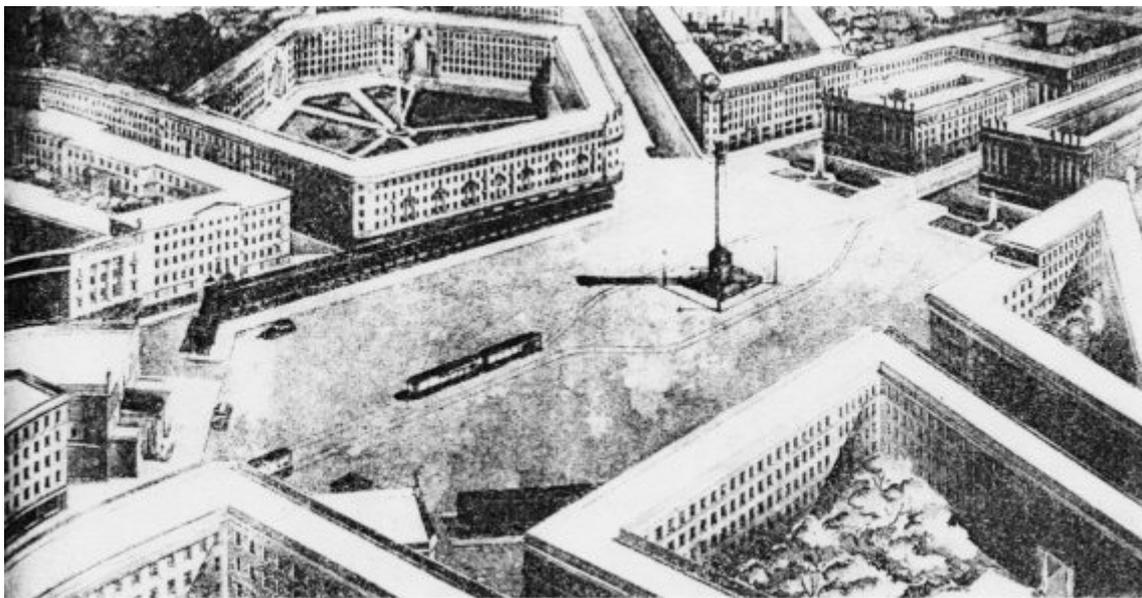
Разработанная схема размещения станций первой линии метрополитена была «привязана» к основным транспортным узлам и вокзалам – это современная площадь Восстания с расположенным на ней Московским вокзалом, а также Балтийский, Финляндский, Витебский вокзалы. Вторая линия задействовала трассу Международного проспекта, где также были намечены места станций, и одно из них – на Сенной площади.

Переработанный генплан предполагал активную реконструкцию Ленинграда, создание новых ансамблей, развитие и дополнение уже сложившихся. В первую очередь это коснулось Обуховской и Сенной площадей, так как именно им было предназначено стать соединительным звеном между старым и новым, социалистическим, Ленинградом, который формировался в южном направлении вдоль Международного проспекта.

В монографии о Н. В. Баранове сообщается, что главный архитектор Ленинграда «не мог предусмотреть акт вандализма – бессмысленный снос в 1961 году уникальной <...> Успенской церкви». Он поставил новую доминанту на середине площади, потому что считал это правильным – «предложение главного архитектора установить колонну-монумент на осях Московского проспекта и Садовой улицы и сегодня представляется совершенно оправданным».

Журнал «Архитектура и строительство Ленинграда» в 1939 год опубликовал проект реконструкции Сенной площади Н. В. Баранова, А. И. Наумова, А. Н. Федотова. В сопроводительной статье говорится, что «основная обстройка площади относится к концу XVIII века, но архитектурные напластования XIX века совершенно исказили облик всей площади, не дав по существу ничего цельного, за исключением гауптвахты Беретти». Реконструкция предусматривала сохранение гауптвахты и перестройку церкви с оформлением ее фасадов «pendant, портику Беретти» и решением противоположной стороны площади а la Rossi. В проекте на месте Успенской церкви изображен большой кубический объем, едва прикрытый портиком, – все, что должно было остаться от Успенской церкви. На пересечении осей Международного проспекта и улицы 3-го Июля (так называлась Садовая улица) установлена колонна, похожая на Александровскую, а по периметру площади предложен патетичный ампир. Реконструкции подвергались и прилегающие к площади кварталы. Безусловно, трудно поверить, чтобы главный архитектор такого города,

как Ленинград, получивший два классических архитектурных образования, по своей воле стремился к уничтожению не просто церкви, а важнейшего композиционного и градоформирующего элемента Петербурга, тем более что он «рассматривал Сенную площадь как важное звено в системе площадей городского центра».

Н. В. Баранов, А. И. Наумов, А. Н. Федотов. Проект реконструкции Сенной площади. 1938 г.

В 1938 году были подготовлены документы для закрытия храма. Одиннадцать колоколов общим весом 1200 пудов были сданы в Госфонд еще в 1933 году и, вероятно, пошли в переплавку. Храмовые иконы в 1936–1938 годах передавались в Спасо-Преображенский собор и в городские музеи. 12 апреля 1938 года решением Леноблисполкома церковь Успения Божией Матери на Сенной площади выведена из-под охраны государства и исключена из числа памятников. Очевидно, что уже тогда на этом месте предполагалась станция метрополитена и церкви Успения предназначалось разделить судьбу многих храмов России.

Учитывая то, что Н. В. Баранов не стал торопиться с осуществлением проекта в части сноса церкви Успения, становится понятно, что он не был свободен в своем выборе и колонна должна была компенсировать предстоящую утрату. Церковь не была снесена ни во время довоенной реконструкции, ни в течение многих лет после войны. Кроме того, Н. В. Баранов сделал то, за что безуспешно боролись архитекторы XIX века, – «раскрыл» площадь, освободив ее от торговых корпусов. При этом вопреки распространенному мнению, что корпуса были просто разрушены, он сохранил металлические конструкции торговых павильонов. Фермы использовали для строительства Калининского рынка, где они сохраняются по сей день, правда, основательно закрытые гипроком. Возможно, он пытался принять некие меры по спасению церкви в 1961 году, когда приезжал в Ленинград с министерской комиссией, но в монографии об этом не сообщается.

Уже в 1939 году началась реконструкция застройки периметра Сенной площади. Она проводилась не по журнальному проекту, воплощение которого требовало огромных средств, а отдельными домами. Так, по проекту архитектора С. Е. Катонина произведена надстройка до пяти этажей трехэтажного дома на углу Горсткиной улицы, «убогий дом № 5 надстраивается по проекту архитектора Я. Е. Ладыженского и получает архитектурное оформление. Разрывы между домами заполняются аркой, образующей ворота». Дом украшен фронтонами, один из них на углу Сенной площади и Демидова переулочка замкнул перспективу

Международного проспекта. В 1940 году планировалась отделка фасадов домов. Площадь оказалась свободной.

В сентябре-октябре 1940 года для зеленого оформления площади из аллеи у Федоровского городка в Пушкине были выкопаны семьдесят лип в возрасте пятидесяти лет и пересажены на Сенную площадь. Такой способ озеленения трудоемок и дорог, требует большой тщательности, но является самым эффективной мерой озеленения, хотя обычно деревья болеют и бо́льшая их часть погибает. Опыт на Сенной оказался самым удачным. Первая очередь реконструкции была завершена уже в 1950-е годы в гораздо более скромном варианте, чем предполагалось. Церковь пока удалось сохранить.

Пожалуй, этот краткий период с 1938 по 1961 год можно назвать временем расцвета Сенной. Открытое пространство площади, окруженное преимущественно классическими фасадами, подведенными в основном под одну высоту, и рядами лип с округлыми кронами вдоль ее длинных сторон, ориентировано на главную архитектурную композицию площади – полуразвернутые к ней здания с одинаковыми портиками огромной церкви и маленькой караульни. Если бы не одно «но» – площадь превратилась в молчаливое пространство...

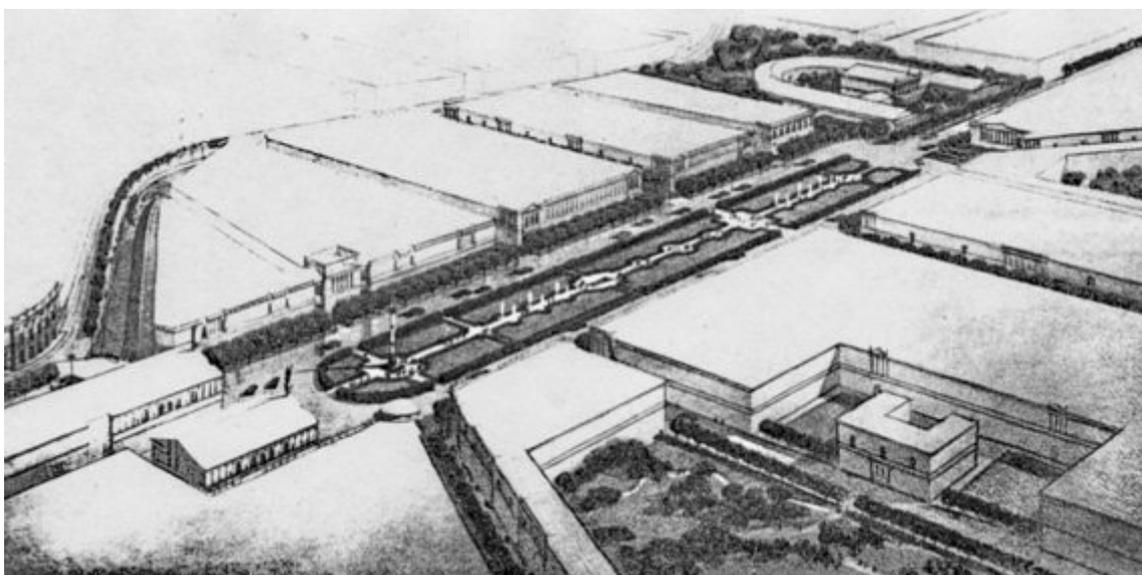
Площадь Мира

С 15 декабря 1952 года Сенная стала носить название «площадь Мира». Это был своего рода знак начала нового этапа в жизни города и, конечно, площади.

В 1952–1953 годах проходил конкурс на реконструкцию Московского проспекта, носившего с 1950 по 1956 год имя И. В. Сталина. Задачами конкурса являлись:

- разработка въезда на проспект со стороны Киева и Москвы;
- предложения по решению улиц, примыкающих к проспекту;
- предложения, которые бы «помогли достичь органической связи системы ансамблей, создаваемых вдоль проспекта, с системой ансамблей, сложившихся в старом центре города».

Фактически это был новый генеральный план, предусматривавший не только создание нового оформления проспекта им. И. В. Сталина, но и грандиозную реконструкцию исторической ткани Петербурга.

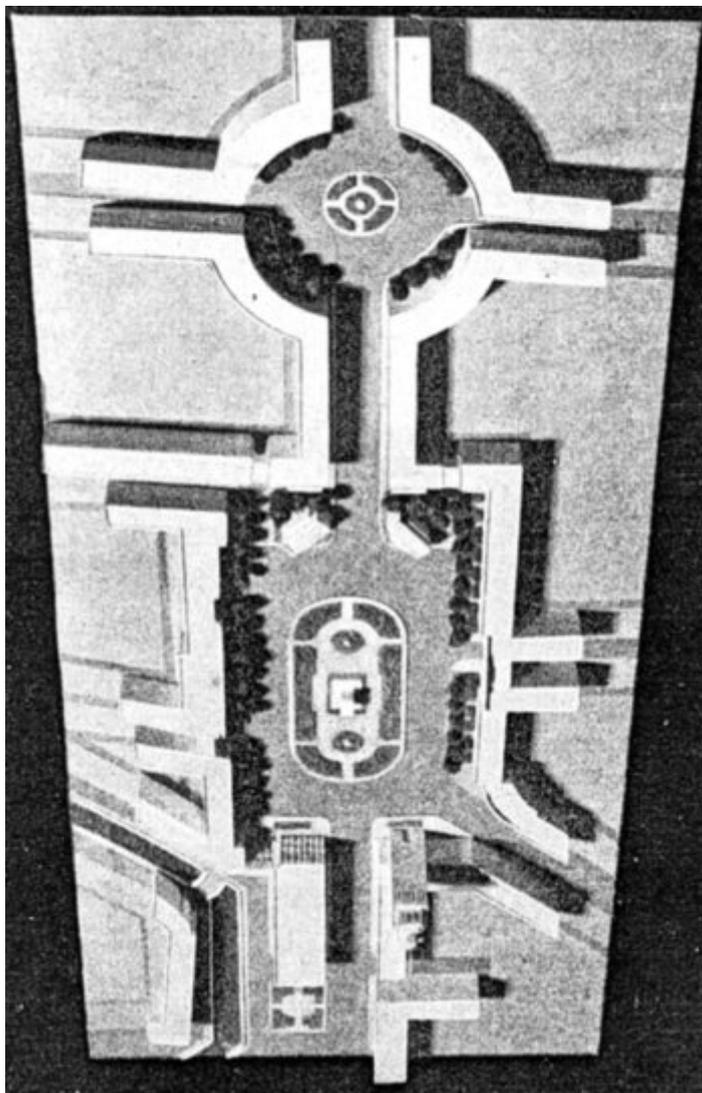
Реконструкция площади Мира. Конкурсный проект 1953 г.

Смелость и решительность авторов, а также широкий градостроительный подход вызывают ассоциации с предложениями по реконструкции Петербурга инженера Ф. Е. Енакиева и архитекторов Л. Н. Бенуа и М. М. Перетятковича, подготовленными еще в 1910-е годы. Их различают цели и задачи. Если архитекторы начала века стремились разработать столь важную для большого города транспортную схему города, то их коллеги спустя почти полвека должны были создавать являвшуюся самоцелью систему новых символов власти.

Проекты отличаются свойственным эпохе размахом, грандиозностью и бесцеремонностью, которая диктовалась новой идеологией, ставящей задачу смены приоритетов и обозначение их новыми архитектурными акцентами. Кроме задачи создания альтернативы старому городу в виде новой парадной магистрали большое значение придавалось развитию и реконструкции Садовой улицы и площади Мира, соединению проспекта им. И. В. Сталина через площадь с историческим центром Ленинграда.

Первую премию получил проект под девизом «Содружество» (руководители проекта – член-

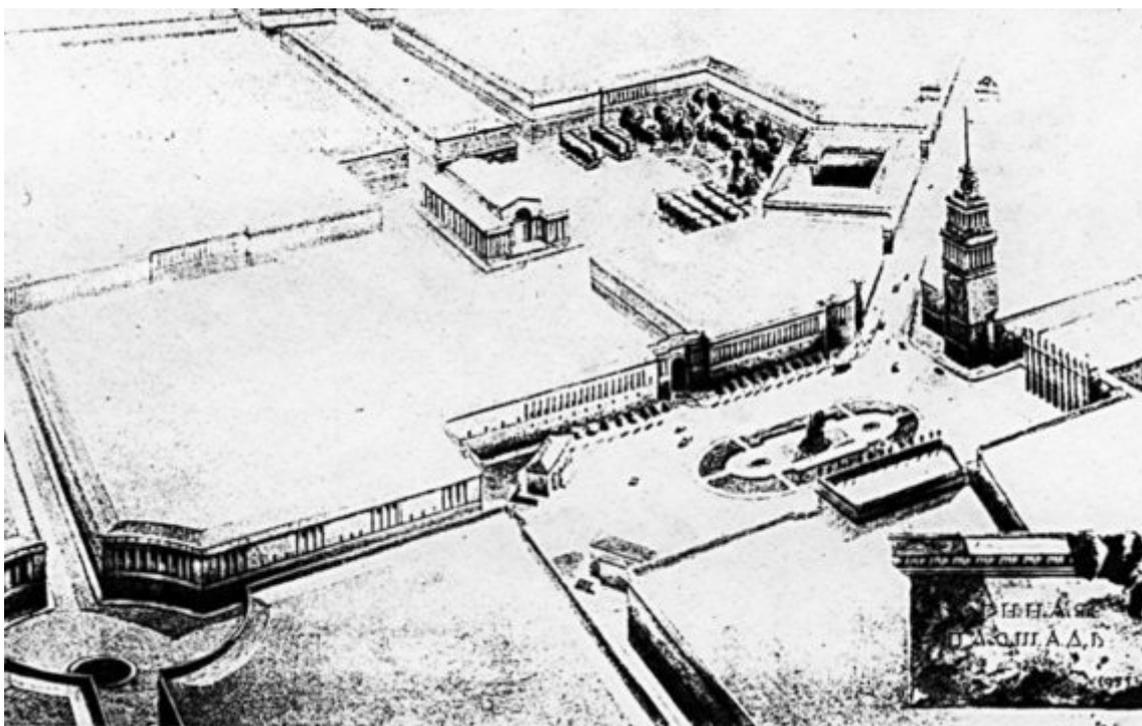
корреспондент Академии архитектуры СССР профессор В. А. Витман и кандидат архитектуры О. И. Иванова, авторы – А. Д. Бочаров, Г. А. Байков, В. И. Калмыков, Г. А. Оль, Л. К. Панов, Н. В. Устинович, Л. Л. Шретер, Н. А. Яковлев, Т. В. Римская-Корсакова при участии Ю. М. Данилова). Авторы предложили остроумную идею создания еще одного проспекта – имени В. И. Ленина, идущего параллельно проспекту И. В. Сталина. Первый становился продолжением проспекта Майорова (Вознесенский пр.). Проспект И. В. Сталина через площадь Мира соединялся вновь пробиваемой улицей с Исаакиевской площадью. Таким образом, очевидно, выражалась идея преемственности и развития революционной традиции.

Реконструкция площади Мира. Конкурсный проект 1953 г. (девиз «Меридиан»)

Две вторые премии разделили проекты под девизом «Наш город» (авторы – член-корреспондент Академии архитектуры профессор И. И. Фомин, архитекторы Б. Н. Журавлев, С. Б. Сперанский, П. А. Арешев, В. В. Васильковский, соавторы – Е. Ф. Владимирова, А. Ф. Всеволожская, В. А. Зотов, В. В. Исаев, Ю. К. Покровский, Н. Г. Сваричевский, В. Э. Струzman, В. А. Сохин, С. А. Ушаков, Н. Н. Федорова) и «Ленинград» (авторы – архитекторы А. В. Васильев, Д. С. Гольдгор, А. И. Гордеев, Н. М. Захарьин, И. Н. Прасолов, Р. Е. Хусид, соавторы – А. В. Аланин, К. Н. Емельянов, А. Н. Корнилов, В. В. Лапкин, В. В. Пиркер, И. В. Райкин, Е. К. Ушакова, А. В. Шприц). Они также предлагали создание нового проспекта, развитой уличной сети. Сенная площадь, или площадь Мира, оформлялась как рекреационное пространство со сквером в

середине. Проектная группа под девизом «Ленинград» развила бывшую Сенную площадь вплоть до Апраксина переулка, превратив ее в грандиозную эспланаду.

Архитектурный конкурс 1953 г.

Проект реконструкции площади Мира, (девиз «Меридиан»)

Среди третьих премий один из проектов трактовал площадь Мира как транспортную развязку в виде круга со сквером в центре.

Лишь одна проектная группа под девизом «Меридиан» (архитекторы Б. Н. Банькин, А. Я. Гладких, И. С. Канторович, П. Ф. Канторович, Б. И. Сретенский, А. Ф. Шутов при участии А. И. Экснера) сохраняла на площади гауптвахту и ставила напротив нее симметричное здание. В центре площади – памятник, вместо дома Я. И. Перетца огромная пирамидальная башня, которая более удачно, чем все остальные варианты, могла бы организовать архитектурное пространство площади. В то же время композиция из стоящих под углом друг к другу портиков, вернее «гауптвахт», выглядела примитивной.

Все проекты предлагали тотальный снос старых городских кварталов.

Снос Спаса на Сенной

В феврале 2011 года исполнилось пятьдесят лет со дня взрыва церкви Успения Божией Матери на Сенной площади. Спустя два с небольшим месяца после этого, 12 апреля в космос отправился первый человек, гражданин нашей страны Ю.А. Гагарин. Связаны ли эти события? Возможно, полет в космос должен был подтвердить антирелигиозные постулаты материализма, расшатанные И. В. Сталиным за время войны, а очередная волна уничтожения церквей – поставить точку в этом вопросе.

Фотохронику подготовки Спаса на Сенной, вернее, на площади Мира к этой акции, самого демонтажа здания, руин после взрыва вели аспиранты Ленинградского инженерно-строительного института архитекторы Ю. М. Денисов и В. В. Смирнов. Они же делали и архитектурно-археологический обмер церкви перед сносом. Сильные и скорбные слова архитектора В. В. Смирнова о впечатлении, которое производила церковь незадолго до взрыва, раскрывают ее смысл и генетические корни: «... это была не жертва, <...> а тектоническая сущность этого сооружения, своими пологими сводами уводящая к церковной архитектуре домонгольского периода – Киевской Софии или Софийскому собору в Новгороде. Это стояла простоволодая великомученица, готовая принять терновый венец».

Площадь Мира. Церковь Успения Божией Матери незадолго до взрыва. 1961 г. Фото Ю. М. Денисова и В. В. Смирнова

Церковь Успения Божией Матери после взрыва 2 февраля 1961 г.

В монографиях, посвященных городскому метрополитену, не изложена история уничтожения Успенской церкви на площади Мира и выбора площадки для строительства наземного вестибюля станции, хотя вопрос о сносе возник именно в связи с подготовкой к строительству. Послевоенное решение об этом было принято Леноблисполкомом в 1959 году. С учетом строительства метрополитена разрабатывался и новый генеральный план развития Ленинграда (утвержден Советом министров СССР 15 июля 1966 года).

В деле о сносе церкви на площади Мира многое остается неясным, немало документов, к сожалению, утрачено в лихорадке перестройки. Из ныне живущих свидетелей произошедшего не все оказались готовы припомнить события пятидесятилетней давности.

Проектировщиками института «Ленметропроект» на площади Мира было намечено несколько точек для строительства наземного вестибюля метрополитена. Одна из них – на месте церкви (станция метро «Площадь Мира», ныне «Сенная площадь»), другой вариант – подземный, осуществленный сейчас для

третьей очереди (станция метро «Садовая»), и еще один внутри квартала при соединении Московского проспекта и площади Мира.

«Спасительный» вариант размещения вестибюля в здании гауптвахты и нового использования здания церкви предложил Ю. М. Денисов, составивший в 1960 году совместно с заведующим научным сектором ГИОП Л. А. Медерским небольшую историческую справку. После краткого архитектурного и градостроительного анализа авторам пришлось привести в защиту церкви «понятные» и «убедительные» для властей аргументы: «здание имеет полезную площадь 1708 кв. м, объем 38 000 куб. м, ориентировочная стоимость около 5 млн руб. <...> сломка здания явится значительным материальным ущербом и утратой полезной площади более 1700 кв. м. Стоимость одной разборки церкви составит по смете института „Ленметропроект“ около 1 млн руб.», «учитывая, что интерьеры здания искажены и не представляют художественной ценности <...> внутри может быть допущена любая реконструкция, вплоть до устройства междуэтажных перекрытий, что увеличит полезную площадь примерно на 800 кв. м», а на ней можно будет разместить проектные организации, но только не использовать здание под склад и не сносить.

В городе возник глухой протест, специалисты и общественность стали писать письма в Ленгорисполком, в Москву. Большой вклад в дело сохранения Успенской церкви внес главный архитектор Государственной инспекции по охране памятников Н. Н. Белехов. По словам знавших его людей, он не боялся ничего и никого. Ему принадлежит честь спасения Московских ворот и воссоздания их после войны. С его кончиной в 1956 году Спас на Сенной лишился одного из своих защитников.

Беспримерную акцию по спасению церкви Успения Божией Матери организовал историк архитектуры, исполнявший обязанности декана архитектурного факультета Ленинградского инженерно-строительного института, и одновременно сотрудник ГИОП (Государственной инспекции по охране памятников, которая тогда была подразделением ГлавАПУ, Главного архитектурно-планировочного управления Ленинграда), известный ученый В. И. Пилявский. Он настоял на созыве экстренного заседания ученого совета архитектурного факультета. В адрес министра культуры СССР Е. А. Фурцевой было направлено письмо, подписанное ведущими преподавателями и членами ученого совета архитектурного факультета ЛИСИ.

Вслед за этим В. И. Пилявский организовал зимой 1961 года проведение архитектурных обмеров здания и его археологическое обследование. К этому он привлек своего аспиранта Ю. М. Денисова. Работами руководил доцент кафедры геодезии П. И. Поляков, пригласивший другого аспиранта, ныне профессора, доктора архитектуры теперь уже Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета В. В. Смирнова. Тогда впервые в Ленинграде был использован стереофотограмметрический метод обмера архитектурного памятника, то есть с использованием геодезических приборов. Он применяется в случаях, когда объекты труднодоступны для выполнения ручных обмеров.

Из Министерства культуры в Ленинград отправилась комиссия, которая среди прочего должна была ознакомиться с делом Успенской церкви. В ее составе был действительный член Академии архитектуры СССР И. В. Баранов. После осмотра он пообещал сделать все возможное для предотвращения сноса уникального памятника. По версии В. В. Смирнова, роковую роль в этой истории сыграло противостояние И. В. Баранову главного архитектора Ленинграда тех лет В. А. Каменского, из-за чего последний решил добиться подписания документа о нецелесообразности сохранения церкви Успения на площади Мира ввиду отсутствия ее архитектурной и художественной ценности. Метростроевцы начали демонтаж здания.

В отчете, составленном В. И. Пилявским и Ю. М. Денисовым, говорится о том, что ни сама церковь, ни ее история и градостроительное значение не были исследованы, отсутствовали сведения об авторе постройки, перестройках. Это стало формальным поводом для снятия ее с охраны еще в 1938 году.

Исследователи высказали ряд предположений об авторстве, склоняясь в пользу архитектора М. Е. Земцова, а также убежденность в ее украинских корнях проекта. Они установили полное совпадение архитектуры церкви до ее реконструкции в 1867 году с ее первым изображением на плане Сент-Илера – Горихвостова – Соколова.

Но, очевидно, судьба Спаса на Сенной была предрешена. Как рассказывает В. В. Смирнов, из Министерства культуры в ГлавАПУ пришло письмо всего лишь за сутки до взрыва, да еще накануне выходного дня. В течение этих суток оно неоднократно передавалось из АПУ в Управление Ленметростроя и обратно. Кто-то отложил его «до понедельника», а в это время, в ночь с субботы на воскресенье, был произведен взрыв церкви. После этого все «действующие лица», организовавшие акцию протеста, подверглись показательному разному. Последствия, по словам В. В. Смирнова, сказались на судьбах участников протеста. Так, В. И. Пилявский не стал деканом архитектурного факультета ЛИСИ, Ю. М. Денисов не защитил диссертацию.

Однако сходный вариант истории со сносом, но только произошедшей в 1966 году с домами, находящимися на площади Коммунаров напротив Никольского собора, рассказал Н. А. Ампилов, в то время помощник председателя Ленгорисполкома. Прослышав о предстоящем сносе зданий, горожане обратились с жалобой прямо к председателю Совета министров СССР А. Н. Косыгину. От него пришла телеграмма в Ленгорисполком. Н. А. Ампилов отправился с ней к председателю Ленгорисполкома А. А. Сизову, который сказал: «Ты мне телеграмму не показывал, а к утру чтобы ничего не было». На следующий день напротив Никольского собора зияла пустота. В журнале «Строительство и архитектура Ленинграда» обсуждался вопрос реконструкции квартала. Журнал давал отповедь ретроградям, мешающим прогрессу. На месте снесенных домов должна была возникнуть типовая пятиэтажка, по примеру той, что выросла при слиянии улицы Садовой и канала Грибоедова. Руководству исполкома, разумеется, досталось от министра, обязавшего его восстановить снесенные здания.

Перед взрывом церкви Успения Божией Матери по домам ходили люди и, ничего не объясняя, настойчиво рекомендовали жителям заклеить стекла в окнах как во время войны. Но все и так знали, что должно произойти. Многие накануне не ложились спать.

В ночь с 1 на 2 февраля 1961 года церковь Спаса на Сенной была взорвана по разработанному еще в 1930-е годы методу накладных зарядов с миллисекундным замедлением для безопасного сноса крупных зданий. Сведения об этом способе взрыва сообщены доктором геолого-минералогических наук Е.М.Пашкиным, членом Научно-методического совета Министерства культуры РФ (ныне упразднен). Заряды накладывались на несущие конструкции внутри здания и срабатывали по очереди – сначала обрушивались столбы, падали крыша и купола, потом стены. Таким образом, осколки не разлетались в стороны, а разрушенное здание оседало вовнутрь своих стен, падавших последними. Упавшую почти целиком колокольню Ю. М. Денисов и В. В. Смирнов обмеряли уже на земле. За забором, окружавшим церковь, образовалась гигантская груда битого кирпича. Над площадью в течение нескольких дней висела пыль.

Послевоенный генеральный план развития Ленинграда предусматривал строительство метрополитена в городе. Эта насущная необходимость определялась ростом городского населения, расселением коммунальных квартир, подвальных помещений и соответственно, расширением города за счет нового строительства на бывших пригородных территориях. Осваивались Улянка, Дачное, Полюстрово, Пискаревка, Гражданка, Купчино и другие окраины Ленинграда. Линии метрополитена были проложены по «стратегическим» направлениям. Самая первая – Кировско-Выборгская – связала между собой все городские вокзалы, соединив Автово с площадью Ленина у Финляндского вокзала. Второй линией стала Московско – Петроградская. Первый ее участок начинался от Московской площади и

подходил к площади Мира. 1 июля 1963 года вошел в строй второй участок Московско-Петроградской линии метрополитена протяженностью 5,9 км с четырьмя станциями: «Площадь Мира», «Невский проспект», «Горьковская», «Петроградская». При строительстве «Горьковской» в качестве заполнителя котлована использовался кирпичный бой от Успенской церкви (!).

Станция метрополитена «Площадь Мира» – глубокого заложения (около 55 м). Вестибюль сооружен по проекту архитекторов А. С. Гецкина и В. П. Шуваловой. Обращают на себя внимание мощные конструкции достаточно небольшого павильона. Это было продиктовано тем, что изначально планировалось возведение над ним крупного общественного здания.

Комплекс метрополитена на Сенной площади состоит из трех станций и трех вестибюлей и представляет собой крупнейшее инженерное сооружение, обслуживающее три линии метро. Без сомнения, введение в строй новой линии метро стало событием и праздником как для горожан, так и для метростроителей. Для одних, – потому что сократилось время в пути и условия передвижения в городе стали более комфортными. Для других – потому, что был успешно завершён тяжкий труд, очевидны его результаты, он был оценен и принят людьми. Однако, несмотря на праздничное настроение, у людей возникал вопрос: «Разве нельзя было все решить иначе и не сносить церковь?»

По свидетельствам современников произошедшего, все специалисты дружно в один голос подтверждали невозможность сохранения церкви Успения, реальность ее обрушения при проходке тоннеля и невозможность изменения трассы наклонного хода. Работы по созданию метрополитена начались еще в 1938 году. Тогда были задействованы гигантские силы по подготовке строительства, проведены дорогостоящие геологоразведочные и изыскательские работы, и поэтому любое последующее изменение проекта повлекло бы колоссальные дополнительные траты – временные и финансовые. Однако известно, что в основе такого единодушия лежала обычная официальная и неофициальная пропаганда.

В 1938 году, когда впервые возникло намеренное решение о сносе Спаса на Сенной, мало кто сомневался в его необходимости и неизбежности – ведь наземный вестибюль станции «Площадь Восстания» из первой линии метрополитена полностью занял фундамент снесенной Знаменской церкви. В 1960-е люди осмелились выразить протест. Но в это время значительную роль сыграла очередная волна антирелигиозной активности государства.

Уничтожение церкви Успения нанесло непоправимый ущерб не только Сенной площади, но и градостроительной структуре города в целом – оказался разрушенным один из его главных ансамблей, разрушена архитектурно-пространственная композиция Садовой улицы. На части фундамента храма вырос наземный вестибюль станции метрополитена.

Площадь Восстания (Знаменская) с церковью Знамения. 1929 г.

Площадь Восстания с наземным вестибюлем метрополитена на месте разрушенной церкви Знамения. 1950-е гг.

Площадь Мира со наземным вестибюлем станции метрополитена.

После 1965 г.

У бывшей Сенной, или по-новому, площади Мира, возникла очередная проблема – ее новой организации, проблема, которую никто не может разрешить уже полвека. Площадь в течение нескольких десятилетий заполняли окруженные глухим бетонным забором конструкции для строительства метрополитена. При этой разрухе площадь просуществовала не одно десятилетие.

Жизнь после смерти

Для Сенной начался период безуспешных поисков ее нового архитектурного оформления и злоключений – долгое время в ее углу, за забором, высилась груда кирпича от разбитой церкви. Построенный наземный вестибюль станции метро накрыл часть ее фундамента.

Сенная площадь в 1990– гг. Фото А. Китаева Серия «Лики Сенной»

Потом пришли в аварийное состояние и были разобраны несколько домов на площади и вдоль бывшей Горсткиной улицы (ул. Ефимова), на их месте образовалась зияющая пустота. После строительства наземного вестибюля центральную часть площади окружил бетонный забор, за ним высились конструкции и сооружения для строительства следующей линии метрополитена. Этот забор просуществовал не одно десятилетие, он простоял там до конца 2002 года. Исчезли с таким трудом пересаженные и сохраненные липы.

Не одно поколение выросло и сформировало свое восприятие города и представление о нем при этом чудовищном разрушении символов и знаков прошлого, творимом государством якобы во благо народа. Трагический итог истории Сенновской церкви был подведен катастрофой – обрушением козырька над входом в вестибюль станции метро «Площадь Мира» 8 июня 1999 года, когда погибло восемь человек и многие получили ранения и увечья.

19 ноября 1974 года в Ленинградском отделении Союза архитекторов (ЛОСА) состоялось заседание Комиссии истории, охраны и реставрации памятников архитектуры при участии членов других секции ЛОСА, членов Союза писателей, Союза художников, Ленинградского отделения ВООПИиК (Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры), на нем присутствовало всего восемьдесят человек. И опять заседание инициировал председатель комиссии В. И. Пилявский.

Была создана инициативная группа комиссии, куда входили архитекторы И. Г. Шульман, Ю. М. Денисов, инженер В. Л. Генкин. На заседании должен был обсуждаться вопрос о формировании площади Мира и размещении на ней аэровокзала. На обсуждение был вынесен еще один вопрос – предложение архитектора Д. А. Бутырина по формированию застройки площади, разработанное им по его собственной инициативе на добровольных и безвозмездных началах.

Была создана инициативная группа комиссии, куда входили архитекторы И. Г. Шульман, Ю. М. Денисов, инженер В. Л. Генкин. На заседании должен был обсуждаться вопрос о формировании площади Мира, и размещении на ней аэровокзала. Но оно могло быть сорвано, поскольку авторы проекта аэровокзала (институт ЛенЗНИИЭП – Ленинградский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования, директор А. В. Карагин) отсутствовали сами и не представили проект, несмотря на сделанное заранее приглашение. Мало того, они находились в Москве, в Госгражданстрое для согласования своего проекта, который неоднократно отклонялся Градостроительным советом (согласование было все-таки получено 20 сентября 1974 г.), отклонен Научноэкспертным советом ГИОП 26 апреля 1973 г.

На обсуждение был вынесен еще один вопрос – предложение архитектора Д. А. Бутырина по формированию застройки площади, разработанное им по его собственной инициативе на добровольных и безвозмездных началах. Заседание все же состоялось. На планшетах было воспроизведено изображение предполагаемого к строительству аэровокзала – здание представляло собой гладкую прямоугольную пластину, с плоской кровлей, прямоугольными окнами и стеклянным низом. Оно мало чем отличалось от типовой пятиэтажки где-нибудь в Дачном или Веселом поселке.

Собравшиеся заявили, что снос церкви Спаса на Сенной – общепризнанная градостроительная ошибка, что с 1962 года «попытки решить площадь современной доминантой оказались неудачными. Неудачны и проектные решения застройки площади – гостиница „Прага“, а затем здание аэровокзала неоднократно отклонялись Градостроительным советом ГлавАПУ». Было отмечено, что Градостроительный совет согласовал последний вариант аэровокзала с гостиницей без согласования ГИОП и обсуждения с общественностью Ленинграда (ЛОСА, творческие союзы, ВООПИиК), и это явилось «прямым нарушением постановлений правительства и Ленгорисполкома».

Суть предложения Д. А. Бутырина сводилась к восстановлению доминанты площади на прежнем месте и практически в прежней архитектуре. Он предлагал восстановить колокольню с портиком, но это уже была часовая башня с лифтом внутри и видовой площадкой для проведения экскурсий. Архитектор даже нашел историческое обоснование такому решению – «колокольни часто строились намного раньше церкви. Главная часть Петропавловского собора, его колокольня, долго стояла одна» и сослался на указание Петра I «<...> а собор делать помалу», то есть постепенно. Он увеличивал высоту шпиля башни с тем, чтобы компенсировать утраченный объем здания церкви. По тем временам это был единственно возможный и грамотный компромисс. В прениях выступили семнадцать человек. Собрание одобрило предложение и отметило высокий профессионализм архитектора.

На заседании было принято решение «считать принципиально неверным рассмотрение и согласование Градостроительным советом ГлавАПУ 20 сентября с. г. проекта аэровокзала, так как проект выполнен без одновременного решения ансамбля площади, <...> просить заместителя начальника Госгражданстроя Н. В. Баранова задержать рассмотрение проекта аэровокзала до решения ансамбля площади в целом, <...> одобрить градостроительное решение Д. А. Бутырина, направленное на возвращение площади Мира и всему прилегающему району основной архитектурной доминанты – колокольни церкви Спаса на Сенной, <...> просить главного архитектора города Г. Н. Булдакова рассмотреть предложение архитектора Д. А. Бутырина на Градостроительном совете и разрешить ему дополнить его

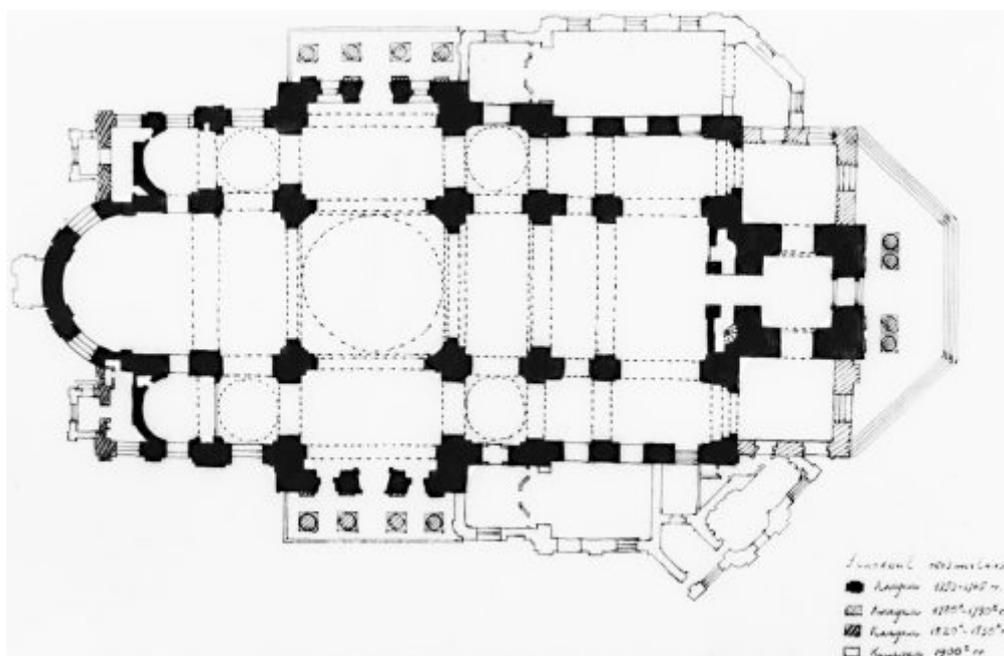
предложение проработкой планировочного решения по зданию аэровокзала».

Но дело не сдвинулось с места. Правда, и аэровокзал не был построен.

Заметим, что в решении Комиссии истории, охраны и реставрации памятников архитектуры Сенная площадь была охарактеризована как ансамбль.

Предложение Д. А. Бутырина о строительстве колокольни-башни переродилось в проект воссоздания церкви Успения. Только в 2001 году, по прошествии более двадцати пяти лет от начала работы над ним, проект был согласован Комитетом по градостроительству и архитектуре и Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры.

Архитектор считал, что церковь следует воссоздавать, ориентируясь на ранний, а конкретно, на пушкинский период. На наш взгляд, это романтическое, но спорное предложение. Во-первых, имеются обмерные чертежи, выполненные Ю. М. Денисовым и В. В. Смирновым, подробная фотофиксация, а на ранний период есть только изображения, выполненные различными художниками, невольно внесшими в них «авторские» искажения.

Ю. М. Денисов. Предложение по воссозданию церкви Успения Божией Матери на период 1867–1961 гг.

На плане заливкой выделен первоначальный контур плана

Во-вторых, Ю. М. Денисов в 1963 году хоть и сделал запись о том, что сравнение археологических данных с изображением Сент-Илера «подтверждает полное совпадение с единственным аксонометрическим изображением церкви», но при этом предложил два варианта воссоздания церкви – на ранний период и на поздний. Эти обстоятельства, а также различные физические характеристики кирпича и дерева не дают возможности и права повторить раннюю архитектуру в кирпиче. В этом случае мы получим не воссоздание в строгом смысле, а никогда не существовавший объект, новодел, что явится методической ошибкой. Возникает еще один вопрос – о воссоздании достроек, различные варианты которых также были известны в пушкинское время. В-третьих, возраст «каменного» варианта равен возрасту «деревянного» – сто лет – он имеет не меньшее право на осуществление. Разумно ли пренебрежение другими известными именами, связанными с Спасом на Сенной в периоды ее более позднего существования, например такими, как А. А. Блок? Достаточно ли научно обосновано и документально подтверждено предложение о воссоздании церкви на ранний период?

Кроме того, с момента переделки церковных куполов и колокольни изменилась архитектурно-градостроительная ситуация в районе Сенной площади. Если в ранний период своего существования сенновская церковь имела, по определению С. В. Семенцова, обширное радиальное поле влияния, то позднее, по мере уплотнения и увеличения высоты застройки, воздействие, по его же определению, было сведено к «коридору влияния», где возникли новые визуальные связи. Этим здание церкви было прочно введено в планировочную структуру района и значение ее конкретизировалось. Оно подчеркнуто строительством Дома городских учреждений с крупной угловой башней на пересечении Садовой улицы и Вознесенского проспекта по проекту архитектора А. В. Лишневого в 1904–1906 годах. Силуэт и граненый купол башни этого здания имеют очевидное сходство с завершением колокольни и куполов Спаса на

Сенной.

Но независимо от критики многолетняя деятельность Д. А. Бутырина по воссозданию церкви Успения Божией Матери на Сенной площади вызывает восхищение и является поистине гражданским подвигом. В 2010 году архитектор скончался.

В 1980-е годы инициативная группа собрала 17 000 подписей в поддержку воссоздания церкви на Сенной.

Возвращение в прошлое

Время после смерти 10 ноября 1982 года генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) Л. И. Брежнева можно считать концом коммунистического режима. В течение нескольких лет генсеки сменяли друг друга. Возглавивший правительство страны М. С. Горбачев начал реформирование экономики и социальной системы государства под именем «перестройки». Однако мягкие реформы вскоре превратились в жесткий передел собственности и борьбу за власть. В результате попытки государственного переворота 1991 года прекратил существование Советский Союз.

Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 сентября 1991 года Ленинград был переименован в Санкт-Петербург. Одних это наполнило гордостью и сделало сопричастными великому прошлому великого государства, для других означало полный разрыв с великим прошлым другой великой страны.

Вернули историческое имя и площади Мира, хотя для большинства горожан она никогда не переставала быть Сенной.

В 1992 году, когда экономический крах был неизбежен, правительство объявило о либерализации цен, то есть практически с «завтрашнего дня» ввело рыночные отношения. Страну поразил дефицит – исчезли мыло и стиральный порошок, спички, продукты питания. Появились талоны на водку и сигареты. Людям перестали платить зарплату. По умолчанию, «явочным порядком» было разрешено все, что не запрещено. В течение нескольких лет в городе произошла серия громких заказных убийств высокопоставленных чиновников, крупных банкиров и бизнесменов, а сколько произошло рядовых, незамеченных, о которых не сообщалось в хрониках – подсчитано ли... Грабежи на улицах, в подъездах, квартирах стали частью повседневной жизни. На смену деревянным резным с остекленными створками входным дверям в дома и квартиры, установленным еще до «исторического материализма», пришли глухие стальные на кодовых замках – это были первые архитектурные жертвы перестройки, а на площадь хлынула неуправляемая толпа торгующих. Для израненной Сенной, с вскрытым чревом, раковой опухолью и метастазами стрелки времени оказались переведенными более чем на столетие назад. В мгновение ока она опять превратилась в грязную клоаку второй половины XIX века, когда пожар уничтожил Сенной рынок. Вокруг нее вновь схлестнулись интересы торговцев и обывателей, хлопоты радетелей о красоте города и суэта норовящих просто поймать момент и разбогатеть, отразились опасения горемык, пробавляющихся мелочной торговлей с рук, соперничество административной и выборной структур власти.

В трудное, голодное время перестройки Сенная вернулась к своему историческому предназначению – кормить город. Середина ее уже много лет была окружена бетонным забором, в объезд которого осторожно пробирался трамвай. Пространство вокруг вестибюля станции метро «Площадь Мира», улица Ефимова, примыкающий к ней пустырь, территория теперь уже бывшего кохозного рынка – все было запружено торгующими. Все старались встать поближе к метро, чтобы первыми поймать выходящих и входящих пассажиров.

К Сенной тянулись люди со всех концов города. Они несли на продажу свои пожитки – ведь зарплату на предприятиях и пенсии не платили месяцами, а сбережения таяли на глазах.

Сенная площадь в 1990—е гг. Фото А. Китаева. Серия «Лику Сенной»

Плодились, множились и исчезали в неизвестность финансовые пирамиды, а с экранов телевизоров предлагали «купить себе немного „Олби“, обогащался с помощью «МММ» ее создатель и кормился рекламный Леня Голубков. Деньги обесценивались ежечасно. Заказчики, потерявшие государственный заказ, старались заработать на банковских махинациях, а банки, в свою очередь, занимались «прокручиванием» денег – поступившие средства для перевода на чей-либо счет вкладывались в какую-нибудь краткосрочную сделку и зачастую пропадали. А в это время люди месяцами безнадежно ждали зарплату. На ряде промышленных предприятий ее выдавали тем, что производили, – колготками, перчатками, фарфором, хрусталем, и рабочие отправлялись с этой продукцией на рынок. На Сенной можно было встретить продававших домашние вещи безработных бывших сотрудников бывших научных и проектных институтов, государственное финансирование которых прекратилось.

На площади, вдоль бетонного забора, на пустыре вдоль улицы Ефимова на расстеленных прямо на земле старых покрывалах, скатертях, клеенках или на деревянных ящиках из-под овощей и фруктов выкладывалась семейные тарелки, столовые приборы, отрезки тканей, ношенная одежда, пустые бутылки и банки, старые гвозди, украденные на лестницах жилых домов электрические лампочки и счетчики, цветные металлы, антиквариат, талоны на водку и сигареты и продукты. Последние добывали, ворую на предприятиях и складах, покупали в магазинах, выстаивая всей семьей в очередях по несколько кругов, «отоваривая» водочные и табачные талоны на детей и стариков. Водка была валютой. Продавали золото, наркотики. Здесь бродили и жили опухшие от пьянства бомжи и совсем юные, вызывающе одетые девочки-проститутки. Народ попрличнее и почище стоял ближе к забору и метро. Между торгующими сновали люди, обшаривающие глазами всех и все. Они особенно внимательно следили за распивающими спиртное. Это был еще один вид заработка – сбор пустых бутылок. Так промышляли подростки, старухи, бомжи, а иногда и целые семьи, где не было иных источников существования. Там же шныряли карманные воришки, не щадившие никого, а особенно стариков.

На Сенной появились первые «лохотроны» – игры в наперстки и лотереи, в которые можно было

только проиграть, причем все, что было в наличии, а также обменники разрешенной к обороту валюты, которые вместо денег незаметно подсовывали бумажную «куклу».

Сенная площадь как будто вернулась во времена революций и войн.

Позже, когда городские власти наконец обратили внимание на Сенную, на ней появились торговые ларьки, изготовленные по специально разработанному проекту в ретростиле, согласованные во всех инстанциях. Они наполнились «колониальными» товарами – жвачками, китайской пиротехникой, конфетами, вызывающими аллергию, забавными фигурками мыла, после мытья которыми у детей появлялась сыпь, блестящей «нержавеющей» посудой, с которой «блеск» сходил слоями и оставалось голое черное железо; польская красная пластмасса для кухни; самодельная бижутерия. Но главное – продукты. Качество товаров, продававшихся там, было объектом постоянной критики. Средства массовой информации часто сообщали о случаях отравления продуктами, купленными на Сенной площади или в Апраксином дворе, а также о подтверждающих их низкое качество контрольных проверках. Но людей, особенно стариков, переживших голод революционных и военных лет, нельзя было остановить – отсутствие средств, но еще больше страх голода, страх за детей и внуков вынуждали их отправляться на Сенную и выстаивать там километровые очереди за хлебом, макаронами, крупой с жучками, армейской тушенкой в промасленных банках из стратегических запасов бывшего Советского Союза двадцатилетней давности и китайской тушенкой, перенасыщенной консервантами.

Когда в 1991 году была отменена государственная монополия на алкогольную продукцию, оборот ее возрос многократно. Спиртное вздорожало в 15 раз. Появилась «паленая», то есть поддельная водка. Большое распространение получил спирт «Ройаль», по слухам, на Западе он применялся для розжига каминов, и импортные продукты – сыры и масла, которых никогда не видели у себя гостившие в городе представители стран-«производителей». Телевидение чуть не ежедневно демонстрировало такое «производство». На Сенной продавались и наши отечественные товары – консервы, сахар, крупы, макароны, хлеб, – эти продукты были намного дешевле, чем на любом другом рынке или в магазине города. Поэтому очереди выстраивались с раннего утра и рассеивались только с закрытием ларьков. Подсчитал ли кто-нибудь доходы и торговые обороты на Сенной площади в этот период, неизвестно, но были они, судя по всему, огромными.

На площади постоянно происходили какие-либо события – драки гастарбайтеров между собой, облавы на проституток и на наркоманов. Там выступали с «шапками» и духовые оркестры и джазовые ансамбли, певцы и гармониисты. Самыми заметными были три немолодые женщины, в их «шапке» лежала написанная от руки бумажка со словами: «На возрождение русской народной песни». Они отлично пели, их любили слушать и даже предлагали записаться на радио и выступить с концертами, но они отказывались, говорили, что могут петь только тогда, когда душа этого просит. И в этом присутствовал некий незабываемый «Genius loci» Сенной...

В конце 1990-х годов питерский писатель С. А. Носов, прогуливаясь по Сенной, наткнулся на бомжа, пытавшегося продать бронзовую доску в память о дуэли А. С. Пушкина, созданную скульптором Г. Д. Гликманом в 1955 году. Доска находилась на фасаде здания железнодорожной станции Новая деревня, и была «похищена неустановленными лицами в 1995–1996 годах». Писатель приобрел «раритет» и передал по акту № 9 от 02.06.99 в Государственный музей городской скульптуры. Этому поистине мистическому событию посвящена был-поэма Г. Григорьева «Доска или Встречи на Сенной» с комментариями, сделанными Носовым.

Продолжим мистический ряд, прослеженный писателем на Сенной площади. Как уже говорилось, в доме Олениных – Поторацких, находящемся рядом с Сенной площадью, А. С. Пушкин познакомился с А. П. Керн и влюбился в нее с первого взгляда. Причиной роковой дуэли поэта на Черной речке была любовь

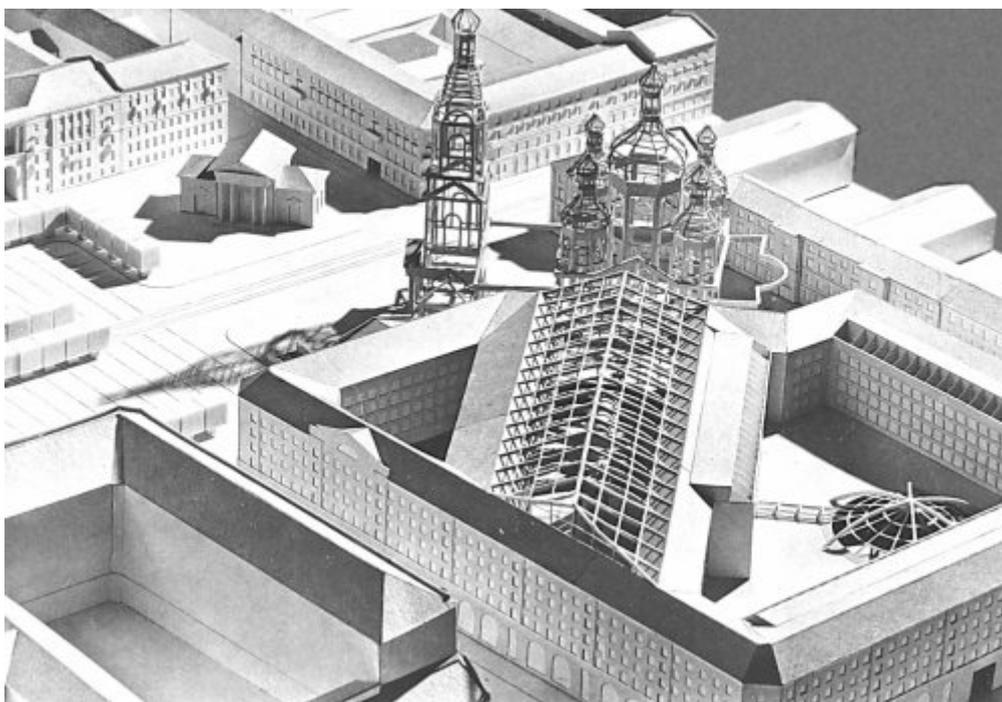
и честь... И вдруг – дуэльная доска объявляется на Сенной... Круг вновь замкнулся.

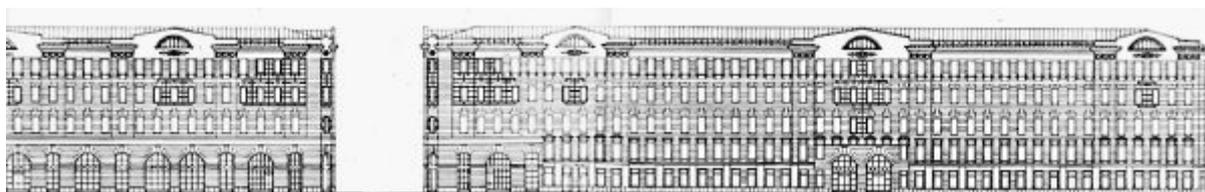
В ожидании перемен...

На Сенной площади требовалось не только регламентация торговли, но и ее архитектурно-градостроительная реабилитация. Министерство гражданской авиации отказалось от строительства городского аэровокзала с гостиницей, проектировавшегося еще с 1970-х годов, и ограничилось лишь агентством «Аэрофлот» в вестибюле этой же гостиницы. Требовалось решение вопросов строительства следующих станций метрополитена – Площадь Мира II (для так называемого Фрунзенского радиуса) и Площадь Мира III (Садовая), а также реконструкция существующей станции Площадь Мира I (Сенная) в связи с соединением ее со станцией Садовая. Метрополитен получил обременение – сохранение фундаментов церкви Успения при строительстве вестибюлей метро.

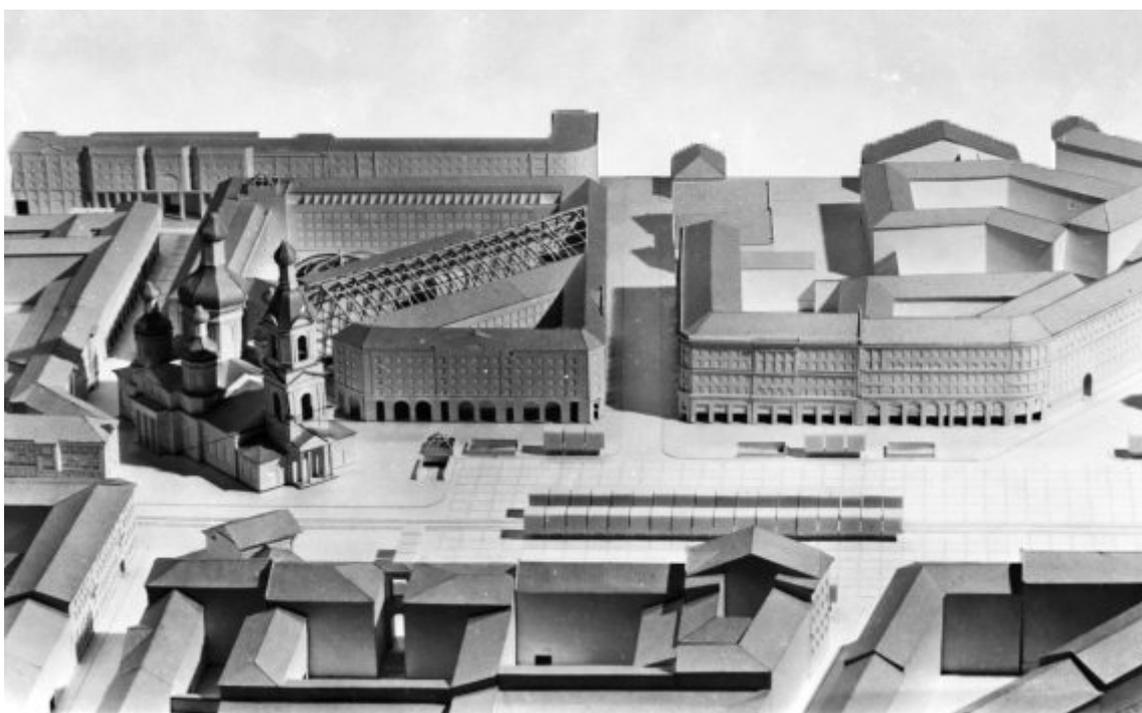
Для решения архитектурных проблем Сенной площади был проведен очередной конкурс на завершение ее ансамбля. Он отразил направление общественной мысли города и убежденность специалистов в необходимости восстановления архитектурной композиции Сенной площади – несмотря на то, что воссоздание Успенской церкви не входило как обязательное условие в программу, авторы шести из семи проектов сделали основой композиции восстановленный храм.

Первой премии был удостоен проект под девизом «Смертью смерть поправ» – работа архитекторов Г. Васильева, Е. Раппопорта, А. Левханьяна, И. Новха, В. Шурупова. Они предложили воссоздать церковь как символическое напоминание о ее судьбе – металлический каркас с золочеными куполами. Это интересное неординарное предложение следует отнести к разряду архитектурных фантазий, поскольку не последним является вопрос содержания и эксплуатации сооружения, которые в этом случае целиком ложатся на городской бюджет. Рядом предлагалось построить здание коммерческого центра, в квадратный двор которого была заключена диагональ наклонного хода существующей станции. Над ним возводилось прозрачное перекрытие. При этом вестибюль сдвигался вглубь на несколько метров. Вдоль «красной линии» Сенной проектировалась здание гостиница. Проект авторского коллектива неоднократно отмечался дипломами и премиями отечественных и международных выставок.

*Г. Васильев, Е. Раппопорт. Проект реконструкции площади Мира. Архитектурный конкурс 1991 г...
Первая премия*

Проект реконструкции площади Мира с воссозданием церкви Успения Божией Матери

На базе конкурсного проекта мастерской Е. М. Раппопорта (в те времена мастерская № 5 ЛениЗНИЭП) был разработан проект гостиницы, архитектура которой выдержана в общей стилистике и масштабе Сенной площади. Заказчиком выступило Главное Управление капитального строительства (ГлавУкс). Согласно Выписке из книги личного приема о согласовании проектов председателя Комитета по градостроительству архитектуре О. А. Харченко от 20.04.1992 г. № ГС-3.1, эскизный проект реконструкции и застройки Сенной площади был согласован по варианту с переносом существующего вестибюля метрополитена в уровень подземного вестибюля второй очереди (позднее она стала третьей очередью) и возможностью воссоздания Успенской церкви, застройкой свободной территории зданиями гостиницы на 977 мест и Агентства воздушных сообщений.

Этому посвящено заседание Плановой комиссии Исполнительного комитета Ленгорсовета 1990 года. Поскольку новый проект гостиницы предлагал изменение местоположения наземного вестибюля станции метро, что в свою очередь влекло за собой очень серьезное и дорогостоящее мероприятие – реконструкцию наклонного хода. Последовало обращение в Министерство гражданской авиации об изменении функционального назначения зданий, проектируемых на площади, а также поручение Ленинградскому Управлению Главархитектуры поискать место для размещения аэровокзала в южных районах города. Место для вестибюля станции метро было определено на соединении улицы Ефимова с Сенной площадью. Это решение Лен-главархитектуры было утверждено Советом Министров СССР 20.09.1991 г. Предлагалось разработать вариант с воссозданием церкви Успения.

При разработке в начале 1980-х годов технико-экономического обоснования (ТЭО) строительства Фрунзенско-Ждановской (ныне – Приморской) линии предполагалось разместить под Сенной площадью два подземных вестибюля станций «Площадь Мира Ш» и «Площадь Мира II». Поскольку было принято решение о первоочередном строительстве объединенной Правобережно-Ждановской линии, на стадии «проект» возникла необходимость проработать вопросы размещения комплекса станции «Площадь Мира III» (“Садовая”). По заданию Министерства путей сообщения СССР в 1987 году продолжились проектные проработки компоновки станционного комплекса «Площадь Мира II». Поясним, что нумерация очередности строительства станций и вестибюлей станций не совпадает с последовательностью его осуществления, поэтому сначала была выстроена станция Площадь Мира III, она же Садовая (открыта в 1991 году, подземный зал – архитекторы А. И. Прибульский, Г. П. Кашихин, Вл. В. Попов и А. В. Гончаров. Подземный переход и вестибюль архитекторы В. Г. Хильченко, К. Г. Леонтьева и Ю. Ю. Подервянская).

В 2009 году введена в эксплуатацию станции Спасская (архитекторы Е. М. Раппопорт, В. Н. Морозова и В. Г. Хозацкий) без выхода на поверхность – это была Площадь Мира II. Сейчас к ней ведут наклонный ход и проектируют наземный вестибюль. Площадь Мира I – существующая самая первая станция Сенная.

Рассматривались различные типы станций, вестибюлей, модели этих сооружений, способы организации пересадок пассажиров. Первоначально было создано три варианта, а на следующей стадии проектирования (1990–1991 годов) предложено уже одиннадцать вариантов организации станции.

Архитекторы и конструкторы института «Ленметрогипротранс» (нач. отдела В. Г. Хильченко) в тесном сотрудничестве с архитекторами, разрабатывавшими надземную часть (архитектурная мастерская под руководством Е. М. Раппопорта), решали сложнейшие задачи:

1. Уменьшение негативного влияния от ожидаемых деформаций поверхности на здания и существующие инженерные коммуникации при строительстве третьего станционного узла под Сенной площадью.

2. Размещение всех необходимых поземных выработок станции «Площадь Мира II» в условиях действующей в непосредственной близости станции «Площадь Мира 1» и строящейся в тот момент станции «Площадь Мира Ш».

3. Обеспечение максимальной безопасности строительства станции «Площадь Мира II», которая должна занять по вертикали промежуточное положение между существующими двумя станциями.

Отмечалась важная роль Сенной площади в планировочной и транспортной структуре города. Параллельно необходимо было решить задачу создания концепции законченного архитектурного облика Сенной площади с помощью комплекса общественных зданий. В проектировании участвовали проектные институты «ЛенЗНИИЭП» и «Ленметрогипротранс».

Исследование грунтов, проведенное институтом «Ленметрогипротранс», показало, что при устройстве котлованов и фундаментов необходимо применять специальные инженерные методы, как то: забивка свай, установка шпунтового ограждения, замораживание по контуру, устройство «стены в грунте» и другие способы. И только начиная с глубины залегания коренных грунтов (более 33 м), условия строительства считались относительно благоприятными для сооружения метрополитена. Прогнозирование осадок грунта выполнял ЦНИИ галургии.

Институт предложил три варианта размещения вестибюлей станции I («Сенная») и станции II («Спаская» – станция Фрунзенского радиуса). По первому варианту вестибюли встраивались в первый этаж гостиничного комплекса и объединялись залом с общим входным тамбуром. При этом выходы планировались раздельными. Существующий наземный павильон подлежал частичной реконструкции, но с частичным сохранением конструкций машинного помещения.

Второй вариант предлагал строительство нового подземного вестибюля и предусматривал реконструкцию старого вестибюля станции «Площадь Мира I», при этом для пассажиров вестибюли не связывались между собой – вход и выход в него организовывался через лестничные спуски с Сенной площади.

По третьему варианту представляет фактически подземную модификацию второго. Старый павильон при этом подлежал разборке, со строительством вместо него нового подземного с реконструкцией наклонного хода. В перспективе этот вариант давал возможность объединить оба вестибюля общей зоной подземного пространства общегородского значения, а ее архитектурно-планировочное решение полностью вписывалось в концепцию гостиничного комплекса.

Во всех случаях в проект закладывались четырехленточные эскалаторы и защита от подтопления.

Через год, учитывая, что к тому времени уже был сооружен перегонный тоннель от станции «Достоевская» и выполнен большой объем подземных работ по выработкам, соединяющим строящуюся станцию с шахтными стволами и другими существующими сооружениями, институт «Ленметрогипротранс» разработал дополнительные варианты размещения вестибюля станции «Площадь Мира 1» – наземного во дворе дома № 6/2 по Сенной площади и подземного в пятне Сенной площади между двумя существующими вестибюлями.

Для наземного варианта предполагалась реконструкция дворового флигеля с встройкой в него вестибюля. Проходить к нему с Сенной площади можно было бы через три арочных прохода и еще один такой же со стороны Московского проспекта. При этом сам дом № 6/2 сохранялся и даже восстанавливались пространство внутреннего двора и детали архитектурного убранства фасада здания.

Подземный вариант предлагал строительство вестибюля между уже выстроенным вестибюлем станции Садовая и историческими фундаментами церкви Успения. Входить и выходить из него надо было бы из существующего подземного перехода.

Проектировщики склонялись к первому варианту как более простому и удобному для пассажиров и более дешевому.

Одновременно институт «Ленжилпроект» занимался проблемами усиления конструкций расположенных вблизи зоны строительства исторических зданий для обоих вариантов.

Параллельно этому процессу шел другой, но по своей сути не противоречащий первому, а дополняющий его. В 1990-х годах в городе была создана сеть агентств по развитию территорий. Эти коммерческие структуры при поддержке районных властей должны были заниматься организацией деятельности на ряде особых территорий. Таковыми в центре Петербурга стали Апраксин двор и Сенная площадь.

В 1993 году ООО «Агентство по реконструкции и развитию зоны Сенной площади» заказало проект Концепции градостроительного развития Сенной площади как многофункционального общественно-коммерческого центра с разработкой функционального объемно-пространственного и инженерно-технического решений и с проведением историко-архитектурных и технических исследований. Исполнителем выступило архитектурно-строительное предприятие «Стилобат», созданное на базе института «ЛенЗИИИЭП» (директор В. И. Левин, главный архитектор В. И. Питании, главный инженер проекта В. В. Богомолов). К разработке были привлечены историки и архитекторы Ю. М. Денисов, Д. А. Бутырин, В. Г. Исаченко, М. В. Павлова и многие другие. Е. М. Раппопорт в разработке концепции не участвовал, но дал согласие на использование в ней своего проекта.

Авторы рассматривали район Сенной площади как исторический и одной из главных задач реконструкции Сенной площади ставили воссоздание церкви Успения как необходимого элемента градостроительной системы и дальнейшее совершенствование композиции площади. Из семи прилегающих к ней кварталов пять должны были сохранить свою первозданную самобытность и неповторимость одного из старейших градообразований Петербурга. Реконструктивные мероприятия в них направлялись на улучшение условий жизни людей, воссоздание и реставрацию как лицевых, так и дворовых фасадов, замену инженерных сетей. В одном из кварталов архитекторы развивали музейно-заповедную зону «Петербург Достоевского». Также рассматривался вопрос об устройстве в первых этажах зданий разнообразных лавочек, магазинчиков и ремесленных мастерских с продажей сувениров. Основными сооружениями должны были стать крупный бизнес-центр, медицинский диагностический центр, гостиница, рестораны. Авторы предлагали обширную программу постановки на государственный учет и охрану двадцати шести объектов. Учитывая то, что Сенная площадь является крупнейшим транспортным узлом, они предлагали строительство подземного пешеходного перехода от Московского проспекта до улицы Ефимова, оформление остановок общественного транспорта и многое другое. При этом архитекторы сохраняли открытое пространство площади. Разработана была и инвестиционная программа.

Но эта концепция не была рассмотрена, хотя под нее готовился соответствующий проект распоряжения губернатора Санкт-Петербурга. Не был реализован и проект строительства гостиницы и Агентства аэрофлота.

На Сенной с 1998 года обосновались несколько коммерческих структур, являющихся инвесторами-застройщиками района Сенной площади... Это торговые центры «Сенная» (Коммерческий центр «Питер») и «ПИК» (ЗАО «Советник»), Сенной рынок и в подземном пространстве – уже исторически – ГУП «Петербургский метрополитен».

В январе 1998 года по распоряжению губернатора Петербурга В. А. Яковлева был создан Координационный совет по развитию и реконструкции Сенной площади. За основу был взят план, подготовленный коллективом «Торгпроекта» (Санкт-Петербургский государственный институт по проектированию предприятий торговли и общественного питания), предложения которого требовали

гораздо меньше затрат, во всяком случае, для осуществления его первой части.

Следующим этапом реконструкции стало строительство торгового центра «Сенная».

В 1998 году прошло преобразование Сенного (Октябрьского) рынка. Безусловной заслугой авторского коллектива в составе директора института В. Н. Ловкачева, главного архитектора проекта А. К. Мирова, архитекторов Д. В. Ловкачева и Н. А. Игониной является сохранение трассировки Вяземской улицы. Однако первый этап работ по приведению площади в порядок начался в 1997 году со строительства крытого Сенного рынка, куда должна была переместиться основная часть продуктовой торговли. «Мы осознали, что не можем реконструировать Сенной рынок изолированно от окружения – квартала между улицей Ефимова и Московским проспектом. В результате мы реконструировали Сенной рынок как первый этап реконструкции квартала», – говорил директор «Торгпроекта»

В. Ловкачев. На территории бывшей Вяземской лавры были выстроены несколько павильонов. Они, как их предшественники – деревянные ряды Октябрьского рынка, расположились вдоль трассы бывшей Вяземской улицы, повторяя ее изломы, но их глухие стены беспорядочно обросли разномастными ларьками.

Глухие же стены павильонов рынка не создают ощущения праздничности, которое всегда вызывают торговые ряды, заполненные снедью, – вспомним красочные описания торговли XIX века.

Вскоре был снесен дом, стоявший рядом с Полторацким домом № 97, а заодно и та самая арка, через которую на Фонтанку выходили соединенные ею Вяземская улица и Полторацкий переулок. На въездах на территорию рынка со стороны Московского проспекта и Фонтанки установлены металлические ограда и ворота, немасштабные историческим строениям. Проектировщики не учли, что они более чем вдвое превышают размеры исторического ограждения, а крупные формы противоречат утонченному рисунку фасадов домов № 4 и 6 работы архитектора А. С. Хренова.

В 2003 году на территории бывшей Вяземской лавры возвели напоминающее перевернутую льдину здание торгового комплекса «Сенная». Его проект разработал тот же коллектив ООО «Торгпроект». Оно было встроено в бывший Полторацкий переулок, и его центральный неф проходит почти в створе трассы исчезнувшего переулка. Надо отдать должное архитекторам, они постарались – насколько это возможно по нашим нынешним временам и понятиям – деликатно и грамотно подойти к проектированию в историческом центре Петербурга. Здание торгового центра практически не видно ни с Сенной, ни с улицы Ефимова и почти незаметно с Фонтанки. Однако приемы авторов требуют расшифровки, а архитектурные формы и масштаб представляются слишком агрессивными.

Очередной удар

*– Эти здания из синего стекла напоминают кристаллы
Снежной королевы, из которых Кай пытался сложить какое-
то слово.*

*– Он складывал слово «вечность». Но у него ничего не
получилось.*

Разговор на Сенной площади

В 2002 году накануне 300-летия Санкт-Петербурга, как снежный ком на весеннем солнце стали исчезать конструкции за бетонным забором, вскоре исчез и сам забор.

Площадь заполнили металлические павильоны с упрощенным декором, простоватыми деталями. Перед ними установили скамьи, олицетворяющие, по версии авторов, телеги. Такое сочетание форм, по их замыслу, должно символизировать возы с сеном. Проект предполагал восстановление церкви.

4 декабря 2002 года состоялось открытие площади после реконструкции. Это стало действительно торжественным событием для города. Были не только разобраны конструкции метрополитена и снесен бетонный забор. Под площадью заменили инженерные сети, привели в порядок дворы окружающих площадь домов. На открытии присутствовал губернатор В. А. Яковлев. По площади проехала запряженная лошадью телега с сеном. К юбилею города планировалось создание пешеходных зон в Спасском переулке и переулке Бринько. На площади появился абрис фундамента разрушенной церкви Спаса на Сенной, выделенный гранитным камнем и чуть более темной плиткой мощения и трудно уловимый под ногами спешащих прохожих.

В связи с предстоящей реконструкцией площади к 300-летию Санкт-Петербурга к губернатору города обратился председатель прихода церкви Святого Преподобного Сергия Радонежского Ю. Г. Корытченков с просьбой о воссоздании Успенской церкви.

В. А. Яковлев в просьбе не отказал. Результатом явилось разрешительное письмо Комитета по градостроительству и архитектуре на разработку предпроектных предложений по воссозданию церкви Успения. Неделей раньше, 13.02.2001 (№ 5/16646), этот же Комитет выдал архитектурно-планировочное задание на проектирование часовни, которая должна была разместиться за фундаментом церкви. Она и оказалась выстроенной к 300-летнему юбилею Петербурга за алтарной частью снесенного храма. При строительстве не было ни освящения земли, ни чина закладки. Эта «жертва» и была передана епархии. Часовня освящена весной 2005 года в честь св. Иоанна Нового, покровителя торговли. Приход надеется на восстановление храма, но полагает возвести из-за отсутствия средств «для начала небольшой храм». Конечно, делать этого нельзя. Возводить церковь следует только в ее прежнем виде, чтобы восстановить утраченные архитектурно-пространственные связи.

Воссоздание церкви было отнесено на 2005 год, а к 300-летию Санкт-Петербурга на пересечении осей Московского проспекта и Садовой улицы, вернее чуть в стороне, была установлена Башня Мира по проекту архитектора Жана-Мишель Вильмотта и скульптора Клары Хальтер – своеобразный подарок Франции к юбилею города. Она представляла собой стелу с закрепленными с двух сторон прозрачными вогнутыми панелями со словом «мир» на пятидесяти языках. Надо отметить, что Вильмотт и Хальтер являются также авторами Стены Мира, составленной из модулей такого же «конструктора», на Марсовом поле в Париже.

Место, где стояла церковь Успения Божией Матери с часовней во имя Иоанна Нового

«Облачение» башни напоминало папиросную бумагу, вечером она подсвечивалась в верхней части. Надписи на ней были совершенно невидимы, а острые на язык наблюдательные горожане окрестили ее «сигаретой». Подарок, которому сначала предназначалось стать Маяком Мира у гостиницы «Прибалтийская», почему-то был определен на Сенную. Летом 2010 года, в период длительной аномальной жары, пластик башни пошел трещинами, и 29 июля к большому удовольствию горожан и пользе Сенной площади башня была разобрана.

Козырек вестибюля метро, теперь башня... Что это? Может быть, Сенная не хочет принимать чужеродные внедрения?

В 2001–2002 годах по заказу Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников Балтийский гуманитарный фонд (директор И. Ф. Свидерская, составители В. В. Антонов, С. В. Боглачев, Н. А. Яковлев, А. В. Берташ) выполнил работу под названием «Исторические сведения и регламент использования мест утраченных церковных зданий Санкт-Петербурга». Для фундамента церкви Успения на Сенной авторы предложили режим охраны первой категории, который относился к зданиям,

возведенным в XVIII–XIX столетиях, игравшим важную градостроительную роль или входившим в архитектурные ансамбли, а также имеющим исторические захоронения. Он подразумевал следующие меры: археологическое изучение, выявление исторической планировки, выделение пятна застройки.

Но все это не вернуло Сенной площади утраченную гармонию и исторический смысл. Площадь, помимо прочего, загромодили «островки безопасности», гроздь дорожных знаков и светофоров, высокие ограждения согласно неумным требованиям Управления ГИБДД. На пятне, которое занимала церковь, стоят ларьки, рекламные тумбы и даже до недавнего времени туалет, перекрывавший дорогу к часовне (сейчас его переставили за угол павильона станции метро, но он все равно стоит на пятне церкви). На площадь вновь вернулся хаос...

Очередной удар по Сенной площади был нанесен, когда с отступом от «красной линии» на углу улицы Ефимова вырос гигантский кристалл синего стекла – торгово-развлекательный комплекс «ПИК». Авторы проекта этого сооружения архитекторы А. А. Столярчук, О. Н. Васильева, Е. Е. Рубина.

Конкурсный проект Г. Васильева и Е. Раппопорта по реконструкции и застройке площади Мира в Ленинграде (институт ЛенЗНИИЭП) предусматривал преобразование не только надземной части вестибюля станции метро «Площадь Мира», но и подземной. Это было сопряжено с созданием памятника церкви Успения Божией Матери. Проект предлагал восстановить периметральную застройку разрушенного квартала за церковью вдоль улицы Ефимова. Восстанавливалась «красная линия» площади. Комплекс включал гостиницу с рестораном, варьете и подземным паркингом. Позднее авторы проекта предложили воссоздание Успенской церкви.

Торговый центр «ПИК» своими габаритами и «стеклянностью» на порядок превосходит как вестибюль станции метрополитена 1960-х, так и неосуществленный аэровокзал с гостиницей 1970-х годов. Как тут не вспомнить рекомендации Городской думы по строительству нового рынка во второй половине XIX века: обязательная наружная торговля для оживления замкнутого объема здания рынка и использование оконного стекла желтоватого оттенка для создания позитивного настроения у покупателя. Желание заказчика практически всей новой архитектуры – быть выше всех и шире всех – очень точно описал еще Н. В. Гоголь, давая портрет одного из персонажей «Мертвых душ»: «<...> все было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома: <...>, все было самого тяжелого и беспокойного свойства <...>». Яркая современная иллюстрация приведенной цитаты – Владимирская площадь с очередной «градостроительной ошибкой».

Из-за расположения вблизи пятна будущего наклонного хода здание «ПИК» отодвинуто от «красной линии». Это вселяло надежду на то, что при дальнейшем строительстве будет возобновлена линия застройки периметра Сенной площади с соблюдением сложившегося исторического масштаба.

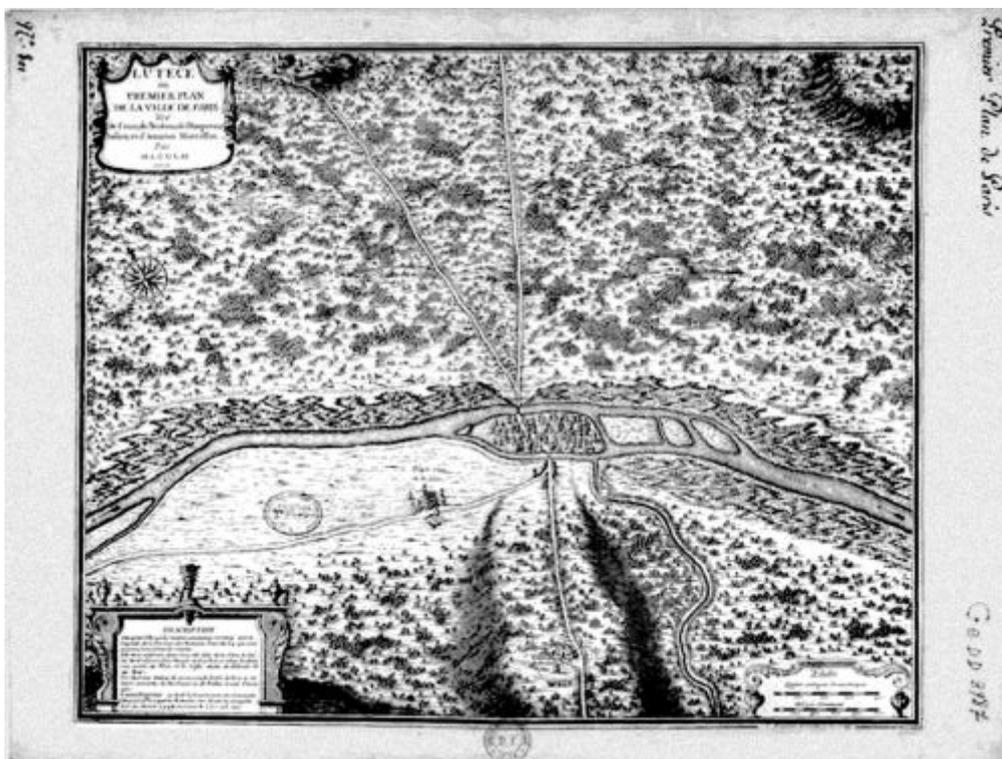
Однако владелец ТРК «ПИК» (ЗАО «Советник») намеревается выстроить перед уже воздвигнутым зданием еще одно сооружение высотой в семь этажей. ЗАО «Советник» и ГУП «Петербургский метрополитен» утверждают, что восстановление церкви «технически невозможно».

Между тем компромисс вполне реален – сегодня можно обойтись без глобальной реконструкции наклонного хода и ограничиться организацией входной зоны станции. Но как быть с семиэтажным зданием? И все-таки необходимо договариваться и делать взаимные уступки. Ради нас самих, для Санкт-Петербурга...

Сенная площадь в градостроительной структуре Санкт-Петербурга

Сенная площадь – знаковое место Петербурга. Планировка Петербурга долгое время не только отражала приоритеты первого русского императора, но и выдавала его сомнения в правильности принятого решения, неуверенность в том, что дело его будет продолжено. Первопрестольная так и не передала столичные ключи Петербургу, а Петропавловский собор не получил полномочий Успенского собора Кремля – венчаться на царство ездили в Москву.

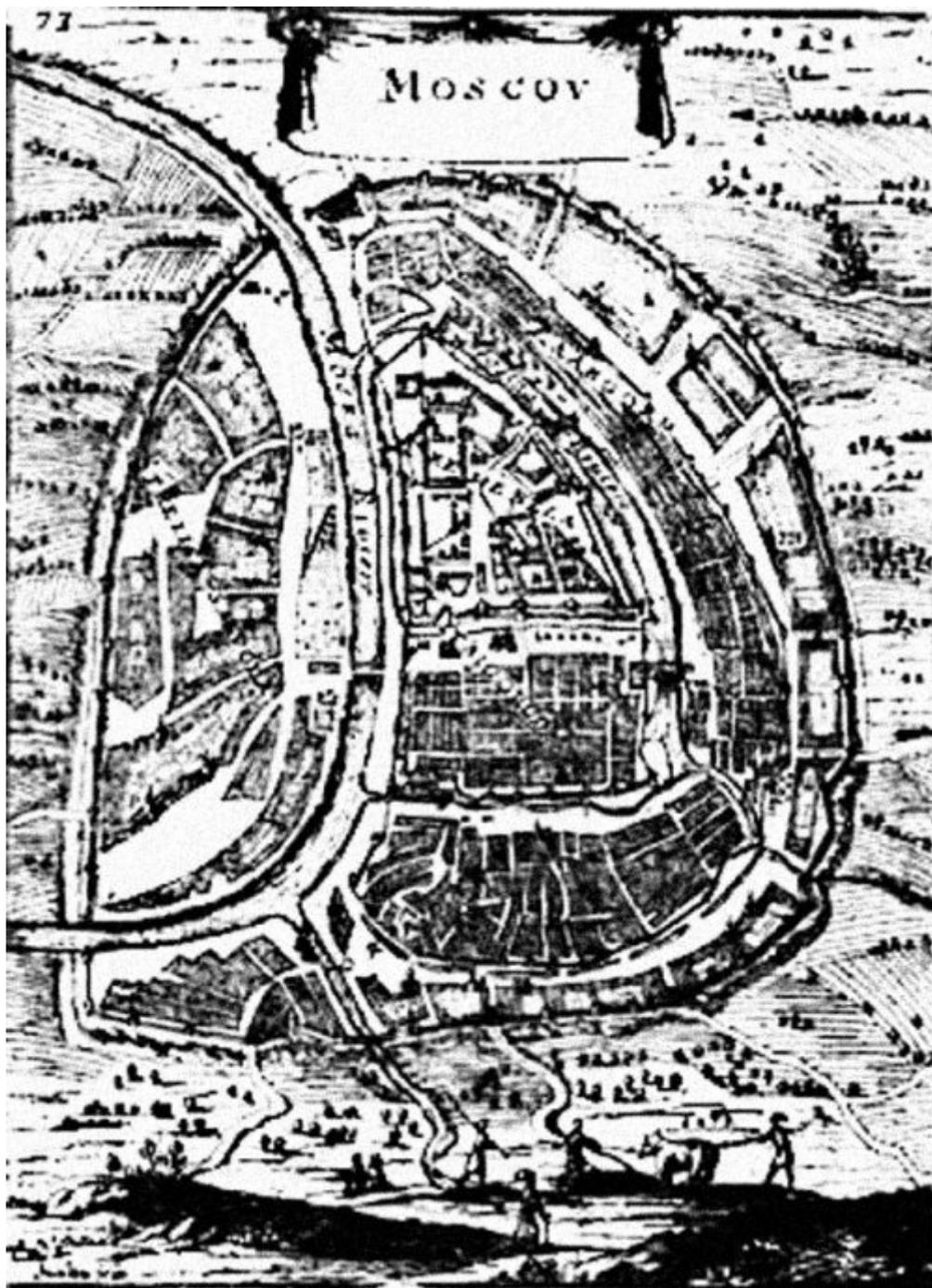
Новый «кремль» и «назначенная» Петром главная площадь не стали центром столицы, а императорский дворец ничем не выделялся из прочей аристократической застройки невской набережной. Московский тракт, берущий начало от стен Успенского собора Московского кремля, так и не дотянулся до Петропавловского собора. Он остановился на самом «народном» месте новой столицы – Сенной площади, возле Успенской церкви, а ведь в сознании народа Москва оставалась столицей и олицетворением России.

Париж. Остров Ситэ (один из ранних планов)

Петровский Петербург не имел выходов к торговым путям страны. Для сравнения транспортных схем Петербурга, Москвы и Парижа в книге приведены ранние планы этих городов. На них ясно видно, что и Москва, и Париж развивались в местах пересечения огромного количества дорог. Уместно вспомнить также о том, что «все дороги ведут в Рим», в то время как Петербург оказался изолированным от транспортной системы страны. Могут возникнуть возражения – а как же водные пути? Разве они не были теми артериями, которые питали новую столицу? Дело в том, что в силу специфики расселения в Петербурге, определявшейся географией территории, люди селились на наименее подтопляемых «островках». Понятно, что связь между ними, мягко говоря, была ограниченной, и город представлял

собой ряд разрозненных поселений. Они не имели общего центра притяжения, соединяющего эти поселения в единое жилое образование, центра, доступного в равной степени всем, куда поступали бы товары и продовольствие и откуда они распределялись бы по всему городу и где происходило бы общение жителей города между собой и с приезжающими в столицу – еще в начале мы говорили о том, что такое рынок, рыночная площадь, какое важное значение они имели в людской жизни.

План Москвы из Атласа Мале (1683 г.)

Этим местом оказалась Сенная площадь – она сочетала в себе свойства, необходимые и достаточные для стихийного закрепления на ней городского торгового центра. Кроме основных въездных магистралей Садовой улицы и Московского тракта к ней ведет множество мелких улочек и вплотную подходят два

водных протока – река Фантанная, в ранние времена Безымянный Ерик, и Глухая речка, или Кривуша, – так именовался в те далекие времена канал Грибоедова.

Таким образом, Сенная площадь стала фактическим центром столицы, поскольку именно на пересечении торговых путей с глубокой древности возникали площади, вокруг них формировались города, а рынок являлся решающим фактором существования города, его главным жизненным центром. Там люди встречались для осуществления действия, совершаемого только человеком, – товарно-денежного обмена.

Даже если решение Комиссии о строении о создании этой площади не было до конца осознанным в том смысле, какой мы придаем ему (Комиссия определила в своем плане размещение торговых площадей и в других местах, например у Исаакиевского собора), оно все равно было историческим для Петербурга. Этим город был включен в транспортную сеть страны и соответственно в ее социально-экономическую жизнь.

По регламенту, установленному Петром I, на главной городской площади должны были находиться городская управа, городской собор и рынок. Этот «набор» является исторически традиционным практически для любого города – и европейского, и российского. Так, «центр Роттердама был отмечен рыночной площадью, ратушей и вертикалью церкви». Такая же структура в XIV–XVI веках сформировалась на Красной площади Москвы – Кремль как оплот государственной власти, торжище и собор. И даже исполнение на Сенной площади телесных наказаний подтверждает нашу версию о ее центральности – они с древнейших времен проводились на центральных городских площадях, куда могло стекаться все городское население.

Все формальные признаки центральности присутствуют на Сенной площади – центральный рынок, церковь и гауптвахта как элемент государственной власти. Таким образом, в столице по существу произошла самоорганизация градостроительной системы, «выбравшей» себе центральную площадь.

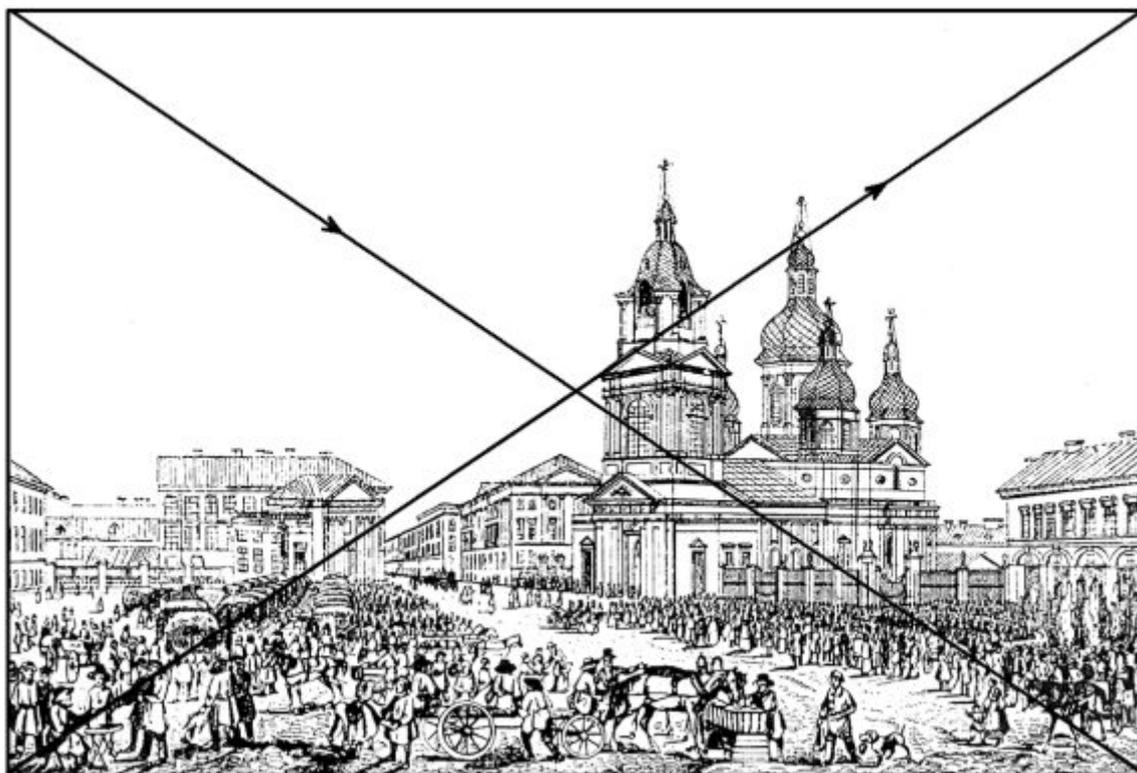
Посмотрим на литографию А. П. Брюллова, созданную в 1822 году. На Сенной площади крестьяне ведут торговлю на фоне красивого архитектурного пейзажа – это церковь Успения Божией Матери и здание караульного дома с симметричными портиками, решенными в классическом стиле. Как это ни парадоксально, изображение является прямой иллюстрацией выражения министра просвещения николаевского времени С. С. Уварова, который лишь через пятнадцать лет после создания архитектурной композиции на Сенной площади в словесной форме выразил российскую государственную доктрину – «...общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности». Все эти составляющие есть на брюлловской литографии – церковь, представитель самодержавной власти и народ.

В периодической печати XIX века неоднократно отмечалась народность как Сенного рынка, так и самой Сенной площади – цитаты приведены в соответствующих главах книги. На Сенную ринулся бунтующий народ во время эпидемии холеры. Именно сюда, к народу, пришел совершивший злодеяние Родион Раскольников. Но народ не принял его исповеди – слишком ничтожным был этот человек и не выстрадано было его покаяние. «Она для народа, сельская» – так определили ее солдатки, просившие защиты у министра в период ожесточенной борьбы за право владения Сенным рынком.

Советское государство присвоило себе функцию регулятора рынка и стало обязательным посредником акта купли-продажи. Ликвидация торговли на Сенной площади явилась свидетельством ограничения со стороны государства торговли как свободного товарно-денежного обмена и его антинародной политики, а уничтожение церкви Успения – знаком сокрушения духовных начал народа. Торговля на Сенной прекратилась, вскоре исчезли лавки, магазины, трактиры. Сенная опустела – с нее ушла жизнь.

Считалось, что церковь Спаса на Сенной имела необычайно благотворное воздействие на людей и «приносила удачу». С ней связаны имена множества жертвователей. Она не только была построена купцом, но и полностью содержалась на купеческие средства. «Начиная с самого основания частным человеком и до самых мелких более или менее ценных украшений – все имеет на себе печать частной жертвы – усердной жертвы доброхотных дателей. Здесь целые фамилии, увековечившие имена свои: Яковлевы, Кокушкины, Ниловы, Кузмины, Архиповы, Дурышкины, Крестовщиковы, Долбежины, Новиковы, Воденниковы и многие другие». Не только удачливые купцы, но и бедняк тоже нес сюда свою копейку. «Положительное влияние» этой церкви отмечалось неоднократно. Еще раз вспоминается А. И. Томилин, сравнивший храм с кокошем, защищающим крылами своих птенцов. «Вокруг нее собиралось все, что приезжало в столицу, <...> тут многие действительно и наживались, и так сказать оперялись и, оперившись, улетали отсюда в другие местности столицы. <...> Можно указать много богатейших купеческих фамилий в столице, предки которых приходили в Петербург пешком, поселялись на Сенной и, составив здесь капиталы, выселялись в лучшие части столицы».

Такое «положительное» влияние церкви может быть объяснено с позиции закона зрительного восприятия. При въезде на площадь с Московского проспекта, и особенно с Садовой улицы, композиция «церковь – гауптвахта» воспринималась фронтально, и ее можно вписать в прямоугольник. Разделенный диагоналями, он образует два треугольника.

Сенная площадь. Схема зрительного восприятия по Р. Арнхейму

Левая диагональ из верхнего левого угла в правый нижний называется нисходящей, или минорной, а из левого нижнего угла в правый верхний восходящей, или мажорной. Все основные элементы композиции во фронтальной плоскости всегда располагаются в правом нижнем треугольнике вдоль мажорной диагонали. Церковь занимала именно это положение при въезде на площадь и, вероятно, поэтому имела особенно сильное эмоциональное и психологическое воздействие. Но нижняя левая часть

изобразительной плоскости также является «сильной» как в картине, так в любом фронтально воспринимаемом пространстве. Именно в этой части расположено здание гауптвахты (на этих принципах основана организация действия на сцене, композиционный строй живописных полотен). Возможно, поэтому удалось с помощью небольшого объема гауптвахты уравновесить столь крупное сооружение, как церковь Спаса.

Церковь Успения Божией Матери была поистине народным храмом. Она возникла и содержалась на народные деньги и пользовалась необыкновенной популярностью среди населения. Ее считали особым приютом для сирот, в то время как служащие причта зачастую не имели квартир и им приходилось их нанимать за свой счет.

Работы у причта было много – «на исповеди в оба поста – Великий и Успенский бывает от 7000 до 8000 человек, и все беднота, да низший слой столичного общества», а жалованье причту не полагалось.

Подобно средневековым соборам, ее строили практически во все время существования. Результатом явилось сложное, многослойное, но очень цельное произведение, вместе с маленьким зданием кордегардии соединившее две въездные дороги в Петербург и создавшее парадный подъезд к его центру.

В создании церкви участвовало огромное число людей. Почетный список жертвователей, архитекторов, строителей, хранителей, прихожан необходимо дополнить именами тех, кто проявил гражданское мужество и осмелился противостоять государственной машине. Рискую своим положением, будущим, может быть, даже свободой, они сделали все возможное, чтобы предотвратить разрушение сенновского храма, а теперь и воссоздать его. Это Н. В. Баранов, Н. Н. Белехов, В. И. Пилявский, Ю. М. Денисов, В. В. Смирнов, П. И. Поляков, Д. А. Бутырин, а также оставшиеся «за кадром» участники собраний в Союзе архитекторов, члены ученого совета ЛИСИ, неизвестные корреспонденты, не побоявшиеся отправить письма в Москву. Это и те, кто осенял себя крестом, не будучи в силах остановить кощунство, и те петербуржцы и ленинградцы, которым дороги не только парадные улицы, но и дворы, где они родились и повзрослели, – замкнутые и глухие, перетекающие из одного в другой, проходные, красивые с садами и просто заключенные в брандмауэры, дома, растущие из стен, заложенных порой еще Петром.

Послесловие

Дорогие петербуржцы! Приношу вам благодарность, за то, что вы прочли эту книгу и прошу прочесть последнюю страницу.

Сегодня перед Сенной стоят три вопроса: надо ли освобождать площадь, не станет ли она «асфальтовой пустыней»? Чем «занять» Сенную? Нужно ли восстанавливать церковь Спаса на Сенной?

Некоторых горожан и специалистов смущают предложения и намерения освободить это гигантское пространство. «Что же она, пустая будет? – сокрушаются они. – Ведь на ней всегда была торговля!» Но, как мы с вами выяснили, не всегда. Надо посмотреть на это пространство другими глазами. «Пустые» городские пространства всегда служили для встреч горожан. Не пустовало, скажем, Марсово поле, вспомним картину Г. Чернецова. Проходили гуляния на Адмиралтейском лугу, на льду Невы. Только Дворцовая площадь никогда не была задействована для массовых народных гуляний, разве что установка Александровской колонны собрала на ней многотысячную толпу.

Удобное положение Сенной в сочетании с принятыми ею функциями центральной городской площади подводит к решению вопроса ее использования. Исторически она является крупнейшим в городе транспортным узлом. Несмотря на все утраты, Сенная сохраняет за собой эту «должность» и, как следствие, – свою центральность, что позволяет большим людским массам, не создавая толпы, свободно распределяться в прилегающие кварталы. Это дает возможность проводить на ней массовые мероприятия и может решить «проблему» Дворцовой площади, где, повторим, таковые никогда не проводились, но совсем не из-за ее «священной» неприкосновенности. По своей форме площадь напоминает ковш, из которого очень трудно осуществлять эвакуацию людей после концертов, фестивалей и прочего. Во времена парадов XIX века организованные военные колонны приходили из военных слобод у Троицкого собора по Вознесенскому проспекту и по Гороховой улице от Александровского плаца и туда же возвращались организованным строем. Если обратиться к старой иконографии, изображающей прохождение парадных колонн по Невскому проспекту, то на них видно, что они движутся от Дворцовой площади, а не наоборот. Это иллюстрируют акварели В. С. Садовникова «Вид Аничкова дворца и Невского проспекта на Пасху 11 апреля 1848 года» и «Парад на Невском проспекте (возле дворца Белосельских-Белозерских)» 1859 года. На обеих картинах изображен проход войск по Невскому проспекту по направлению к Благовещенской площади. Сейчас же колонны всех шествий движутся в противоположную сторону – к Дворцовой площади.

Советская идеология требовала проведения демонстраций именно перед бывшей царской резиденцией. Многие помнят плотные толпы людей, сплошной массой идущих после демонстрации по Миллионной улице (ул. Халтурина), по узким набережным Мойки. В оцеплении стояли милиция, солдаты,

дворовые арки, подъезды, проходы в переулки перекрывались военными машинами. Назад к Адмиралтейству и на Невский проспект было не вернуться по понятным причинам – оттуда люди прибывали и выход в обратном направлении был невозможен. Для того чтобы демонстранты могли относительно спокойно покинуть Дворцовую площадь, в 1964 году в створе набережной Мойки был построен 2-й Зимний мост через Зимнюю канавку, но и это не решило вопроса, и уход с площади до сих пор представляет большую проблему.

Проведение массовых праздников на Сенной площади сократит количество актов вандализма со стороны разгоряченной толпы, которой управляют иные законы, нежели одним человеком. Даже движение транспорта не обязательно перекрывать – его можно организовать в «тупиковом» режиме до Сенной и обратно.

Покидая Сенную, горожане заполняют окружающие ее мелкие и крупные улицы и, соответственно, расположенные на них магазины, магазинчики, кафе и рестораны, сбрасывая там накопившийся потенциал и опосредованно пополняя городской бюджет. Те, кому захочется уехать, могут спуститься в метро и отправиться в разные концы города – по домам или на центральные площади и набережные Невы.

В определенные дни и часы на площади можно устраивать ярмарки, как это делается сейчас во многих городах Европы и как это происходило исторически на всех рынках мира и на Сенной площади в том числе.

И главное – надо воссоздать церковь Успения, знаменитый Спас на Сенной.

Приложение

Антуан Франсуа Модюи

Французский архитектор Антуан Франсуа Модюи – одна из самых неизученных фигур в истории реконструкции Петербурга периода александровского правления. Его положение предопределил мемуарист Ф. Ф. Вигель, сослуживец по Комитету для строений и гидравлических работ, заявивший, что «как об архитекторе о нем говорить почти нечего». Этой фразой Вигель, образно говоря, поставил крест на творческой биографии и исторической судьбе Модюи.

Модюи известен как оппонент Монферрана при строительстве Исаакиевского собора в Петербурге. По убеждению подавляющего большинства исследователей, он, завидуя Монферрану, старался скомпрометировать гениального архитектора и помешать ему реализовать свои творческие замыслы. И только Д. Ю. Гузевич пришел к убеждению, что Монферрану без вмешательства Модюи никогда бы не удалось завершить постройку Исаакиевского собора.

В опубликованной в 2005 году статье о А. Модюи автором данной книги высказано мнение, что Монферран обязан своей славой именно соотечественнику, причинившему ему в свое время массу неприятностей. Сам Модюи считал свою карьеру в России неудачной – из всех архитекторов, его коллег по Комитету для строений и гидравлических работ, он единственный не получил ни одной награды. Вероятно, именно поэтому он не слишком распространялся о русском периоде жизни, считая своей заслугой прежде всего исправление проекта Исаакиевского собора. Сам архитектор считал себя одним из открывателей Трои и посвятил этому почти все свое эпистолярное наследие.

При более пристальном и внимательном прочтении монографий о современных Модюи архитекторах оказалось, что о нем можно сказать гораздо больше, чем это сделал Ф. Ф. Вигель и все остальные исследователи истории строительства Петербурга. Это коренным образом изменяет сложившуюся на сегодняшний день картину формирования классического облика Петербурга.

За границами внимания, за исключением, пожалуй, И. Э. Грабаря, остается заявление Ф. Ф. Вигеля о том, что именно Модюи принадлежат смелые идеи пробивки новых улиц и устройства площадей на местах многочисленных пустырей в центре города. Это, по словам Вигеля, Театральная площадь (ныне площадь Островского) и новые улицы: одна – ведущая к Чернышову мосту, другая – от Городской башни к Михайловскому дворцу. Он также упоминает о том, как выглядели эти улицы и площади в проектах Модюи: «...они были обстроены большими однообразными зданиями».

М. З. Тарановская, исследователь творчества Карла Росси, отводит Модюи роль завистливого и

бездарного конкурента великого зодчего, с легкостью решавшего труднейшие градостроительные задачи. При этом она не анализирует атрибутированный ею Модюи проект будущего ансамбля современных площадей Островского и Ломоносова и уводит внимание от того факта, что именно Модюи принадлежит идея регулирования планировки этой территории с помощью павильонов и что именно его проект был утвержден императором. Свой анализ Тарановская начинает с осуществленного варианта, лишь вскользь упоминая о периоде между 1816 и 1827 годами. Все остальные ансамбли не исследованы даже на подобном уровне, ибо, по ее словам, «исследование одного ансамбля дает право распространить этот опыт на все остальные». Таким образом, получилось, что и все остальные ансамбли тоже создал Росси.

Отметим также и то, что значительное количество планировочных проектов, разработанных в царствование императора Александра I для таких городских территорий как Васильевский остров, Петербургская сторона, Сенная площадь, Апраксин двор, до сих пор не были ни исследованы, ни проанализированы в контексте реконструкции Петербурга этого периода. Еще один фактор, не позволяющий считать полноценными и завершенными исследования архитектурно-градостроительного феномена Петербурга первой четверти XIX века, это полное игнорирование деятельности А. Модюи – одного из членов Комитета для строений и гидравлических работ архитектора. Поэтому изучение его творчества представляется объективной необходимостью.

Антуан Франсуа Модюи, в русской версии Антон Антонович, родился в Париже в 1775 году в семье известного в свое время математика, впоследствии члена Французской Королевской академии архитектуры. Он окончил это учебное заведение, но служить ему пришлось в инженерных войсках, которые занимались прокладкой улиц, созданием площадей, то есть регулированием городских территорий. Мечтая об архитектурном поприще, А. Модюи по совету и с рекомендацией посла Франции в России Армана де Коленкура, решился отправиться в далекую страну, чтобы попытаться реализовать себя. В Петербург он прибыл с женой в 1809 году, и уже 20 января 1810 года состоялась первая презентация императору его проектов для Васильевского острова и Петербургской стороны. В этом же году Александр I поручил ему проект регулирования и оформления в первую очередь территории перед императорской резиденцией Зимним дворцом, а также Адмиралтейского луга и Исаакиевской площади. Как писал сам Модюи в книге «Открытия в Трое» (отправлена им в дар императору Николаю I), «все проекты были одобрены», и архитектор ждал указа о начале работ. Однако резко изменившаяся международная политическая обстановка помешала реализации проектов. На время военных действий Александр I предоставил архитектору отпуск.

3 апреля 1814 года Модюи присутствовал в Лувре при встрече императора Александра I с бывшим наполеоновским архитектором П. Фонтеном. Во второй половине того же года он вернулся в Петербург. В это время он занимался восстановлением сгоревшего Большого каменного театра. По требованию Александра I архитектор сохранил практически без изменений возведенные еще Тома де Томоном стены и созданный им внешний вид театра. По свидетельству современников, интерьеры Большого уступали своей красотой среди европейских театров лишь Ковент-Гардену.

А. Модюи наряду с А. А. Бетанкуром принимал деятельное участие в подготовке создания Комитета для строений и гидравлических работ и в составлении программы его работы. Это следует из текста императорского Указа о Комитете, где в разделах о планировке говорится, например, о завершении работ по Петербургской стороне. Таким образом, можно сделать вывод, что Модюи первым должен был войти в состав Комитета. Одной из ключевых проблем проектирования Модюи считал разработку генерального плана города. Отметим, что он был единственным среди своих коллег по Комитету, кто поставил этот вопрос.

Как же случилось, что Модюи вдруг оказался за бортом истории? Чем руководствовался канцелярист

Вигель, делая свое столь несправедливое заявление? В научной литературе утвердилось мнение, что градостроительное мастерство Росси познал в годы учебы во Франции. Однако планировочная работа вряд ли могла интересовать его, ибо строительство городов, как пишет Т. Ф. Саваренская, было сферой деятельности военных инженеров. По словам самого Ф. Ф. Вигеля, эта профессия не была в числе престижных и считалась «плебейским инженерным делом».

Первые профессиональные градостроители вышли из среды военных инженеров. В то же время Модюи, имея архитектурное образование и всеми силами стремясь к работе архитектора, стал градостроителем поневоле, ведь в Париже ему пришлось, как известно, служить в инженерных войсках.

В период правления Александра I проектированием был охвачен весь город. Это территории Васильевского острова, Петербургской и Выборгской сторон, Коломны, Сенной площади и Обуховского проспекта, Апраксина двора. Основой генерального плана Петербурга стали его главные архитектурные ансамбли, первоначальным автором которых был архитектор А. Модюи, и которые, по выражению И. Э. Грабаря, гениально воплотил К. И. Росси.

Один из принципов генерального плана Петербурга александровского правления – «город как ансамбль». Ю. Л. Косенкова критикует такой подход к проектированию городов, считая его тупиковым. Однако генплан Модюи убеждает нас в обратном. Его город составлен из отдельных самостоятельных частей-ансамблей, в то же самое время объединенных в неразрывное целое.

По сравнению с картезианскими математическими моделями идеальных городов предложенная А. Модюи планировка Петербурга является качественно новым уровнем развития градостроительного искусства. Его генплан отличает жизненность, что выражается в решении чисто практических вопросов существования большого столичного города со своим хоть и небольшим, но уже существующим прошлым. Планировки Модюи были настолько глубоко продуманы, профессионально грамотны и точны, что Петербург развивался в русле его генплана в течение более полутора столетий.

После отъезда из России в 1827 году архитектор не прекратил свою деятельность. В течение нескольких лет он служил секретарем-библиотекарем во Французской королевской академии в Риме. В дальнейшем, уже по возвращении в Париж, он посвятил себя изучению места расположения Трои и изданию своих трудов. Модюи не замкнулся в узком пространстве схоластических споров, а сделал ряд любопытных наблюдений, например, об использовании бронзы для изготовления оружия. Особый интерес представляет его проект по реконструкции Лувра и Тюильри и строительству библиотеки (1833 год), а также его обращение к гражданину Луи Бонапарту и Конституционной Ассамблее о прекращении работ общественной пользы в Париже. Эпистолярное наследие А. Модюи является целью дальнейшего исследования творчества этого талантливого архитектора-градостроителя.

Литература

Александр (Федоров А. Н.). Образно-символическая система композиции древнерусского города. СПб.: Специальная литература, 1999.

Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. Т. 1. СПб., 1994.

Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М. 1974.

Атлас Мейера. Ч. VI. С. 568–578 / ГМИ Санкт-Петербурга. [А.Я.] Проект здания рынка на Сенной площади в Санкт-Петербурге. Зодчий. № 11. 1880.

Баранов Н. Н., Исаченко В. Г. Главный архитектор Ленинграда Николай Баранов. СПб., 2001.

Бардакова М. Духов день 1862 года в Петербурге // Русский архив. 1911. № 9.

Барышникова. Е. Ю. Андрей Квасов. СПб., 1997; Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век; сост. В. Г. Исаченко.

Бахтиаров А. А. Брюхо Петербурга. СПб., 1994.

Брокгауз Ф. А., Ефрон. И. А. Энциклопедический словарь. СПб., Лейпциг, 1891–1904.

Бунин А. В. Архитектурная композиция городов / А. В. Бунин, М. Г. Круглова. М.: Акад. архитектуры СССР, 1940.

Бутырин Д. А. Проектное предложение по градостроительному решению пл. Мира в Ленинграде. КГИОП, НМИИС. Инв. Н-2092, 23.06.1987.

Бутырин Д. А. Площадь Мира. КГИОП, НМИИС, 1974. Инв. № Н-2092.

Васильев Б. К истории планировки Петербурга во второй половине XVIII в. // Архитектурное наследство. № 4. 1953. Л.-М. Госиздатлит по стр-ву и арх-ре.

Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 кн. / Ф. Ф. Вигель. М., 2003. Кн. 1. 2003. Кн. 2. 2003.

Власов В. Г. Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 8-ми тт. СПб., 2000.

Вздорнов Г. И. Архитектор Пьетро Трезини // Русское искусство XVIII в. М., 1968.

Гессен С. Холерные бунты (1830–1832). М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932.

Григорьев Г., Носов С. Доска, или Встречи на Сенной: Быль-поэма с комментариями и иллюстрациями. СПб., 2003.

Денисов Ю. М. Караульный дом на Сенной площади (1818). Историческая справка. КГИОП. НМИИС.

Инв. № Н-5951/І. Л., 1951.

Денисов Ю. М. Архитектурное и археологическое обследование здания бывшей церкви на Сенной площади в Ленинграде. Статья. Авторизованная машинопись. 1963. ЦГАЛИ СПб.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Л., 1970. 568 с.

Еремеев Н. С. Сенная площадь // Ведомости СПб Градоначальства. 1909. № 204.

Земцов С. М. Реконструкция Сенной и Обуховской площадей // Архитектура Ленинграда. 1939. № 3. С. 46–48.

Зитте К. Художественные основы градостроительства. Пер. с нем. М., 1991.

Известия С.-Петербургской Городской Думы. СПб., 1865–1885 гг.

Калязина Н. В., Калязин Е. А. Петр Еропкин // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 1997. С. 171–180.

Каменский В.А. Проекты застройки и реконструкции проспекта им. И.В. Сталина // Архитектура и строительство Ленинграда. 1954. № 2.

Катерли Н. Сенная площадь. СПб.: Совиттурс; Позисофт, 1992 (Петербург. XXI век).

Керсновский, А. А. История русской армии: в 4-х т. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700–1814 гг. М., 1992.

Кириченко Е. И. Императорский Рим в столицах Французской и Российской империй / Кириченко Е. И. // Стиль ампира. М., 2003. С. 29–35. (Архитектура в истории культуры; вып. 5).

Китнер И. С. Здание рынка на Сенной площади. Зодчий. № 1. 1883.

Китнер И. С., Николаева Т. И. Иероним Китнер (Архитекторы Санкт-Петербурга). СПб., 2000.

Кормильцева О. М., Леонтьев А. Г., Петрова М. А. Успеть поработать для вечности... Н. Н. Беликов, А. Н. Петров, Е. Н. Петров: жизнь и творчество. СПб., 2009

Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. Изд. 2-е, доп. – М., 2009.

Красиков Н. Я. Садово-парковые строительные работы. Л., 1969.

Крестовский В. В. Петербургские трущобы. Роман: в 2 кн. СПб. 1993.

Кривцов К. С. Метрополитен в генеральном плане развития города // Строительство и архитектура Ленинграда. 1965.

Курбатов В. Петербург. СПб., 1993.

Лавры, монастыри и храмы Святой Руси. С.-Петербургская епархия. СПб., 1909. С. 104. [Л.] Проект нового рынка в Петербурге // Санктпетербургские ведомости. 1864. № 55.

Лапис И. Л. Историческая справка по дому Дехтеревой (Спасский пер., 11) КГИОП, НМИИС, Ф. 66. Инв. № Н-31151. 1990.

Лейбзон В. А. Здание б. кордегардии (б. городская лаборатория), ул. 3-го июля, дом № 37. Историческая справка. КГИОП, НМИИС. Инв. № Н-167.

Лейбошиц Н.Я., Пилявский В. И. Материалы к истории планировки Петербурга в первой половине XIX века // Архитектурное наследство. М., 1955. Вып. 7.

Лейкин. Н. А. Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX в. СПб., 2003.

Лоханов Г. И. К вопросу о строительстве здания Гауптвахты на Сенной площади / Доклады 58-й

научной конференции. СПб., 2001. Ч. 2.

Лушрко Э. М. Исторические этапы архитектурной полихромии Санкт-Петербурга. КГИОП, НМИИС. Инв. № Н-6035.1998.

Матвеев Б. М. Образы Петербурга. Мистика и реальность. М., СПб., 2009.

Марголис А. Д., Семенов С. В. Санкт-Петербург. Планы и карты. СПб., 2004.

Медерский Л. А., Денисов Ю. М. Историческая справка по зданию б. церкви Спаса на Сенной площади (пл. Мира). КГИОП, НМИИС. Инв. № Н-2889. 1960.

Метрополитен северной столицы. 1955–1995. СПб., 1995. *Мясникова М. Е., Степанова Е. А., Ушакова Д. А., Павлова*

С. В. Экспертное заключение с целью уточнения статуса памятника истории и культуры федерального значения. СПб, 2000. КГИОП, НМИИС, Н-5889

Ншматуллина К. Покровитель Сенной // Невское время. № 48. 22 марта 2005.

Никулина Н. И. Карл Иванович Росси. 1775–1849. Каталог архитектурных чертежей и проектов предметов прикладного искусства / сост. кат., авт. вступит, ст. Н. И. Никулина, Н. Г. Ефимова; под общ. ред. Н. И. Никулиной. Л., 1975.

Образцов И.Я. Начало обновления Спасо-Сенновской церкви. СПб., 1867.

Образцов И. Я. Историко-статистическое описание Спасо-сенновской церкви в Петербурге. СПб., 1885.

Об устройстве рынков в Санкт-Петербурге // Доклад СПб Городской Думе. СПб., 1912.

Панаева А. Я. (Головачева). Воспоминания. М., 1956.

Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. М., СПб., 2004.

Писемский А. Ф. Взбаламученное море. ПСС. Т. 10. СПб., Изд. Товарищества М.О. Вольфа, 1885.

ПТАМ под руководством А. А. Родькина. Предпроектные проработки II очереди Сенного рынка – Торгового комплекса “Сенная”. Краткая историческая справка. СПб., 1999. КГИОП НМИИС, инв. № Н-4621

Путилин И. Д. 40 лет среди убийц и грабителей. Записки первого начальника петроградской сыскной полиции. Пг.-М., 1916.

Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1889. С. 276.

Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. СПб.: Академ, проект, 2000.

[П.Б.] Дух Екатерины II. Русский архив. 1865. С. 1280–1281.

Реймерс, архитектор. О Сенной // Петербургский листок. 1866. № 84.

Саваренская Т. Ф. Градостроительная культура Франции XVII–XVIII веков / Т. Ф. Саваренская, Д. О. Швидковский, Л. Н. Кирюшина. М.: УРСС, 2004. 128 с. (Теоретические основы градостроительства).

Саваренская Т. Ф. Западноевропейское градостроительство. М., 1987.

Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды / Т. Ф. Саваренская. М., 2004. 376 с., илл.

Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм / Т. Ф. Саваренская, Д. О. Швидковский, Ф. А. Петров. М., 2004. 392 с.: ил.

Свешников Н. Петербургские Вяземские трущобы и их обитатели. СПб., 1900.

Семенцов С. В. Санкт-Петербург. Сенная площадь. Выявление историко-градостроительного регламента участка / С. В. Семенцов, В. В. Антонов, М. Е. Монастырская, Т. А. Славина, С. М. Угай. КГИОП, НМИИС. 1999. 20 с.

Семенцов С. В. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века / С. В. Семенцов, О. А. Красникова, Т. П. Мазур, Т. А. Шрадер. СПб., 2004.

Сенная площадь в Петербурге. Новое время. 1878. № 970.

Сенная площадь // Иллюстрация. 1859. С. 177. № 62.

Синюхаев Б. Г. Садовая улица. Л., 1974.

Смирнов В. В. Скверная история // Дизайн и строительство. 2003. № 1.

Соколов А. И. Проекты новых станций метро // Строительство и архитектура Ленинграда, 1962, № 4. С. 5.

Стодвадцатипятилетие Сенной площади // Столичный курьер. № 258. 04.03.1899

Столянский П. Н. Петербург. СПб., 1995.

Султанов Н. Дом Яковлева // Зодчий. № 5, 1902.

Таненбаум А. С. Василий Петрович Гурьев и его идеи о дорогах для автомобилей. СПб., 1902

Тарановская М. З. Ансамбль площади Островского, улицы Зодчего Росси и площади Ломоносова в Ленинграде: автореф. дис... докт. арх. Л., 1965. 52 с.

Тарановская М. З. Карл Росси. Архитектор. Художник. Градостроитель. Л., 1980. 221 с.

Твердюкова Е. Д. Колхозная торговля Ленинграда 1930-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 4. 2007. С. 126–133.

Томилин А. И. Исторические труды. СПб., 1854.

Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга / Авторский коллектив, под ред. А. Г. Владимировича. СПб, 2002. 808 с. (“Три века Северной Пальмиры”)

Три века Санкт-Петербурга / Т. II. Девятнадцатый век. Кн. Шестая С-Т. СПб. Факультет филологии и искусства СПб ГУ. 2008.

Тубли М. П. Авраам Мельников. Л. 1980.

[И. Р. фон-дер-Ховен] Бунт на Сенной площади в Петербурге. 22-го июня 1881 г. Рассказ стоявшего в тот день в карауле гвардейского офицера // Русская старина. Т. XVII. 1885. Июль.

Холера в Петербурге в 1830 г. // Русская старина, 1892, № 9, стр. 742–749.

Швидковский Д. О. Основания Петербурга. Санкт-Петербург и архитектура России. М., 2007. (Архитектура в истории культуры. Вып. 7). С. 8—24.

Шелаева А. А. И. С. Лесков – историк Петербурга: статьи о пожарах 1862 г. / Петербургские исследования. Сб. науч. статей. И-во С.-Петербургского университета. 2006. С. 314–324.

Шильдер Н. К. СПб.: Александр Первый / И. К. Шильдер в 2-х т. СПб.: Изд. А. В. Суворина, 1905.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903.

Шульц С. С. Храмы Петербурга. СПб., 1994.

Черепенина Н. Ю., Шкваровский М. В. Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке. 1917–1941.

СПб., 2000.

Юркова З. В. Архитектурные знаки Садовой // Дизайн и строительство. 2001. № 2. С. 32–33.

Юркова З. В. Сенная площадь – первая парадная площадь Петербурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 4. 2007. С. 49–51.

Юркова З. В. Сенной рынок / Памятники истории и культуры Петербурга. СПб, 2005. Вып. 8.

Юркова З. В. Церковь Успения Божией Матери / Памятники истории и культуры Петербурга. СПб, 2005. Вып. 9.

Юркова З. В. Антон Антонович Модюи // Реконструкция городов и геотехническое строительство. 2005. № 9. С. 264–278.

Юркова З. В. Процесс формирования архитектурно-планировочной структуры Санкт-Петербурга первой трети XIX века (на примере творчества А. А. Модюи), дисс...канд. арх. СПб., 2009.

Юркова З. В. Павильон как средство организации пространства // Доклады 64-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов университета. СПб, ФАО СПб ГАСУ, 2007. Ч. III.

Яковченко Р. Н. Московский проспект. Л., 1986. 142 с.: ил.

РГИА. Ф. 796.

РГИА. Ф.797.

РГИА. Ф.1267.

РГИА. Ф.1287.

РГИА. Ф.1293.

РГИА. Ф.1601.

ЦГИАСПб. Ф. 513.

Gouzevich Dmitri. Montferrand et. Mauduit: un conllit sa-lut.aire. De Montferrand a Saint.-Petersbourg. Auguste Ricard de Montferrand, nouvelles approches. Clermonte-Ferrand (Puy-de Dome), 17, 18 et. 19 octobre 2008/ Aliance Univer-sitaire dAuvernge/

Mauduit, A. F. Decouvertes dans la Troade / A. F. Mau-duit. Paris, Londres, 1840. 235 p.

